

ISSN 0869-3129

КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

3. 2021

12+

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Учредители
(соучредители):

ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
«КБР-МЕДИА»

И. о. главного редактора – В. М. МАМИШЕВ

Редакционная коллегия:

Светлана Алхасова
Руслан Ацканов
Муталип Бепшаев
Адам Гутов
Виктор Котляров
Лариса Маремкулова
Светлана Мотгаева
Александр Мусукаев
Александр Пряжников
Юрий Тхагазитов
Андрей Хакуашев
Мухамед Хафицэ

Общественный совет:

Борис Зумакулов
(председатель совета)
Касбулат Дзамихов
Мурат Карданов
Замир Мисроков
Пшикан Семенов
Хаути Сохроков
Пшикан Таов
Аминат Уянаева
Феликс Хараев
Башир Хубиев
Сафарби Шхагапсоев

3. 2021 МАЙ–ИЮНЬ

СВОИ ДОРОГИ

К 80-летию А. С. Созаева

Народный поэт Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, лауреат Государственной премии России Ахмат Созаев

Ахмат Созаев пришёл в балкарскую поэзию во второй половине 60-х годов – в момент, когда, при видимом благополучии национальной литературы, оформлялся её глубокий системный кризис. Пластичность, материальная наполненность балкарского поэтического текста к этому времени стала признанной и восторженно принимаемой литературоведами и критиками СССР характеристикой, но именно её доминирующее присутствие в текстах всех стихотворцев свидетельствовало о стагнации эстетического мышления. Подспудное ощущение завершённости какого-то эволюционного этапа и явной задержки в его границах было присуще многим художникам – и признанным мэтрам, и сложившимся после депортации профессионалам, и молодым, совсем недавно заявившим о себе.

Сейчас, по прошествии нескольких десятилетий, мы видим, что именно на рубеже 60-х – 70-х годов прошлого века национальный стиль балкарского стихосложения вошёл в полосу диверсификации. Она началась с изолированной автономизированной символики К. Кулиева, яркой гендерной своеобразности Т. Зумакуловой и радикальных формальных изысков А. Байзуллаева, продолжилась многоярусной метафорой С. Гуртуева и понятийно-категориальной поэтикой И. Бабаева... Пожалуй, все авторы, чей индивидуальный стиль сложился до конца 70-х, приняли участие в поисках новых моделей рефлексии и, в конце концов, обрели стабильность в пределах определённых и конкретных схем самовыражения.

Все, кроме Ахмата Созаева. Он оказался тем человеком, манера художественного выражения которого была свободна от текущего статуса балкарской литературы, от запросов читателя; она всегда зависела лишь от его творческой воли. Ахмат Султанович оказался творцом, так и не признавшим некое единое и законченное направление развития и создававшим всё новые и новые поэтические миры, практически не зависящие друг от друга. Вечно длящийся эксперимент, цепь неограниченных попыток идентифицировать все возможные стороны художественного

отражения воплотились в сотнях стихов, каждый из которых являл миру нового автора, на первый взгляд никак не связанного традицией.

Но внимательный анализ текстов Созаева всё же позволяет обнаружить в них сквозную черту, относящуюся, правда, не к выразительному результату творческого процесса, а скорее к причине художественного осмысления мира, точнее, к его конечной цели. Особенность, выражающая онтологическую суть эстетического взгляда поэта, его личную мотивацию к личной же интерпретации видимого и переживаемого.

«Деревя – наши руки, протянутые из земли.

Звезды – наши слезы, в последний пролитые миг.

Тучи – наши тени.

Реки – наши песни, которых донеть не успели.

Молния – миг до атаки.

Радуга – наша тоска по вам

И наш многоцветный след...» – донельзя прозрачная и ясная иллюстрация новых информативно-структурных и ритмико-синтаксических подходов к осмыслению классических для балкарской поэзии смысловых и эмоциональных полей. Это, прежде всего, касается жёсткости границ виртуального, заданной на абстрактно-понятийном уровне, и во всех текстах А. С. Созаева проявляется как настойчивое стремление уйти от привычных образных рядов, ритмических и лексических канонов с преобладающим чувственным содержанием. Как видно по приведённому образцу, даже в границах традиционной для балкарского мировидения «фактурной» модели рефлексии, автор выстраивает собственную архитектуру образа, возводя на материальном, осязаемом субстрате художественного представления новый ярус отражения бытия. Поэт стремится от конкретики к символической подаче описываемого, но при этом не просто сохраняет сензитивность картин – он акцентирует восприятие читателя на них, придавая вновь сотворённой понятийной и масштабной панораме острую, даже физиологическую, достоверность.

В этом движении к синтезу несовместимого на апперцептивном уровне – весь Созаев. Если не каждый текст, то, безусловно, каждая более-менее цельная группа его произведений, каждый цикл оснащён оппозиционными рядами рефлексивных параметров, часто типологически противоречащих друг другу. И, чисто внешне, эти блоки сквозных параметров поэтики балкарского поэта восходят к различным источникам, весьма далёким от культурно-информационного поля Северного Кавказа.

Но его поистине барочная универсальность – отнюдь не плод культурной всеядности и освоения алгоритмов лирического переживания, порождённых этико-эстетическими системами Запада и России. Это, прежде всего, творческий и глубоко осмысленный ответ на внутреннее напряжение в каркасе всего здания балкарской поэтики, зафиксированное им в самый нужный момент. Сейчас трудно сказать, насколько

чётко молодой Ахмат Созаев осознавал необходимость в радикальных изменениях и модернизации принципов художественного отражения в 70-х годах прошлого столетия. Как бы то ни было, сейчас перед нами – реальный факт полувековой протяжённости, бесспорная и достоверная, ввиду «совершенности», история повторявшихся удачных взломов эстетических канонов национальной художественной словесности, во многом определившая дальнейшее многообразие стилей балкарской поэзии. Эти циклические реформации стиха ценны, тем более что они, фактически, каждый раз означали отход от тех приёмов и методов созидания художественных текстов, которые оставались вполне функциональными и одобряемыми читателями и специалистами. И, хотя любая культура не терпит лакун и, при наличии таковых, всегда заполняет их – не побоимся признать уникальность нашего поэта, экспериментатора и первопроходца, человека, всегда готового пройти своими дорогами. С юбилеем Вас, Ахмат Султанович!

*Кайсын КУЛИЕВ,
народный поэт Кабардино-Балкарии,
лауреат Ленинской премии*

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПУБЛИКАЦИИ А. СОЗАЕВА «РАДУГА – ЭТО НАШ СЛЕД МНОГОЦВЕТНЫЙ»

В балкарской поэзии, давно пользующейся добрым отношением читателей республики, а ныне уже завоевавшей известность в стране, работают талантливые и даровитые молодые поэты, которые стремятся сказать свое слово, не похожее на другие, двигаться дальше, не повторяя старших. Это, разумеется, дело трудное, но все же кое-кому из них оно оказалось по плечу. Ахмат Созаев служил в Советской Армии, окончил филологический факультет университета. Знания, как говорится, не помеха дарованию. Ахмат – автор двух книжек стихов, часто печатается в балкарской периодике. А главное – он талантлив, что, несомненно, остается важнейшим качеством всякого художника. О стихах Созаева, как мне думается, теперь уже можно говорить всерьёз. Он с каждым годом становится самостоятельнее. А это, как известно, является важнейшим делом в творчестве. Стихи Ахмата не крикливы, а темпераментны, содержательны, образны, пластичны, современны не по внешним признакам, как бывает нередко, а по сути, по чувству времени и ответственности. У него хорошая школа, идущая от нашего общего учителя Кязима, от его реалистического стиля, от его содержательности и глубины. Ахмат

Созаев, как и некоторые из наших молодых поэтов, умеет использовать достижения родной поэзии, учиться на них, в то же время стремясь к самостоятельности. Его вещи дышат живой жизнью. У моих земляков – чегемских крестьян, есть поговорка: «Того, кто может убить волка, видно по шапке». Созаев может. Это видно по его стихам. На наших глазах растёт ещё один талантливый балкарский поэт. Мне, как и полагается старшему собрату, только остаётся пожелать ему большого пути в поэзии.

Ахмат Созаев с Кайсыном Кулиевым

Стихи молодого балкарца впервые переводятся на русский язык. Это для него – событие, которое обязывает и кладет на его плечи груз серьёзной ответственности. Излишне говорить о том, что русский язык – это язык величайшей поэзии. Я не сомневаюсь в том, что Ахмат Созаев хорошо это понимает.

*Литературная Россия. 1972. 3 ноября
Газета «Советская молодёжь», 30 июня 1981 г.*

И ПЕРЕВОДЧИК, И ПОЭТ

В литературном мире хорошо знают Лазаря Вениаминовича Шерешевского. Он – известный поэт и переводчик. Давняя творческая дружба связывает Лазаря Вениаминовича с нашей республикой.

Недавно наш корреспондент М. Хежев встретился с Л. В. Шерешевским и взял у него интервью.

– Как и когда возникла у Вас связь с Кабардино-Балкарией?

– Лет десять назад в Москве на одном из вечеров обсуждался сборник «Вижу солнце» тогда ещё ни разу не переведённого Ахмата Созаева, ныне лауреата премии комсомола КБАССР. Сборник понравился, было высказано мнение познакомиться с творчеством молодого балкарского поэта всесоюзного читателя. Я решил взяться за работу, и в 1974 г. в Нальчике вышла книга «Солнечные тени» Так возник мой контакт с литературным кругом вашей республики. С тех пор я переводил Саида

Шахмурзаева, Зубера Тхагазитова, Адама Шогенцукова, Бориса Кагермазова, Сафара Макитова.

– Точно так же, как у каждого истинного поэта есть своя тема, своя манера, свой «внутренний голос», у переводчика – художественные вкусы, привязанности, взгляды. Какой исходный материал Вам по душе более всего?

– Если я обнаруживаю в подстрочнике искренний лиризм, глубину мысли, то ясно – это «моё». Вот почему я с большим удовольствием сотрудничаю с А. Созаевыми и З. Тхагазитовым.

– Сейчас много говорят и пишут о поэтическом переводе... Что лично для Вас важнее – сохранить «душу» произведения или же строгое соблюдение его формы?

– Вопрос не простой. Конечно, следование, ритму, рифмовке оригинала – дело не последнее, но немалое значение имеет и органическая структура языка. Возьмём кабардинский. В отличие от русского, музыкальный строй его допускает слияние нескольких глухих звуков. Отсюда – и определённая сложность. И ещё – смотря с каким поэтом работаешь. Например, Адам Шогенцуков требует чуть ли не буквального соблюдения формы. Вообще-то лирика представителей старшего поколения более традиционна, она редко когда выходит из русла классической национальной поэзии. Хотя и в их творчестве появляются новые черты. К слову, это можно наблюдать у Сафара Макитова. У тех, кто помоложе – А. Созаева, З. Тхагазитова – более раскованная схема стихосложения. Используя опыт русской, мировой литературы, они стараются расширить устоявшиеся традиционные рамки – пишут и верлибром, и белым стихом, и свободным. А если ответить на ваш вопрос кратко, главное для меня – сохранить дух первоисточника.

– Вы сами поэт, автор нескольких сборников. Как уживаются эти две страсти, не мешает ли одно занятие другому?

– Очевидно, каждому отпущен природой определённый, ограниченный запас сил, творческой энергии. Потому, вероятно, и существует мнение, что, дескать, не надо распыхиваться, лучше «уйти» в одно направление. Я же думаю несколько по-иному, и опыт классиков, пожалуй, на моей стороне. Я переводил и перевожу многих: прибалтийцев Межелайтиса, Марцинкявичуса, поэтов Северной Осетии Муртазова, Дзасохова, Акаева, Гагиева, трудился над книгой Эмина «Век. Земля. Любовь», удостоенной Государственной премии СССР. На это, бесспорно, уходит время. Но порой, к удивлению, обнаруживаю: переводя, обретаешь своеобразный толчок, импульс. Работая над «Пантомимами» Межелайтиса, я вдруг ощутил прилив сил и в один присест написал половину своего будущего сборника. А всего их у меня четыре. Практически, все крупные поэты

в той или иной степени занимались переводами. Николай Заболоцкий, Николай Тихонов в двадцатые годы познакомили нас с поэтами Закавказья. Вспомним о прекрасном содружестве литераторов Грузии и Бориса Пастернака. Пушкин переводил Мицкевича. Ясно одно: знакомство с культурой, поэзией разных народов обогащает, расширяет кругозор, круг собственных тем. Свои стихи – родные дети, переводные – приёжные, а хороший отец относится к ним и любит одинаково. Вопрос в том, как переводить.

– *Так как же?..*

– Случается, что переводчик, благодаря технике, высокому мастерству, улучшает первооснову. Гораздо чаще, к сожалению, наоборот. Нельзя ломать внутреннюю архитектуру стиха, излишества здесь недопустимы. Соблюдение пропорций, чувства меры – закон. Проблема – сохраняя национальный колорит, добиться, чтобы стихи звучали на другом языке так же слаженно, органично, как и на родном. Все знают «Горные вершины», думают, что это произведение Лермонтова, а это прекрасный перевод из Гёте. Или ставший поистине русским «Вечерний звон» – перевод современника Пушкина Ивана Козлова.*

Классические образцы: «Журавли» Расула Гамзатова или «Всё ещё впереди» Кайсына Кулиева поёт вся страна. Хочу ещё добавить, что переводчик для поэта не только соратник, но и, в какой-то мере, соперник.

– *И последнее: ближайшие планы...*

– Заканчиваю книгу своих стихов. В скором времени в издательстве «Советский писатель» выходит переведённый мною сборник Ахмата Созаева. Мои отношения с литераторами Кабардино-Балкарии крепнут и расширяются. И я очень рад этому.

Лев ОЗЕРОВ

ПЕСНЯ РОДНИКА

В окрестностях Нальчика, в посёлке Ак-Су есть горный родник. Он журчит среди камней и даже издали даёт путнику ощущение чистоты и прохлады. Житель этих мест, молодой Ахмат Созаев стоит у родника. Это не литературный образ. Это указание на место действия его поэзии. А поэзия его стремится передать песню родника, блики солнца на его струях, живо текущую по жилам горскую свежесть.

* Текст песни «Вечерний звон» традиционно приписывается английскому (ирландскому) поэту Т. Муру. Однако сам он считал его пришедшим из России.

Я встречал Ахмата Созаева в Нальчике и в Москве, среди высоких домов, на аэродроме, в кругу друзей. Он был и здесь самим собой, не терял лица. Я видел его в разных местах и ситуациях, но только у родника я увидел его истинное лицо.

*В глубоком застыв размышленье,
Над горным ключом я стою.
В его равномерном биенье
Я песни земли узнаю.*

Прислушиваясь к мелодике стихов Ахмата Созаева, я, вместе с тем, слышал «равномерное биенье» родника. Песни земли здесь не иносказание. И родник, и земля, и песня даны в прямом смысле. Для того, чтобы в этом убедиться, надо прочитать книгу Ахмата Созаева.

Родниковая песня, казалось бы, предполагает только наивность, непреднамеренность, естественность – прекрасные качества. Но подчас принято родниковую песню противопоставлять культуре, книге, образованности. Ахмат Созаев снимает это противопоставление. Его поэзию поят родниковая балкарская песня, кованные строки, вышедшие из чудесной кузни Кязима Мечиева, и, вместе с тем, русская поэтическая классика, европейские мастера и среди них, в первую голову, Федерико Гарсия Лорка, современный верлибр – всё то, что Ахмат Созаев воспринял из уст своего непосредственного учителя Кайсына Кулиева.

Умение бытовое, обиходное, привычное делать возвышенным, одухотворённым, сказочным, составляет существо работы поэта. Женщина идёт по воду? Нет, она уходит в сказку:

*Видно, ты уходишь в сказку,
А совсем не за водой.*

Ощущение мягкого перехода обыкновенного в необыкновенное не покидает меня на всем протяжении книги, на всем протяжении встречи с поэтом. А что такое книга, как не встреча, не беседа с автором? Ахмат Созаев – собеседник. Но не только собеседник. Он ещё и рисовальщик. Читаю строки Ахмата Созаева и вижу линии горы, проступающие на облаке, вижу облако, дымчато обозначенное на синеве, вижу синеву, разлившуюся над Приэльбрусьем. Горные склоны, потоки, озера, пастбища, пути – все это нарисовано не специально, а как бы проходя, при доверительном рассказе о своих чувствах и о чувствах своих современников.

Балкарский читатель узнал и оценил стихи Ахмата Созаева. Теперь, после публикации в центральной периодике, поэт выходит к читателю с первой книгой стихов в переводе па русский язык.

В книге много солнца – названного и неназванного.

Если появляется в стихах луна, то она робко дожидается и стороне, когда солнце позволит ей взойти на небосклон. Прихотливая игра солнца

и луны, дня и ночи передаёт живой круговорот суток, и это обозначено в поэзии Ахмата Созаева с нежной точностью. Солнце отбрасывает тени, и эти тени ещё более подчёркивают интенсивность света.

Много дождей вперемежку с солнцем. Много зелени в солнечных крапах. Много цветов, возникающих неожиданно и кстати.

*Цветы – как люди,
Люди – как цветы.*

У Ахмата Созаева природа норовит поступать так, как поступает человек. Это ей не всегда удаётся. Что же касается человека, то в лучшие, заповедные свои часы он стремится идти вслед за природой. В этом единстве природы и человека поэт ищет свою гармонию. У него «морской закат раскуривает трубку», луна звучит «горной песней», «музыка лунного света спит в гитаре», запах хлеба напоминает «тёплый вечер», сильные руки отца на отдыхе – «словно спящие кони»... Образный строй поэзии Ахмата Созаева естественно передаёт строй его жизни, её трудовой распорядок, расписание дня балкарского крестьянина, мечтателя, художника.

Такое гармоническое сочетание поэзии и жизни позволяет с надеждой смотреть на Ахмата Созаева, на завтрашний день его поэзии.

*Нина ШОГЕНЦУКОВА,
доктор филологических наук, профессор*

ЕСЛИ УЛЫБАЕШЬСЯ МИРУ...

Человеку надо пройти немало дорог, прежде чем он сможет понять: в его жизнь приходит ровно то, что он сам привносит в неё. И не важно, что происходит в ней, важно, как он это воспринимает. Если улыбаешься миру, то он улыбается тебе в ответ...

У поэта особое, метафорическое восприятие мира. Полагают, что подобное мышление, присущее расширенному сознанию, для большинства станет доступным лишь в будущем. Поэт же сегодня способен видеть Вселенную как единство, где сняты противоположности. Благодаря особому ракурсу зрения Ахмат Созаев видит улыбку не только мужчины, дарящего кольцо любимой, не только улыбку ребёнка, «родины росточка», не только улыбку на губах спящей девушки, похищаемую поцелуем юноши, но и улыбку того, что в общем представлении не может улыбаться, не является живым, олицетворённым. И именно это восприятие рождает такой образ, как «солнечные тени». Эдуардас Меже-

*Отец Ахмата Созаева –
Солтан Карамурзаевич*

лайтис не случайно высоко оценил его, назвав очень тонким. Для обычных людей существует «или – или»: или солнце, или тень, а для поэта «в мире блуждают солнечные тени». Много в поэзии Созаева и утра, светлого, радостного, хотя цвета его – бирюза и позолота. У утра есть глаза – две капельки росы. В этом особом мире, вернее, обычном, но увиденном особым взглядом, утром пробуждается и потягивается окно, «утро – словно яблока щека, солнцем подрумяненная слегка».

Не только нежное утро и солнечный день существуют в поэзии Созаева, но и их полюса, вечер и ночь. Однако и они прекрасны. Стихотворение «Ночной родник» – ещё одно свидетельство видения мира как единства, составляющие которого равнозначимы, равновелики.

*На ясном вечернем небе
Звёзды – как след арбы.
Слышу их тёплый лепет
В извилах горной тропы.*

Замечательный образный ряд этого стихотворения позволяет сказать о метафоричности не только как об универсальном начале, но как и о сердцевине поэзии этого автора и, в целом, о национальной картине мира. Вообще, определение «национальное» в случае Ахмата Созаева приложимо ко всем составляющим его творческого мышления. Каждое стихотворение поэта наполнено национальными реалиями. Здесь это горы, сакля, арба, аул. Достаточно посмотреть на заголовки стихов, чтобы оценить роль национального в поэзии Ахмата. Огромный пласт его поэзии связан с историей балкарского народа. Об этом – такие произведения, как «Портрет моего отца», «Говорю родной земле», «Балкарец вернулся на родину», «Старые дороги», «Обращал он к Кавказу угасающий взор».

Родина и её история... О них говорят «кровеносные сосуды земли», старые дороги. О них говорят пашни, только надо суметь прочесть их, ведь они – «скрижали земли, письмена мира». О них говорят камни, «израненные» камни, превращающиеся в «слёзы» и в «надгробья». Особая страница истории – это трагическая страница, начавшаяся в тот год, когда был обильный урожай мёда, как будто всезнающая земля «так поступила, чтоб хоть немного сгладить горечь беды, народу предстоявшей». Но от этого не легче были страдания стариков, которые «в изгнанье умирали», обращая «к Кавказу угасающий взор». Не меньше

мучились «беззащитные дети, потерявшие в пути своих матерей». Не меньше была тяжесть всеобщего горя, голода, унижений. И все это для поэта – непреходящая боль.

История народа – история его лучших сыновей. В поэзии Ахмата Созаева им, знаменитым и безвестным, посвящены сотни строк, десятки стихотворений: «Кязим», «На проспекте Кайсына», «Алиму Байсултанову», «Взирает на Балкарию Кязим», «Памяти Саида Шахмурзы», «Берту Гуртуеву в день рождения», «Азрету Будаеву» и другие. Их судьбы, их свершения вплетаются в жизнь поэта.

Ощущение своей принадлежности родителям, роду, нации, земле – одно из самых сильных чувств художника. Он пытается прозреть сквозь времена своего первопредка, Созая, давшего имя роду, и негаснущее пламя в очаге его потомков. Гордость за свою нацию, за род, любовь к родителям, почитание старших – общее нравственное начало, присущее кавказским народам, пронизывает все тексты Ахмата Султановича.

Отец, мать, сыновья, брат, тётя, даже сестра, об отсутствии которой сожалеет поэт, – всем им посвящены стихи, полные благодарности, восхищения, любви. «Я несу в себе ваши сердца» – так назвал Ахмат Созаев цикл произведений, обращённых к отцу и матери, искренних и открытых. Доминантный образ в них – руки, натруженные руки, в руке отца – созревшее яблоко, в руке матери – веретено, вкус её шершавых рук – в испечённом ею хлебе, «сладость же пальцев материнских – точно мёд».

*Погружённого в тревоги сына
Ты погладишь тёплой рукой,
Как вода живая в край пустынный,
Хлынут в сердце радость и покой.*

Прикоснуться и вместить – вот, пожалуй, то главное, помимо соиздания, что становится возможным благодаря рукам. И в этом, как и в улыбке, отражается позиция поэта, позиция приятия мира. Прикоснуться к любимому человеку, соприкоснуться с ним – счастье:

*Прикосновенье...
Соприкосновенье!
Нас обнимают ласковые руки:
Твои – меня, родная!
Мои – тебя.*

*С матерью
Чауш Чуннаевной*

Глядя с горной высоты, поэт видит пятищельную страну Балкарию, как «шершавые, в трещинах руки», и проводит параллель с руками матери, старые её дороги сравнивает с усталыми руками пахарей. А вот пейзаж:

*Набухло небо,
Поднялось, как тесто,
Туман –
Айран, что пенится
В ложбине.*

Жизнь и смерть в одном произведении Созаева также меняются местами, рождение он показывает, как конец. Стихотворение называется «На кладбище», оно – о переходе от небытия к бытию, о рождении, однако название и тональность говорят об обратном: рождение – умирание. «По венам деревьев... движутся листья, которые скоро родятся. По венам туч... движутся капли, которые скоро прольются дождём. По венам поэта... движутся строки, которые скоро лягут на белый лист». Жизнь несёт смерть, смерть несёт жизнь, и то, и другое включено в круг бытия. Ахмат Созаев стремится постигнуть его суть, вглядывается во входящие в него другие круги, круг кольца, круг цветка, круг лука, круг горизонта, круг полнолуния, круг солнца – всё то, что неустанно воспевает душа поэта. Поэта и человека достаточно мудрого, чтобы улыбку сделать основой жизни, «лишь на улыбку в пути опираться».

Литературная Россия. 2005. 13 мая

*Сафар МАКИТОВ,
народный поэт КБР*

Ахмату Созаеву

Говорю Созаеву Ахмату:
– Мы с тобой – братья по судьбе.
Руку протяну тебе, как брату,
Больше тебе верю, чем себе.

Ты не только друг мой, стихотворец,
Рифм искатель и слагатель строк.
Ты поистине – мужчина-горец,
Что умом высок и сердцем строг.

Среди многих прочих ты заметней
Тем, что в споре, честный и прямой,
Не опустишься до пошлой сплетни,
Не унизишься до брани злой.

Знаю: рос единственным ты сыном –
У тебя ни братьев, ни сестёр.
Но твоим я буду побратимом,
Пока видит свет ещё мой взор.

У тебя зато растут джигиты:
Сыновья Камал, Джамал, Алим.
В них – твоя надежда и защита,
С ними в жизни ты неодолим.

Мне, как брату кровному, доверься,
Разгони туман и ложь развей.
Чтоб, успехом друга заражаясь,
Выбирали мы себе друзей.

От души ты каждой рад удаче
Всех твоих товарищей-коллег:
Ибо только так, а не иначе
Должен жить поэт и человек!

Ибо ложь гнусна, презренна зависть,
Ибо так должно у нас вестись,
Чтоб, успехом друга заражаясь,
Самому смелей стремиться ввысь!

Верный в дружбе и в устоях твёрдый,
Ты – один из лучших сыновей
Маленькой, но доблестной и гордой
Дорогой Балкарии моей.

Озарён её преданий светом,
Прочною землёй её возвращён.
Ты – поэт и должен быть поэтом,
Как гора – горой, ручей – ручьём.

Из таких, чья дружба – крепче стали,
Из таких, что свято соблюли
Честь и истину, и вырастали
Лучшие певцы моей земли.

Перевёл Л. Шерешевский

ПЕРВОПРОХОДЕЦ

Мифология и фольклор любого народа всегда выступают в качестве одного из основных источников, опор его художественной литературы. Символика и образность народных текстов во многом определяют выразительные ресурсы авторского сознания и тесно связаны с эстетическими нормами литературы. Однако прямое механическое заимствование сложившихся некогда образов, непосредственное внедрение их в ряды актуальных представлений – это слишком мало для полноценной интеграции устойчивых фольклорных элементов в современное информационное пространство народа, слишком мало для выражения его насущных потребностей, актуальных моральных и этических запросов. Для полноценного объединения в единое целое далёкого прошлого и настоящего автор литературного текста должен наполнить архаичные образы новой кровью, заново осмыслить фольклорные структуры.

...Перед рассветом

Осторожный дождь, пролившись-пройдя,

Закрывает глаза костру,

(Из-за того), что слишком он гордился-хвалился

Собственной силой... – строки Ахмата Созаева демонстрируют его свободное владение фольклорными структурами, фольклорными методами выстраивания образов, без чего, быть может, смысл приведённого отрывка был бы другим и, скорее всего, менее глубоким. Однако суть его поэтического переживания – не в изолированном содержании и архитектуре, позаимствованной в недрах народной поэтики. Способность к органическому соединению элементов различного генезиса оказалась одной из важнейших составляющих поэтического дара балкарского автора. И на этой основе разнородных по сути, но способных к синтезу в границах творческих интерпретаций Ахмата Созаева структур, возникает и формируется своеобразность смыслового наполнения его образных рядов – даже в случаях использования традиционных для национальной поэтики картин.

Так, например, столь любимое балкарскими стихотворцами представление падающего снега – пожалуй столь же характерное для этнической художественной рефлексии, как и камень. Для К. Кулиева снег – время, для С. Мотгаевой – цепь медитативных размышлений, для А. Додуева – печальное ностальгирующее воспоминание. И в поэзии Ахмата Созаева снег многолик, он умеет радовать, умеет навевать грусть, может предстать как некое всемирное состояние общей медитации,

успокоения. К слову, в стихотворении «Выпал глубокий снег» снег амбивалентен, это в принципе нейтральная сущность, имманентная и горю, и празднику. Однако основная семантическая нагрузка образа снега – не какое-то конкретное, или даже более-менее определённое объектное, либо эмотивное содержание. В этом коротком тексте перед автором стояла необычная творческая сверхзадача – интерпретация изменчивых состояний снега в качестве трансформаций актуального статуса лирического героя, его интенционального стремления раскрыть человеку радость каждого утра, понимание рассвета как нового начала, нового цикла жизни. Созаеву не чуждо и традиционное восприятие снега, впрочем, традиционное в типологическом плане, ни в коей мере не в содержательном: его «Поляна цветов», строится на сквозной картине снега – однозначно безразличного, равнодушно стирающего все черты жизни.

*Ахмат Созаев с Давидом Кугультиновым
и Танзилей Зумакуловой*

Балкарская поэзия оказалась весьма мобильной и чуткой к изменениям действительности и сумела удержаться в мейнстриме эстетического развития 21 века. Она заметно повысила и выразительную компоненту поэтических представлений, и уровень концептуального осознания бытия. Это однозначно доказывается всё более очевидным уходом национальных авторов от клишированных схем лирического переживания, их полным освобождением от назидательности и аксиологической предсказуемости. И здесь, конечно, нельзя ограничиться указанием на творчество какого-то одного поэта – большинство наших стихотворцев идут этим путём. И, тем не менее, тексты Ахмата Созаева требуют отдельного разговора. Особенно иллюстративны его произведения, в которых свобода и своеобычность личного переживания воплощены на апперцептивном уровне, являя читателю абсолютно оригинальные алгоритмы и схемы художественной рефлексии.

Цветок умер утром.

Его улыбка

Высохла, как высыхает родник.

Глаза (его),

Словно звёзды, сгорели – первая часть стихотворения Созаева «Смерть цветка». Всё произведение разбито автором на три семантических периода: визуально-поэтическая презентация умирающего цветка, за

которой следует «плачущий ветерок» и завершает картину «похоронная молитва деревьев». Пытаясь кратко оценить общее содержание стиха, как сожаление о смерти красоты, мы не будем далеки от истины, так же будет прав и читатель, решивший, что перед ним – панорама всеобщей связи природных явлений и их составляющих. В обороте любого языка в любой момент времени заметна доля многозначных слов; в литературе ситуация такая же. Вариативность смысла поэтического высказывания в строках Ахмата Созаева выступает в своей, можно сказать, эталонной форме. И, естественно, требует от читателя особой культуры восприятия, развитого навыка понимания художественного текста, его образности. В таких произведениях балкарского стихотворца, как «Белое облако», «Тишина, убитая криком», особенно ощущаются высокие требования к тонкости эстетического мышления читателя, к его такту и богатству души. В текстах подобного рода автор демонстрирует мастерство синтеза выразительного инструментария разного уровня и происхождения, мастерство художественной интерпретации ясных человеческих переживаний, являя удивительную способность мощного эмоционального воздействия на реципиента:

*Ударил болезненный крик,
И тишина была убита (освежёвана),
Как белый олень.
Тишина оказалась убита (освежёвана)...
В её глазах утонули звёзды,
Осиротели
Капли росы...*

Безусловно, в стихах Ахмата Созаева впервые реализовались латентные возможности нашей поэтической традиции, выраженные в необычном словоупотреблении, в раскрытии новых семантических нюансов используемого лексического ряда, в индивидуально формируемом образном строе. Это надо признать, как данность, оценить, как врождённый дар. Слова означают определённые параметры объектов, действий, признаков, порождаются необходимостью фиксировать таковые, и нет человека, который не знал бы этого. Однако некоторые из писателей принимают связь слова с реальностью обозначаемого абсолютной, особенно остро ощущая незыблемость связи конкретного феномена с его номинацией, они считают нежелательными любые попытки взлома и изменения обычной семантики слова. Трава должна оставаться зелёной, снег белым – их кредо. Действительно, языковое богатство – в том числе и богатство содержания художественного слова – должно возрастать постепенно, в тесной связи с общественным бытием, с производственными практиками. Это понятно – так называемая «вторая объектность», этническое антропогенное окружение, созданное силами

и руками балкарского народа, разнообразием не отличается, что соответственно влияет на лексические и образные возможности национальной поэтики. Опора на исключительно «естественные» сектора языковой модернизации означала бы застой.

Ахмат Созаев, вне всякого сомнения, прекрасно понимает и чувствует интенциональные возможности балкарских поэтических практик в их традиционном виде. И его индивидуальный стиль во многом представляет собой ответ на кризисные вызовы современной информационно-культурной среды. Своё предназначение, свой писательский долг он во многом видит именно в осознанной и целенаправленной работе по восполнению рефлексивных ниш и областей, невозможный вне креативного подхода к словоупотреблению, вне нового, непривычного осмысления привычных образных и – шире – апперцептивных схем. Это, конечно, не примитивное механическое включение индивидуальных неологизмов в ткань стиха, и, тем более, не насильственное переформатирование языковых смыслов и семантических основ балкарского глоссария.

Поэт видит и знает многоликость окружающего, равным образом его опорой в творчестве выступает многозначность слов и выражений, колебания смысла, нетривиальная глубина и широта, обнаруживаемая им в непроемких лексических основах и их взаимосвязях. Благодаря этому специфическому умению, автор передаёт движения души лирического героя, либо, поднимаясь на новые уровни обобщения, фиксирует богатство и уникальность внутреннего мира человека. Например, в одном из своих стихотворений – «Мои мысли» – Ахмат Созаев целенаправленно выстраивает схему поэтического переживания, объединяя содержательные варианты концепта «мысли» и, в конце концов, достигает своей цели, последовательно наращивая семантические горизонты одного и того же понятия – «улыбающиеся, светлые-наисветлейшие мои мысли», «мои мысли, сверкающие в высотах», «печальный облик – мои мысли», «как солнце переливающиеся-играющие мои мысли»,

Выбранные Ахматом, адаптированные под его цели слова, в текстах функционируют как самодостаточные и законченные образы – прежде всего, потому, что они вводят читателя в мир особых представлений автора, декларируют его позиции – эстетические и жизненные. В большинстве случаев слова подобного типа – опорные слова идиостиля поэта – и сформированные при их посредстве образы излишне выделяются в тексте. Но у Созаева этого не происходит – его образное мышление учитывает традиционное наполнение этнических архетипов, и при всей новационной значимости его выразительных структур они оказываются вполне прозрачными в семантическом плане. Плотность же, уровень насыщения ткани стиха уникальными авторскими формантами такова, что они доминируют даже в поэмах. Возможности образного представления Ахмата Созаева, изошрённость визуального отражения очень иллюстра-

тивно проявлены в поэме «Земля». Стержневая идея произведения чётко вписывается в выразительный арсенал стихотворца – его вариативность в осмыслении объектов и манера их презентации, сопоставима с пониманием множественности миров, их непохожести, и в этом обрамлении новыми оттенками обогащается и этическая канва текста. В принципе, многожды растиражированная мысль – красота земли, её щедрость, несовместимы с войной и злом – в исполнении Созаева представляется уникальным авторским раритетом. Многоголосие, многокрасочная образность автора играет в этом смысле решающую роль, а совмещение Ахматов в одном виртуальном пространстве примет и параметров многих Универсумов, возможное именно при его подходе к интерпретации поэтических объектов – вариативном и поливалентном – позволяет поэту сохранить все эти миры. И надо признать, что резюмирующие нравственные декларации поэмы лишь уточняют высказанное на образном уровне:

*Человек, на войне
Защищая землю,
Защищая жизнь,
Упал на горящем поле.
На почерневшем поле.
Упал, и земли
Семенами,
Лесом,
Травую поднялся.*

Исторические, жизненные смысловые периоды поэмы перетекают друг в друга, и по ходу их естественного изменения образы Ахмата, взаимно иницируя собственную трансформацию, выстраиваются цепями перманентно модернизирующихся рефлексивных схем. Эти следующие друг за другом горизонты интерпретации привычных и традиционных для балкарской поэзии образов делают стихи Созаева – при всей их непревзойдённой индивидуальной яркости – абсолютно доступными и понятными читателю.

Стихи Ахмата Созаева идут из его сердца, его строки точны и безошибочны. Его беды и радости, его заботы и мечты – всё это рождено сегодняшним днём, реальной жизнью. Жизнь многогранна, она меняется день ото дня, и если сегодня кому-то дарит крылья, то в этот же день может убить чью-то душу. Тоньше всех эту незащищённость человека чувствуют поэты. Чистые, незащищённые поэты с оголённым сердцем, видящие многообразие мира и не страшась открывать его новые лики.

Ахмат СОЗАЕВ

ГОЛОСА НЕ ВЕРНУВШИХСЯ С ВОЙНЫ

1

Не ищите вы нас,
Не ищите!
Ни тогда, когда солнце
В зените,
И ни в полночь
Вы нас не ищите.

Вы нас в дальних краях
Не найдёте,
И поблизости
Нас не найдёте,
Не найдёте
В заброшенном доте.

Не найдёте на сопках
Угрюмых,
Ни в дождях,
Словно в тягостных думах,
Не найдёте нас
На перевалах,
В белых зимах,
Как сон, небывалых,
Даже если
Весь мир обойдёте, –
Не найдёте вы нас,
Не найдёте!

2

Мы –
Ваших улиц людных
Каскады.
Мы – ваших победных салютов
Раскаты.
Мы – знамя,
Что вы несёте
В руках.
Мы – хлеб, что в должном почёте

В домах.
С каждым новорождённым
Рождаемся мы.
Утром, зарей осенённым,
Являемся мы,
И в ночах мы восходим над вами
Луной.
И в горах расцветаем садами
Весной.

3

Деревья – это наши руки,
Что тянутся из-под земли.
Звезды – слезы последней разлуки,
Что мы пролить не смогли.

Тучи, бегущие в поднебесье, –
Наши тени, им плыть и лететь.
Реки, – наши голоса, наши песни,
Что мы не успели пропеть.

Молния – это миг наш предсмертный,
Рывок, в атаку приказ.
Радуга – это наш след многоцветный,
Это наша тоска по вас.

Перевод Г. Яропольского

НАШ РОДНОЙ ЯЗЫК

Ты опора для нас и везде, и всегда,
Ты – как хлеб на земле, ты – как в небе звезда.

Если вспомню, что ты, наш язык, перенёс,
Не скрываю ни горьких, ни радостных слез.

Я горюю о том, как бывал ты гоним,
И ликую, что жив ты, могуч, невредим.

Изгоняли тебя из газет и из книг,
Но охранной нам грамотой был наш язык.

Возрождённый, родной, пой, звени, говори,
Воплощайся в поэмы, входи в буквари.

Нынче мало среди нас тех, кто знает тебя, –
Но как край свой любить, свой язык не любя?

Наших песен и сказов богатство храня,
Ты живёшь в очагах языками огня.

Ты в деревьях живёшь языками листвы,
Кто забыл свой язык, те душою мертвы.

Наш язык – наша сила в борьбе и труде,
Был прибежищем нашим ты в долгой беде.

Ты в веках будешь жить, весь наш путь увенчав,
Сток ты, как народ, как Эльбрус, величав.

Перевод Л. Шерешевского

Я СЛЫШУ ТИШИНУ

Я слышу тишину,
Рождённую в груди земной.
Укрыта снежной пеленой,
Она напоминает мне струну

Родного кыл-кобуза,
Она дрожит, как та струна,
Она нисколько не обуза –
Застенчивая тишина.

И звёзды слышат тишину,
И трудно думать про войну,
Про тех, кто нам сулит войну,
Готовит взрывы,

Уже свирепы, пламенны порывы
Ещё не названной войны.
Вот почему у этой тишины
Намного больше бомб, чем детских зыбок.

Как хочет тишина улыбок
И в добром доме хочет сна.
Сияет над снегами тишина.

Перевод Г. Яропольского

МОИ ТРИ СВОБОДЫ И ТРИ ГОРДОСТИ

Аллах мне, едва лишь я свет увидал,
Послал три свободы,
Три гордости дал,
И я на всю жизнь их значенье постиг:
Родители,
Отечество,
Родной язык.

Так жили на свете
Отец мой и мать,
Чтоб совесть и честность
Свою утверждать,
Их честь и достоинство
День ото дня
Невидимо перетекали в меня.
Душой очищался, светлел я лицом,
Представ перед матерью и пред отцом.
И не было в мире полнее свобод,
Чем та, что родительский взгляд нам даёт.

Не знал я забот, их опекой храним,
И праздником жизнь мне казалась сплошным.
И хлеб, что очаг материнский испёк, –
Всех песен моих неизменный исток.

Когда были живы отец мой и мать, –
Высокие горы я мог покорять,
Один я взбирался к вершинам седым,
Был лёгким, и радостным, и молодым!
Когда были живы и мать, и отец, –
Мой дом согревало тепло их сердец.
Был светел и был изобилен мой дом,
И каждый мой день был наполнен добром.

Я горд был, и мог я свободно дышать,
Когда были живы отец мой и мать...

Аллах мне, едва лишь я свет увидал
Послал три святыни,
Три знамени дал:
Родителей,
Отечество,
Родной язык.

Родители, срок свой окончив земной,
Сгорели, как звезды,
Ушли в мир иной,
Мой дом погрузился в печальную тьму,
В душе моей стало темней, чем в дому.

И думал я, горестных слёз не тая,
Что нынче один-одинёшенек я,
Что я никого на земле не найду,
Кто мог разделить бы со мною беду...

Но в сумрачный мир мой
Луч света проник:
Отчизна моя и родной мой язык
Напомнили:
Есть у тебя ещё мы, –
И рухнули стены безмолвья и тьмы.
Отчизна меня, словно мать, обняла,
Добра, как забота; как ласка, тепла,
И речи родной многозвучный глагол
Со мной по-отцовски беседу повёл.

Почуял я силу родимой земли,
Как будто бы вновь у меня отросли
Могучие крылья,
И заново мне
Досталось летать
В голубой вышине!

Аллах мне, едва лишь я свет увидал,
Послал три удела,
Три участи дал:
Родителей,

Отечество,
Родной язык.

Родители нынче
За смертной чертой,
Но круглым не сделался я сиротой:
Отчизна жива,
И язык мой живёт,
Они – мне опора, они – мой оплот.

Меня над годов быстротечной рекой
Отчизна ведёт материнской рукой,
И песней, и речью, и строчками книг
Меня, как отец, учит жить мой язык.

Перевод Л. Шерешевского

НА ПРОСПЕКТЕ КАЙСЫНА

Как тепло на проспекте Кайсына,
В золотом потоке лучей!
Я живу на проспекте Кайсына,
Я живу на земле своей.

Гул машин на проспекте Кайсына,
Смех детей и прохожих шаги.
День шумит на проспекте Кайсына,
Как в Чегеме река Жылги.

Ночь плывёт над проспектом Кайсына,
Пряно пахнут ночные цветы.
Спят дома на проспекте Кайсына,
Чутко горные дремлют хребты.

И луна над проспектом Кайсына
Величаво в небе вошла.
Мне и ночь над проспектом Кайсына,
Как душа поэта, светла.

На заре на проспекте Кайсына
В доме горца родился сын.
Он рождён на проспекте Кайсына,
И дают ему имя Кайсын.

Перевод Л. Шерешевского

БАЛКАРСКИЙ ХЫЧИН

Ты – словно символ нашего народа,
Как солнце, жаром пышущий хычин.
Служа залогом, что грядёт свобода,
Ты согривал нас средь степных равнин.

Ты на руках у матерей балкарских
Рождаешься, промасленный хычин.
Достоин ты, чтоб и в стихах, и в сказках
Звучал ты, как торжественный зачин.

Хычин балкарский, ты сльвёшь от века
Заглавным блюдом нашего стола;
Ты щедро одаряешь человека
Добром и силой сытного тепла.

Сквозь испытанья, годы и невзгоды
Вернулся ты к горам своим родным,
Не потеряв ничуть своей природы,
Которую и впредь мы сохраним.

Не будь тебя, мне кажется, намного
Беднее оказался б наш язык.
Не оборвётся пусть твоя дорога,
Не потускнеет солнечный твой лик.

Перевод Г. Яропольского

КЫРГЫЗСТАН

*Человеку большого и доброго сердца,
выдающемуся учителю киргизской земли
Чолуку Садыкову посвящаю эти стихи.
Он проявлял особое душевное расположение
к балкарским детям в годы высылки.*

Были годы изгнания для нас нележки,
Детство не назову я порой золотою.
Все же родственны были у нас языки,
И, как отсвет Эльбруса, мерцал Ала-Тоо.

Кыргызстан! Вновь к тебе я хотел бы прийти,
Ты дарил мне и зори, и свет ночи лунной,
Как забыть мне селенье твоё Кегети*,
И киргизской домры громкозвучные струны?

Я к могилам погибших балкарцев вернусь,
Где мужчины и женщины, дети и старцы.
Со слезами надгробным камням поклонюсь:
«Мирно спите, – скажу, – не исчезли балкарцы,

И воскресла Балкария в отчем краю!»
А, Киргизия, мачехой нам не была ты,
Ты прими, добрый край, благодарность мою
За тепло и заботу в дни ссылки проклятой!

Ты смягчала невзгоды жестоких времён
Щедрым сердцем своим, в горе нас ободряла.
Пусть же солнце приходит на твой небосклон,
На долины твои, на твои перевалы!

Перевод Л. Шерешевского

* *Кегети* – село в Кыргызстане, где жили переселенцы.

Кашиф УНЕЖЕВ

От автора

Возвращаю читателя к тому далекому периоду истории адыгских предков, когда около 3500 лет тому назад произошла война между двумя самыми великими державами того времени – Древним Египтом и Хеттским царством, или Страной Хатти.

Безгранично буду благодарен каждому, кто выскажет свои замечания и пожелания по данному отрывку.

ДЕТИ СОЛНЦА

Главы из романа

...Народ медленно двигался к подножью священного холма, где готовилось долгожданное торжество.

В это радостное утро и Дота готовился к большому для жителей села дню. Ему предстояло быть одним из важных участников праздника.

Неожиданно к нему зашел ближайший сосед, молодой человек по имени Махашоко. Вежливо поздоровавшись, он с тревогой в голосе сообщил, что накануне ночью видел странный сон.

Дота не удивился, он умел толковать сновидения, и к нему за этим часто приходили мужчины, но чаще всего женщины.

– Достопочтенный мой старший, – сказал юноша, – я понимаю, что сейчас не самое подходящее время для ведения подобных разговоров с тобой, но не могу не рассказать об этом.

– И что тебе приснилось, сынок? – спросил Дота, продолжая заниматься своим делом.

– Мне приснились наши горы, весь наш край, где мы все родились и живем.

– Это хорошо, что ты не забываешь родной край, – произнес Дота спокойным и одобрительным тоном. Затем, усевшись поудобнее, продолжил: – Махашоко, дорогой, привязанность каждого адыга к родному краю, где он родился и провел беззаботное, полное новых впечатлений и веселья детство, – великая и необъяснимая сила. Именно там ты с любопытством и без всяких препятствий начал познавать этот грешный и жестокий мир, о чем ты узнал гораздо позже.

Детство похоже на процесс сотворения этого грешного мира, появление жизни на земле. Просто у детей и взрослых разные временные

и пространственные рамки. У детей все происходит впервые, в этом процессе много бурных событий, успехов и неудач. Поэтому всё, что было в детстве, каждый запоминает до мелочей.

Детство – это начало большого жизненного пути, по которому каждый человек идет навстречу своей судьбе. И каждый исчезнувший народ прошел такой жизненный путь. Такой же путь пройдут и все ныне живущие народы. Таков вечный закон матери-природы. Поэтому необходимо регулярно осмысливать пройденный путь, чтобы не повторять тех ошибок, которые имели место в прошлом.

Чтобы поразмыслить о пройденном жизненном пути, чтобы вспомнить свое детство и найти себе душевное успокоение, необходимо регулярно посещать свой родной край, где бы ты ни оказывался, куда бы тебя ни забрасывала судьба.

Эти вечные горы, весь этот благодатный край, где наш народ живет с незапамятных времен, – для каждого адыга святое место. Его мы не только должны помнить и любить, но и защищать от врагов. А, как ты уже знаешь, у нас их множество.

– Я с твоими мудрыми словами полностью согласен, Дота, но я во сне видел не просто наш край, который я никогда не смогу покинуть надолго. И если придется его защитить, я постараюсь следовать примеру наших славных предков. Но этот сон необычный.

– Все сновидения странные, когда ты их не можешь объяснить. Сновидение, дорогой мой, это великое явление, о котором человек не имеет до сих пор ясного и достоверного представления. Большинство людей не знает об источнике этого явления и природе этих знаков. Я полагаю, что сон – это своеобразный канал связи души человека с Творцом Вселенной. Во время сна душа покидает тело и отправляется к Нему. А Он передает этой душе свою весть. В основном, она касается будущего и передается иносказательно, знаками. В этом и заключается трудность понимания сновидения.

Я не всезнающий, Махашоко, но тебе скажу так. Хотя мы не видим душу человека, как и всех остальных живых существ, она реально существует, и адыги об этом давно догадались. Они даже нашли для неё место в языке. Для этого надо разобраться с таким понятием, как «псальэ», то есть «слово». «Псальэ» составлено из слов «псэм» и «лбахэ», то есть «место обиталища души». Раз она, душа, где-то обитает, находится, – значит, она есть. Именно она поддерживает связь с Творцом.

У нас, адыгов, этим Творцом является Тхьэшхуэ. Вот он и посылает каждому человеку через сновидение весть о тех событиях, которые произойдут в его судьбе.

Когда человек научится расшифровывать эту весть, полученную через сновидение, то будет знать, какова тропа жизни, ведущая к его судьбе. Именно во время сновидения душа человека вступает в контакт

с Творцом. После получения вести душа возвращается к телу человека, он же, получив послание, просыпается. Но вопрос из вопросов: нужно ли это ему знать? Лично я считаю, что гораздо лучше будет для каждого человека, если он не будет знать о своем будущем, об этой жизненной тропе. Пусть он идет по ней, и она останется для него неопределенной.

Неопределенность в жизни – это великий стимул в стремлении к лучшему, дорогой. Это наилучшее состояние души человека. А когда ты знаешь, что будет с тобой завтра, какова твоя судьба – это страшно. От этого знания человек может сойти с ума и его личность разрушится. И всё-таки человеку снятся сны, приходят вести с помощью различных знаков.

Мало людей, умеющих понимать и расшифровывать сновидения. Это и хорошо. Как правило, человеку снятся сны накануне важных для него событий, то есть к нему приходит послание о предстоящем событии. Это тоже не случайно. Почему так происходит? Никто не может ответить на этот вопрос.

Надо полагать, человек долго думает о предстоящем важном событии и этим самым подготавливает почву для контакта между его душой и Творцом. Когда он думает об этом важном событии, он как бы просит дать ему весть об этом.

Верующие люди для получения этой вести предпринимают конкретные шаги: совершают молитву, проводят всевозможные ритуалы и обряды, делают жертвоприношения. Это все, по их мнению, «задобрит» Творца, Тхьэшхуэ, пошлет им необходимую весть и решит их жизненные проблемы... Ладно, что-то я затянул свои рассуждения. Лучше ты Расскажи, что видел.

Махашоко, пребывая в растерянности от слов мудрого Доты, помолчал некоторое время в размышлении, но вспомнил, что его ждет старший по возрасту и уважаемый человек, и начал спокойным тоном:

– Мне приснился голос. Он говорил: «Я, ваш, всех адыгов, Тхьэшхуэ, Великий Бог, хочу напомнить кое-что из вашей прошлой судьбы. Не забывайте, что вы – Дети Солнца. Поэтому вы называетесь «Адыгъэ». Когда, в результате Великого Взрыва космического масштаба, появилось Солнце, оно создало Небо, Землю и Океан, из которых появилась жизнь на Земле. И одними из первых людей на ней были вы – Адыгъэ, Дети Солнца.

Я тогда вам послал Знак в форме равностороннего треугольника, внутри которого я поместил два зорких глаза, чтобы вы всегда смотрели во все стороны и шли по верному пути. Этот Знак для вас означал голову, которая опиралась на Землю. Да, по типу этого Знака вы создали в свое время «Щымэ» – Пирамиду, которая полна тайн, как голова самого человека. Недаром отдельные элементы этого Знака восприняли некоторые древние, как и вы, народы. Например, древние евреи создали себе Знак в форме

такого же треугольника и внутри него поместили вместо двух – один глаз, а древние египтяне, над которыми правил фиргаун, или фараон, создали Долину огромных пирамид. Это всё говорит о том, что многие хотели с вами иметь дружеские, всесторонние контакты и подражать вам. Более того, они с вами породнились, брали в жены ваших девушек, чтобы тем самым освежить, улучшить кровь своего народа.

Я создал вас самыми могущественными и сильными людьми на Земле, дав вам имя «Нарты». Поселил вас в одном из райских уголков этого мира. Поэтому вас стали называть остальные народы потомками нартов. Вам во всем не было равных. Поэтому у вас были и есть до сих пор немало врагов и завистников.

Не скрою, вы многого добились в жизни, но немало грехов вы совершили на протяжении тысячелетий вашего бытия и продолжаете совершать их. Главный из них тот, что вы разобщены, что каждый живет сам по себе. И это вас погубит.

Я – ваш «Тхъэ», имя которое воспринято многими народами от далекого Запада до Края света на Востоке. Но вы не всегда вспоминали меня и мой Наказ, поэтому и шло от меня к вам мое Наказание.

Ещё со времен ваших славных предков-нартов вы начали разобщаться, бороться друг с другом за лидерство. Наиболее сильных и отважных нартов превращали в своих врагов, вместо того чтобы поддержать их и совершать дальше великие дела. Напомню один наглядный пример: вы позволили врагам погубить одного из храбрейших нартов – Сосруко. Более того, вы позволили многим пришлым народам называть себя потомками нартов. Многие ваши гениальные открытия в познании загадок природы они присвоили себе. Но ведь это ваше национальное достояние.

Помните это. Я вас создал слишком сильными духом и свободолобивыми. Каждый из вас считал себя сильнее остальных и хотел оставаться независимым. Сила, которую я вложил в вас, заставила вас быть разобщенными. Другими словами, ваша сила превратилась в вашу слабость. Исправьте это положение, и вы возродитесь как один из самых сильных народов Вселенной».

После этих слов он улетел в небеса в сторону Ошхамахо, помахав мне своими длинными руками. Но на этом мое сновидение не закончилось.

Дальше было страшно. Я почему-то оказался в другом, мне не знакомом краю. Вокруг было всё красиво, огромные поля, но стояла невыносимая жара, и были там такие же горы, красивые и гордые, как наши. Как будто там проживала большая часть жителей нашего села.

И вдруг через большую реку перешло огромное количество темнокожих людей, вооруженных до зубов и в боевых колесницах, в которых было по два воина. Это были двухколесные колесницы.

Потом я опять оказался в наших краях, и из-за этой же горы появилась огромная стая саранчи с белыми крыльями и опустилась на наши

поля и начала пожирать всё подряд, и народ ничего не мог сделать с этой стаей. От такого ужаса я проснулся в холодном поту...

Дота после этого рассказа Махашоко довольно долго сидел молча, внимательно поглядывая в сторону той горы, откуда, по словам юного собеседника, появилась стая саранчи.

И ещё Дота думал о собственном сновидении, которое пришло этой же ночью. Ему приснилось, будто с этой же горы, куда указывал Махашоко, начался страшный камнепад, и он под ним стоит и ничего не может предпринять, и все камни летят в его родное село, разрушая всё на своем пути. Но об этом он не собирался пока рассказывать.

Неторопливо, но убедительным голосом он сказал другое:

– Да, дорогой, твое сновидение – это краткая история нашего многострадального народа. В нём много правдивого, и особого труда не составляет объяснить его. Но вопрос в том, какова будет дальнейшая наша судьба, придет ли наш Спаситель, или мы уйдем все вместе в небытие?

Теперь о содержании твоего сновидения. Вот как я его могу расшифровать.

Весть о том, что будто бы половина жителей нашего села обитает далеко в другом селе – это правда, наш народ проживал не только на Кавказе, но мы занимали огромную территорию за пределами нашего края. Наши предки проживали на огромном пространстве от Кавказа до Анатолии. Там их называли хаттами, хеттами, хатиттами и касками. Они и мы – один народ. Они, как и мы, были очень смелыми и отважными воинами. Недаром адыги говорят: «Хьетт жегъыIэ, си щIалэ» (Пусть о тебе говорят: он как хетт). Или другое выражение: «Хэтхэуарей?» (Ты из хеттов?)¹.

А что касается темнокожих людей, которые перешли реку и напали на наших в твоём сновидении, Махашоко, это тоже было в их истории. Это была великая битва между воинами фиргауна (фараона) Рамсеса II из Мысыра (Египта) и воинами хеттского царя Муваталли II².

¹ Конечно, Дота не мог знать всех подробностей истории хаттов, но эти хатитты-хатты в далеком прошлом создали одну из самых сильных держав и подчинили себе много народов. В хеттский (хаттский) союз входили многочисленные родственные хаттам племена и другие чужие народы, которые были присоединены в различные годы их истории.

² Далее в тексте в основном будут употреблены слова «хатт», или «хатты», или «хаттиты», вместо слов «хетт» и «хеттское», потому что основным населением Хеттского царства являлись хатты, а не пришельцы – неситы, которых стали именовать словом «хетты». Они переняли у хаттов язык, культуру, традиции, обычаи, религиозные верования и все остальное, то есть пришельцы растворились в среде хаттов. Поэтому, когда мы будем говорить хетты, то подразумеваем хаттов.

О великом сражении под Кадешем между храбрыми воинами самых могучих и древних держав Ближнего Востока (Къуэжып1э Гъуэнэгъу) – Египта и Хеттского (Хаттского) царства, написано немало. Хотя многие подробности этого великого сражения между нашими древними предками-хаттами (хаттитами) и египтянами утрачены, но все же отдельные эпизоды этой битвы сохранились до сих пор в народной памяти адыгов.

Хатты (хетты) в глубокой древности, больше тринадцати веков назад, занимали огромные территории не только в Анатолле, но и далеко за её пределами по всем направлениям. На юге хатты проживали в Палестине и вокруг неё еще до переселения сюда древних евреев после их египетского Исхода. На востоке хатты и их родственные племена, то есть мы, адыги, проживаем с незапамятных времен на Кавказе. На северо-западе от хаттов проживали фраки, которые тоже имеют с нами генетическое родство, и к востоку от них – наши родственники по крови дарданцы (дандарии), в городе Илиос, то есть Илион, или Троя. На севере от хаттов проживали каски – тоже ближайšie наши родственники.

Таким образом, дорогой мой, мы имеем древнюю и славную историю.

Дота говорил про великую Хаттскую (Хеттскую) державу в Малой Азии, которая достигла своего могущества еще в III–II тысячелетиях до н.э.

Их главный город Хттуса (Хаттусас – Хъэтыщ1ис) располагался на очень живописном и труднодоступном горном плато. Он был хорошо укреплен мощными и широкими оборонительными стенами высотой в 8 м и башнями высотой в 12 м. У входа в город стояло огромное сооружение в форме Щимэ (Пирамида). Через Львиные ворота (Аслъэнхэм я куэбжэ) проходили люди в город. Кроме этих ворот были и огромные тоннели, через которые можно было выйти наружу незаметно. В город поступала вода с горных вершин по глиняным трубам, которые были незаметны врагу. Вода для нужд жителей города накапливалась в больших бассейнах. В городе всегда имелось огромное количество продовольствия и всего остального, что было необходимо для нормальной жизни города. Таким образом, жители могли выдержать длительную осаду врага.

В центральной части города располагался дворец царя, окруженный мощными оборонительными стенами. В городе также находились различные ритуальные сооружения. Особый интерес представлял Зеленый камень (Мыващхъуэ К1анэ), возле которого молились хаттиты (хатты) богам и произносили клятвы по самым различным вопросам. Оттуда пошла и наша клятва: «Уащхъуэ Мыващхъуэ К1анэ», или «Уащхъуэ Мывэ Щхъуант1э».

В далеком прошлом вокруг Хаттусаса произрастали могучие деревья разных пород и сочные травы. Словом, этот район проживания храбрых и умелых строителей-хаттитов был настоящим райским уголком.

В один из весенних дней стояла ясная солнечная погода. Небо над Хаттусой было синее. Временами небо над городом покрывалось тучами, но они, не пролившись ни одной каплей дождя, быстро уплывали к западу. Дул не очень прохладный ветер и освежал все вокруг. Жители города готовились к самому главному празднику хаттитов – Пурулли, празднику Земли. Именно в этот день они праздновали Новый год. Он был также посвящен хаттскому богу Грозы Тешубу (по-адыгски – Щыблэ).

Этот праздник они проводили очень пышно и торжественно. В нем участвовал весь народ во главе с царем и царицей, которая называлась Солнечная богиня, или Таваннанна (адыгское слово «Нанэ»).

Поскольку этот праздник проводился весной как начало нового года, на нем разыгрывалась сцена борьбы бога со змеем Иллуянкой. Смысл заключался в придании земле новых сил после зимы, когда вся природа застывала и в таком состоянии находилась до этого дня, то есть до начала нового года. Эта битва между богом и змеем символизировала также победу добра над злом, жизни над смертью.

На этом празднике также разыгрывались различные сцены, в том числе сцена Собрания богов, на котором решалась судьба хаттитов. Жрецы строго должны были соблюдать порядок проведения всех праздников, в том числе и праздника весны, то есть Нового года.

Обряд празднования Нового года хаттами проходил следующим образом.

Из своего дворца выходили царь и царица, одетые в белоснежную одежду, и в сопровождении слуг и телохранителей направлялись в храм. На пути следования царя и царицы в храм впереди них шли дворцовые слуги и телохранители, а остальные слуги и телохранители следовали позади царя. Музыканты шли сбоку и сзади от него, наигрывая красивую мелодию. Другие, одетые в желтые одежды, находились сбоку от царя. Они с поднятыми вверх руками кружились возле него.

Царь и царица доходят до храма, заходят внутрь и усаживаются на троны. Слуги приносят им воду в золотых кувшинах и полотенца. Царь и царица совершают омовение рук. Начальник дворцовых слуг дает им полотенца, они вытирают руки. Два дворцовых слуги покрывают тканью колени царя и царицы. Затем жезлоносец заводит в храм сыновей царя и усаживает их на специально отведенное место. Потом жезлоносец также заводит в храм жреца и провожает до его места.

После этой церемонии хаттияко (организатор танцев и игр) выходит во двор и обращается к жезлоносцу: «Они готовы, они готовы!». После этого певцы и музыканты со своими музыкальными инструментами заходят в храм, и там опять хаттияко организует концерт. Затем царь и

царица встают и выходят в сопровождении слуг и телохранителей. Все они направляются к Голубому (Зеленому) камню (Мыващхуэ К1анэ). Возле него царь произносит слова благодарности богу Тешубу, богу Грозы (Щыблэ), богине войны Инаре и другим богам. Он просит их, чтобы новый год принес хаттам богатый урожай, тучные стада овец, коз, новые победы в борьбе с врагами. Опять хаттияко распоряжается, чтобы образовали круг возле Мыващхуэ К1анэ, и начинается коллективный танец, наподобие Уджпыху.

Все это сопровождалось ритуальными песнями и играми.

В частности, у хаттов была распространена такая игра: молодые люди делились на две группы, первая была вооружена холодным оружием и называлась «Люди Хатти», а вторая группа (из простых сословий) была вооружена тростниковыми палками. Они устраивали между собой бой. Естественно, победу всегда одерживала группа «Люди Хатти».

Праздник завершался жертвоприношением и обильным угощением всех людей, принимавших участие в нем. Как правило, в жертву приносили тучных баранов, коз черной масти и бычков. Все это организовывал жрец, и он тоже просил богов, особенно Тешуба, чтобы они приносили хаттам изобилие и победы в борьбе с врагами.

Вечером люди устраивали шествие с зажженными факелами. Всё это выглядело торжественно и красочно.

Спустя несколько дней после празднования нового года, или Земли, в честь бога Тешуба, прискакал молодой всадник и заехал через Львиные ворота в город Хаттусас. Он попросил стражников доложить царю, что приехал с важной вестью. Тут же царь приказал впустить к нему этого человека.

Гонец, обратившись к царю хаттов Муваталли II, сказал:

– Наш всемогущий и непобедимый царь, меня прислали сообщить тебе неприятную весть для нас, всех хаттитов. С юга от нашей необъятной Хатти идет наш враг, фиргаун (фараон) Мисира (Египта) Рамсес II со своим многотысячным войском. Он направился через долину Бекаа к крепости Кадеш.

Царь, внимательно выслушав гонца, сказал спокойным, но внушительным тоном:

– Фиргаун большой державы должен быть смелым и отважным воином, если он не знает, какие поражения терпели от нас его предшественники. Он также не знает, что много лет тому назад молодая вдова Тутанхамона, который умер совсем молодым в возрасте восемнадцати лет, обратилась к тогдашнему царю хаттов (хеттов) Суппилулиуме, чтобы он отдал одного из его сыновей в мужья царице и установил с ними родственные связи. Если он всего этого не знает или не хочет знать, то мы дадим ему имя Заххай, Захийя (по-хаттски означает «битва, война», а по-адыгски – «зэхэуэ, зауэ»), то есть бой).

После этих слов он обратился к ближайшему своему слуге:

– Инаруко, собери панку (по-хаттски – «собрание воинов», или пэк1у –по-адыгски) и разошлите гонцов во все провинции Хаттии, чтобы готовились к большой битве. Пусть соберут везде воинов и колесницы.

Эти хаттские слова, как видно, свободно переводятся на адыгский, поэтому мы специально приводим их здесь как доказательство того, что хатты – наши древние предки.

Вскоре собрали панку и послали во все концы царства гонцов, чтобы исполнить указание царя всей Хатти Муваталли II.

Перед собравшимися на панку он сказал:

– Граждане Хатти, враг идет на нас с юга, чтобы захватить наши земли, которые храбро защищали наши славные предки. Мы должны встретить его и дать ему достойный бой. Мы не позволим ему растоптать наши поля, разрушить наши города, убивать наших граждан и превращать их в рабов. Нам в этой борьбе помогут наши боги во главе с Тешубом. Богиня войны Инара поведет нас в бой и обеспечит нам победу. А бог-кузнец Хасамил вооружит нас боевыми колесницами и остальным оружием, которому не сможет противостоять враг. Да будет так!

И все участники панку (пэк1у) хором повторили последние три слова.

После этого Муваталли II дал указание послать разведчиков в стан врага, чтобы узнать, чем вооружены воины Египта, каковы их сильные и слабые стороны, сколько у них и какие военные формирования, сколько боевых колесниц.

В итоге он обратился к своему главному военачальнику Инароко и сказал:

– Когда мы соберем необходимое количество воинов и дойдем до крепости Кадеш для встречи с воинами Рамсеса, отправь к ним людей, и пусть они заявят, что сбежали от хеттов (хаттов), и наше войско еще находится далеко на севере, в нескольких днях пути до Кадеша.

Затем он распорядился призвать на войну все родственные по крови племена: касков, фраков (фатеев), дарданцев (дандариев), касситов (керкетов), пеласгов (псессов), теракесов (торетов, тореатов), синтов (синдов), ахейцев и других.

Кроме этого он распорядился призвать и воинов из чужих племен, которые были включены в состав Хеттского (Хаттского) царства силой или вошли сами без боя, добровольно.

Отдельное послание Муваталли II отправил правителю северо-восточной провинции страны, своему брату Хаттусили III, где он был правителем, с повелением собрать войско и присоединиться к нему. Он также распорядился отправить гонцов дальше на восток – «на край Земли» (имеется в виду Кавказ), где восходит Солнце, к родственным хаттам по крови племенам – синдо-меотам, чтобы и они участвовали в этой войне.

В союзе с Муваталли II в этой битве при Кадеше также участвовали филистимляне, шардены с острова Сардиния, лувийцы, палайцы, хурриты и многие другие народы. Он также отдельно послал гонца к южным хаттам, которые проживали в Палестине и Месопотамии, чтобы и они готовились к войне с врагом, к подходу основных войск.

Тот факт, что в далекое время хатты занимали огромную территорию не только в Малой Азии, но далеко за её пределами, отражен в устном народном творчестве, песнях, поэзии и других элементах культуры их потомков адыгов (черкесов). Это наглядно видно из текста старинной колыбельной песни «Гушэкью уэрэдхэр», где сказано о двух Хаттах:

*Из двух Хаттов наши предки,
Из старых народов, история свидетельствует:
Царство двух Хаттов за большим морем виднеется,
Слава о нем простирается.
Свои границы к Египту царство двух Хаттов приблизили,
Рамсес восстал против этого и затеял войну.
Знания царства двух Хаттов по всем сторонам продолжают.
Египетский царь, фараон Рамсес,
К царствам двух Хаттов приходит, договор письменный заключают.
Породнились оба тем самым.*

Действительно, многочисленные документы свидетельствуют о том, что Хеттское царство, в котором основное население составили хатты, имело теснейшие контакты с Египтом еще с XV в. до нашей эры.

Однако Муваталли II хорошо осознавал, что особо нельзя было надеяться на воинов из тех народов, которые были включены насильно в состав Хеттского (Хаттского) царства в различные периоды его истории. Основной упор он был вынужден делать на представителей родственных хатам (хаттитам) народов. И в основном они составили войско из колесниц и, в меньшей степени, пехоты. А основная сила пехоты всей армии Муваталли II состояла из представителей союзников – чужих народов.

Спустя некоторое время вернулись разведчики и доложили всю обстановку в войске Рамсеса II. Они поведали, что более 20 тысяч египетских воинов движутся к крепости Кадеш по долине Бекаа. В войске врага более 5 тысяч боевых колесниц, и разведчики сумели заметить некоторые их особенности. В частности, они указали, что в них только по два воина – лучник и возничий. Кроме этого сообщили, что колеса колесниц тоже, как у хаттских, со спицами, но ось расположена в конце корпуса колесницы, что значительно увеличивало нагрузку на лошадей, запряженных в неё.

В этом плане колесницы хаттов значительно превосходили египетские. Во-первых, в хаттских колесницах находились три воина: возничий, щитonosец и копейщик или лучник, в зависимости от

тактических задач. Это позволяло команде разделить функции нападения и защиты, что являлось большим преимуществом в бою. Во-вторых, в их колеснице ось находилась в центре корпуса, благодаря чему нагрузка на лошадей в разы уменьшалась, и можно было увеличить количество воинов до трех, что и было сделано хеттами.

Учитывая эти и другие моменты, Муваталли II как опытный военачальник пытался составить перед решающим боем хорошо продуманные тактические и стратегические планы. Прежде всего, он учитывал, что в его колесницах по 3 бойца. Они более тяжелые и менее подвижные, чем египетские колесницы. Поэтому он пытался выбрать местом для генерального сражения ровные и широкие поля. Для этого идеально подходило место недалеко от крепости Кадеш, южнее от него.

Кроме этого Муваталли II распорядился отремонтировать дороги, ведущие к югу до Кадеша, чтобы его войско преодолело это расстояние без особых трудностей. Были проведены и многие другие подготовительные работы для организации генерального сражения. Он хорошо осознал, что враг силен и опасен. Особое внимание он уделял организации широкомасштабной разведки, чтобы избежать внезапной атаки врага в выгодном для него месте.

В хеттской армии была строжайшая дисциплина. Военачальники всех рангов строго следили за этим. Любое непослушание солдата своему начальнику и его расслабленность строго карались. Иначе и не могло быть. Войско Хатти состояло из представителей многих народов со своими порядками и обычаями.

В армии также строго следили за внешним видом и вооружением солдат. Они были одеты в короткие, не доходящие до колен туники, подпоясанные ремнем. На поясе с левой стороны висел меч, а на правой стороне – короткий нож (как адыгский хьэджэсэ). Кроме этого у них были боевые топоры.

Обувь была прочной и удобной для длинных пеших переходов. Были у солдат шлемы, которые предохраняли затылок и шею от ударов противника. Были у хаттитов специальные вспомогательные войска «суту», вооруженные луками со стрелами. У них даже были саперные части для взятия укрепленных крепостей, башен и других военных и гражданских укреплений.

Для перевозки наступательных вооружений и боеприпасов они использовали четырехколесные повозки, запряженные волами или ослами.

Одним из главных преимуществ хаттитов было то, что у них оружие было из железа. Они были вооружены железными мечами, короткими ножами, копьями и стрелами для лука. Это все давало огромное превосходство над египтянами. Хатты, которые первыми получили железо из руды, долго держали в секрете технологию его изготовления,

и, естественно, египтяне о ней не знали. Они ещё пользовались оружием из бронзы, которое значительно уступало железному по своим качествам.

Словом, войско Муваталли II было вооружено, как говорится, по последнему слову тогдашней военной техники.

Тем временем войска из всех провинций Царства Хатти друг за другом начали подходить. В последнюю очередь подошли представители самых отдаленных земель, откуда восходит Солнце, где проживали ближайшие родственники хаттитов, – возле Ахинова моря и в горах недалеко от него. А с запада и северо-запада одними из первых подошли траки и дарданцы из Трои и их соседи, которые тоже были родственниками хаттитам по крови.

Когда союзники из всех провинций Царства и вассально зависимые от него племена подошли, царь Муваталли II дал указание военачальникам собрать войско для осмотра.

Царь, осматривая отряды военных колесниц, остановился и, указывая пальцем на ближайшую колесницу, спросил офицера, стоявшего ближе всего по правую сторону:

– Ваши зоркие глаза не видят ничего странного в экипажах колесниц?

Тот, не ожидавший такого вопроса, в недоумении ответил:

– Царь великий, ты никогда зря ничего не говоришь, тем более не спрашиваешь, но я затрудняюсь ответить на твой вопрос.

Тогда Муваталли II сказал:

– Управлять войском – значит видеть солдата в бою, то есть надо представлять, с какими трудностями он может столкнуться. Теперь погляди на этот экипаж, на его внешний облик.

Опять офицер в растерянности молчит. Остальные военачальники, которые сопровождают царя, тоже хранят гробовую тишину.

Муваталли II продолжил:

– В войне со смертельным врагом случайностей не должно быть ни при какой ситуации. Любое упущение военачальника обойдется армии очень дорого. Ещё раз взгляните на этот экипаж. Видно, что все трое храбрые, тяжеловесные и высокого роста. Но, когда они вместе в одной колеснице, это их слабость, потому что их с колесницей должны везти две лошади, а не десять. Поэтому не лучше ли собрать экипаж каждой колесницы из воинов разных по весу?

После этих слов царя сопровождавшие его посмотрели друг на друга, будто хотели сказать, что этому трудно возразить.

Конечно же, экипаж каждой колесницы был укомплектован по-новому: лучник был более худощавый и подвижный, чтобы с максимальной скоростью стрелять, копейщик был мощного телосложения и физически силен, чтобы копьем наносить разящий удар противнику, а возничий со щитом был среднего веса, мог умело вести колесницу и оказывать помощь, по необходимости, тому и другому.

Настало утро следующего дня. Надо было отправиться в путь на юг, навстречу непрошеному гостю. Муваталли II попрощался с царицей нежно и трогательно, пообещав, что вернется с победой.

Царица, провожая его, сказала:

– Я в этом не сомневаюсь, в этом тебе помогут наши боги во главе с Тешубом. Ведь мы, хатты, его *lebīnu*, то есть дети (от адыгского слова *бын* – *ибынхэ*). А отец никогда не оставит в беде своих детей.

Он, обнимая ее, тихо произнес:

– Да, ты права, Солнечная богиня.

Затем он вышел из дворца и велел тронуться в путь. А путь предстоял нелегкий. Впереди ждала полная неопределенность.

В этот момент внезапно небо над городом покрылось черными дождевыми тучами и начался сильный дождь, который сопровождался грозой. Она как будто разрывала небо пополам. Хаотичные молнии освещали всё вокруг гор, под которыми располагался город. Муваталли II, посмотрев на небо и сверкающие молнии, сказал:

– Бог Тешуб услышал нас, пусть он подарит нам победу, за которой мы отправились в путь на юг.

Дождевые тучи быстро пронесли над городом, дождь перестал так же внезапно, как и начался. Синее небо снова приобрело свой яркий вид. Все эти скоротечные явления природы перед отправкой войска Муваталли II в путь были предзнаменованием того, что им будет сопутствовать успех.

Вскоре войско хаттов достигло крепости Кадеш и расположилось на её северной окраине, в укромном месте за холмом. По всему периметру лагеря выставили плотный дозор, чтобы разведка врага не обнаружила их. Одновременно сам Муваталли II распорядился послать в лагерь врага разведку из двух бойцов, чтобы они прибыли к египтянам как перебежчики из войска хеттов.

Так и было сделано. Двое бедуинов из племени шасу, которые были тайными союзниками хеттов, прибыли в лагерь Рамсеса II и заявили, что не хотят воевать на стороне его врагов. Они также заявили, что, якобы, войско хеттов находится в 200 км на севере от Кадеша в городе Алеппо. Это расстояние можно было пройти за несколько дней.

Войско Рамсеса II тогда уже находилось в южных окрестностях Кадеша. Оно было разбито на четыре корпуса, и каждый из них был назван по именам египетских богов: Амон, Ра, Птах и Сэт.

Знаменитая битва под Кадешем, которая произошла между двумя самыми могущественными империями конца бронзового века – Египтом и Царством Хатти, явилась фактически первой мировой войной в истории человечества. В ней участвовали представители многих народов и племен, как со стороны Египта, так и со стороны Хатти.

Кроме самих хеттских воинов в этой битве участвовали представители таких царств того времени, как Маса, Питатасса, Арцава, Лукка, Троя, Каркамиш, Каска и многих других. В общей сложности в этой битве участвовало с обеих сторон около 60 тысяч воинов.

Она произошла в апреле 1274 года до н. э. Эта битва также явилась крахом бронзового века и началом века железа – металла, который впервые получили хатты, металла, который совершил настоящую революцию во всех отраслях жизни рода человеческого. Хатты и в этой войне были вооружены различными видами оружия из железа, что в значительной степени способствовало их победе над египтянами.

Ранним апрельским утром Рамсес II после многодневного, почти месячного марша по пустыне подошел со своим корпусом Амон, которым он командовал лично, и перешел реку Оронт, возле которой находился город Кадеш, и расположился лагерем с северо-западной стороны крепости.

Тем времени, Муваталли II со своим войском давно уже поджидал Рамсеса за холмом, на вершине которого стоял Кадеш.

До подхода отряда Рамсеса к крепости Муваталли II предпринял некоторые тактические перестановки в своем войске.

Стоя на холме и оглядывая окрестности, он обратился к Инароко:

– Пошли разведчиков, пусть узнают расположение войск Рамсеса как можно подробнее.

Инароко, выпрямившись смиренно, коротко сказал:

– Будет исполнено, мой великий Царь.

Тут же он отошел на несколько шагов и, подзвав одного из офицеров, который стоял неподалеку, приказал отправить несколько человек в стан врага и изучить всю обстановку.

Муваталли II, опять обращаясь к Инароко, добавил:

– Распорядись, чтобы перед боем лошадей, запряженных в колесницы, накрыли защитными чехлами, которые не пробиваются стрелами и копьями.

Вскоре разведчики, собрав необходимую информацию, пришли в лагерь. Они давно знали, какое значение придавал царь данным разведки и вообще организации этого дела в армии хаттитов, и не могли позволить себе упустить ни одной мелочи при выполнении задачи.

Их встретил Инароко и расспросил обо всем подробнейшим образом. Затем подошел к Муваталли II и сказал:

– Мой великий Царь, разведчики принесли для нас неплохие новости.

Муваталли II, посмотрев ожидающим взглядом, строго спросил:

– И какую новость принесли твои разведчики по войску храброго фараона?

Инароко незамедлительно начал:

– Мой великий Царь, храбрый предводитель могущественной египетской армии фараон Рамсес допустил ряд промахов в организации решающего боя с непобедимой армией под твоим руководством.

– Что ты этим хочешь сказать?

Инароко начал перечислять упущения Рамсеса II:

– Видно, он поверил нашим перебежчикам, которые заявили, что мы ещё находимся далеко отсюда, в Алеппо. Он даже не перепроверил эти слова двух бедуинов из племени шасу, которых мы послали в лагерь египтян. Потом наши разведчики доложили, что армия Рамсеса разбита на четыре корпуса, в каждом более 5 тысяч воинов, и они движутся к крепости каждый отдельно на большом расстоянии друг от друга. Разведчики доложили, что между ними нет никакой связи.

Самая большая ошибка Рамсеса II – это то, что, не дав отдыха своему корпусу Амон после долгого марша, он оторвался от остальных войск и разбил лагерь возле крепости. Правда, его личная охрана состоит целиком и полностью из шарденов. Как ты видишь, мой Царь, это нам дает огромное преимущество над его армией.

Муваталли II, внимательно послушав своего военачальника, сказал:

– Шардены же наши союзники и они в нашем войске.

– Это все верно, мой Царь, но те шардены из бывших пиратов, которых Рамсес взял в плен до его похода на наши земли.

Муваталли II сказал:

– Не забывай, что нам нельзя расслабляться. Хотя он попался в мою западню, его армия сильна, и он отважный воин. Но мы дадим ему *zah-ḥiṣa* (зэххэуэ), то есть бой, в том месте, где наши колесницы покажут, на какие чудеса они способны. Главное для нас – это сражаться с врагом на ровном поле.

Настал час решения судеб не только двух армий, но и судеб двух великих империй, которые встретились у древнего и важного в стратегическом отношении города Кадеша.

Рано утром Муваталли II приказал построить армию по корпусам. Погода выдалась в этот день ясной и солнечной. Поле, где решил Муваталли II дать бой армии Рамсеса II, напоминало море, где тихие волны раскачивались от небольшого ветра, который дул с востока.

На небе то там, то здесь медленно кружились грозные и жадные грифы, осматривая поле, не пропуская ни одного движения живых существ внизу, где вот-вот развернется настоящая драма рода человеческого – начнется безжалостное уничтожение себе подобных под названием война.

Царь Муваталли II со своими сопровождающими подошел поближе к воинам и обратился к ним:

– Храбрые воины страны Хатти и славных наших союзников! Настал день, когда мы должны дать достойный отпор нашему заклятому врагу, который намерен разрушить великую и древнюю империю Хатти. Фараон

Мысыра (Египта) пришел со своим многотысячным войском и навязал нам zahhai, то есть зауэ – войну. Видимо, ему не хватает богатых долин великой реки Нил. Что ж, это его выбор. Сегодня нас ожидает большое zahhiya (зэхэуэ, то есть сражение). Мы оставим многих наших врагов навсегда на нашей земле, а тех, кто останется в живых, превратим в наших рабов.

Для победы над армией Рамсеса II нас благословляет великий бог грозы Тешуб. На поле боя нашу армию поведет богиня войны Инара. А наш бог ярости Сутех вселит в наши души смелость и отвагу. Да будет так!

С такими словами Муваталли II поднял свои длинные и крепкие руки к небу. Он постоял несколько минут в таком положении, неподвижно и сурово глядя вверх. Затем медленно опустил руки. Тут же воины громко, оглушая все вокруг, закричали хором:

– Да будет так! Да будет так! Да будет так! Веди нас, Царь, на zahhiya (зэхэуэ), на битву!

В это время войско египтян корпуса Амон, которым командовал сам Рамсес II, форсировав реку Оронт возле села Шаб-тун, расположилось лагерем недалеко от крепости Кадеш.

В лагере египтян царил полный хаос. Они распрягли лошадей и выпустили на выгул, некоторые воины сидели кругом и группами. Кто песни пел, кто принимал пищу, а кто просто валялся на траве. Сам фараон тоже, в окружении слуг и телохранителей, отдыхал в шатре. При этом он даже не располагал сведениями об остальных своих корпусах, которые шли в отрыве от него на большом расстоянии. Ближе всего, юго-восточнее, за рекой Оронт, на её правом берегу, находился отряд Ра, в котором были его двое сыновей.

Когда этот корпус форсировал реку, 2500 хеттских колесниц тоже перешли её, и завязалась битва. Хетты догнали египтян на марше, и неожиданное нападение оказалось для отряда Ра катастрофой. То была настоящая мясорубка.

Отряд боевых колесниц хаттитов возглавил в этом бою родной брат царя Хаттусили III. Он, прежде чем совершить внезапное нападение на отряд Ра, внимательно изучил местность, где предполагалось сражение. Заметив, что северная сторона не совсем ровная, он предупредил своих помощников, чтобы они не допустили выхода на эту сторону вражеских колесниц. Обращаясь к одному из подчиненных, он строго сказал:

– Ни при каких условиях не допускайте, чтобы сражение произошло на холмистом месте. Вы знаете, что наши колесницы с тремя воинами тяжелее и менее подвижны, чем вражеские. А у них колесницы более легкие и увертливые. И мы их там сможем одолеть с наибольшими потерями для нас. Имея это в виду, старайтесь, чтобы бой происходил в южной части поля, где больше простора и местность ровная.

Ещё при подготовке к нападению на египтян Хаттусили III, опытный военачальник, дал приказ своим подчиненным, чтобы они накрыли лошадей защитными чехлами – шею, грудь до колен передних копыт и всё туловище.

Ранним утром, переправившись через Оронт, хетты напали на врага. Они расправлялись с солдатами египтян отряда Ра, как свирепые львы со своей жертвой. Хеттские колесницы мгновенно окружали двигающихся солдат египтян и, разбивая их по отдельным и маленьким отрядам, беспощадно уничтожали. При этом солдаты как с одной, так и с другой стороны проявляли чудеса героизма и отваги.

Впереди шли хеттские колесницы, в которых находились лучники и копейщики с возничими. Лучники начинали с дальнего расстояния обстреливать египтян, а затем, приблизившись к ним, копейщики наносили удар с близкого расстояния. Хаттиты, разбивая вражеское войско по частям, беспощадно уничтожали их.

В течение нескольких часов враг был полностью разгромлен.

В самом разгаре сражения, в середине наибольшего скопления египетских солдат, кто-то из их офицеров на фоне звуков от ударов мечей противника и стонов раненых бойцов крикнул оглушительным голосом:

– Создайте плотный двойной круг вокруг сыновей нашего фараона!

После того, как он эту фразу выкрикнул несколько раз, египтяне с трудом выполнили его приказ. Опять тот же офицер выкрикнул:

– Теперь таким же кругом уходим отсюда на север!

Отбиваясь от яростной атаки хаттитов, кто мечом, а кто копьем, с большими потерями, группа покинула поле битвы и вывела оттуда измотанных сражением сыновей Рамсеса II. Молодые воины с небольшим отрядом сопровождавших с трудом дошли до дивизии Амон, которой командовал Рамсес. Те египтяне дивизии Ра, которые остались на поле сражения у реки, были почти полностью перебиты, а остатки солдат, чудом избежавших смерти, были согнаны в одну группу, и хаттиты охраняли их, ожидая решения их дальнейшей судьбы.

Поле, где эта бойня происходила, напоминало город после мощного землетрясения, а после него ещё прошел страшный смерч.

Трупы солдат, заколотых мечами и копьями, валялись по всему полю. А те раненые, кто еще жил, протягивали руки в сторону проходящих мимо хеттских солдат, прося о помощи.

Колесницы были разбросаны по земле, опрокинутые и сломанные, в них ещё были запряжены лошади. Эти несчастные животные, конечно же, не имели ни малейшего представления о происходившем несколько часов тому назад на этом кровавом поле. И хорошо, что животные не осознали этого.

Раненых солдат передали лекарям, которые принялись обрабатывать их раны. А один из офицеров обратился к Хаттусили III со словами:

– Достопочтенный и храбрый мой начальник, с поля боя собраны трупы наших солдат, раненые тоже вывезены с поля и получают необходимую помощь. После небольшой паузы он неуверенным голосом спросил: – Мой господин, а что делать с ранеными врагами, которые остались в живых и разбросаны по земле?

После этих слов своего офицера Хаттусили III посмотрел в сторону того самого поля, где недавно происходила настоящая человеческая драма, а затем, воздев правую руку к небу, сказал:

– Бог наш Тешуб сегодня подарил победу над нашим заклятым врагом Рамсесом. Враг привел сюда многочисленное войско от необъятных берегов великого Нила, чтобы завоевать наши земли и превратить нас в рабов. А его солдаты выполняли свой долг перед ним. Но мы воины страны Хатти. Мы, как ты знаешь, над поверженным врагом не издеваемся, если он сложил свое оружие. А любой мертвый человек заслуживает, чтобы его предали земле.

После этих слов Хаттусили III строгим тоном отдал приказ:

– Вывезите с поля раненых солдат египтян, напоите их водой и накормите, пусть перевяжут их раны. Да, от них сегодня отвернулись их боги. Значит, такова их судьба. Теперь надо покончить с остальными отрядами Рамсеса.

Подчиненные тут же направились исполнять его приказ.

Та небольшая группа египетских солдат дивизии Ра, которая спасла двух сыновей Рамсеса и еще нескольких военачальников этого полка, с трудом добралась до лагеря фараона. По прибытии они в первую очередь попросили воды, чтобы утолить жажду.

Их отвели к шатру Рамсеса, который еще не имел представления о том, что произошло с дивизией Ра. Офицер из этого корпуса, присев перед фараоном на колени, сказал утомленным и тихим голосом:

– Мой фараон и повелитель, дивизия Ра разгромлена. Поле возле реки, где нас застиг враг, усеяно трупами наших солдат. Мы с большими потерями и трудом спасли твоих сыновей и привели сюда.

Рамсес II, услышав эти слова, крикнул, обращаясь к своим подчиненным:

– Где солдаты дивизий Птах и Сэт? Почему боги отвернулись от меня? Я разве не приносил им жертвы?

После этих слов Рамсес II вышел из шатра и, подняв обе руки вверх, сказал:

– О, боги, дайте мне и моим воинам силы, чтобы мы не остались на этой проклятой земле страны Хатти навсегда!

Потом он отдал приказ послать гонцов за остальными своими дивизиями, от которых он оторвался, разбив лагерь возле крепости Кадеш и предвкушая быструю победу над воинами Хатти.

Муваталли II смотрел на все происходящее с вершины холма возле крепости Кадеш. Тут, за холмом, в укрытии, стояли наготове часть боевых колесниц и основные силы пехоты, которые не принимали участия в разгроме египетской дивизии Ра. Он смотрел в сторону войск Рамсеса и обдумывал дальнейшие действия по окончательному их разгрому.

Затем, долго не думая, Муваталли II приказал атаковать лагерь Рамсеса. Дополнительно выдвинул оставшиеся боевые колесницы и часть пехоты. Войско стремительно двинулось в направлении отряда египтян Амон. Одновременно шли в этом направлении и хеттские воины, которые разгромили отряд египтян дивизии Ра.

Хаттиты прибыли в лагерь Рамсеса и начали плотным кольцом окружать египтян. Положение для них становилось катастрофическим. Началась настоящая резня. Хеттские колесницы, более тяжелые относительно вражеских, шли на таран, опрокидывая боевые колесницы египтян. Многие хеттские бойцы, спрыгивая с колесниц, распрягали на ходу лошадей с колесниц врага. При этом они проявляли чудеса сноровки и отваги. Одни разрезали ножом или мечом крепления, которыми были запряжены лошади египетских колесниц. Другие ставили свои копыя в колеса и опрокидывали их, третьи запрыгивали на колесницы врага и там расправлялись с ним.

Египтяне отчаянно сопротивлялись, но всё было безуспешно. Многие из них начали покидать поле битвы. Когда Рамсес увидел, что положение его войска критическое, он приказал выставить плотный заслон против отступающих своих солдат и убивать всех, кто бежит от врага.

Одновременно он вскочил на свою колесницу и пошел в атаку. Рамсес в этом бою показал исключительную храбрость и отвагу. Увидев всё это, египтяне воодушевились и начали с новой энергией отбиваться от хеттов. Но на всех участках сражения они терпели одну неудачу за другой. И вдруг, неожиданно и для египтян и хеттов, с запада к месту сражения подоспел на помощь Рамсесу свежий отряд новобранцев. В это же время с юга подошли отряды египтян Птах и Сэт. После этого бой стал ещё более ожесточенным.

Солнце шло к закату. Было видно, что в этот день битва не закончится. Воины обеих армий измотаны. Неимоверная жара, которая стояла в этот день, еще больше усугубляла положение. Но бой продолжался.

Положение войска Хатти осложнилось ещё тем, что солдаты, когда прорвали оборону египтян и оказались в центре их лагеря, натолкнулись на огромные богатства. Позабыв о войне и бросив своё оружие, они тут же занялись грабежом.

В этой ситуации Муваталли II позвал своих подчиненных и сказал:

– Мы сегодня не покончим с врагом. Завтра со свежими силами завершим это дело. Пошлем послов Рамсесу II.

После этих его слов, подчиненные привели к Муваталли II трех офицеров. Подготовили текст короткого письма Рамсесу II, где было изложено предложение о прекращении боя до следующего дня.

Послы Муваталли II вскоре прибыли в лагерь египтян, их привели к Рамсесу. Когда их завели в шатер Рамсеса, с достоинством, поприветствовав присутствующих, старший из послов вручил послание Муваталли II одному из вельмож египтян.

Рамсес II велел ему прочитать письмо. Тот, не скрывая своего волнения, начал читать. В письме было сказано: «Ты не только фараон страны долины великого Нила, но и храбрый воин. Я, правитель страны Хатти, Муваталли II, говорю тебе, что мы оба не закончим сегодня войну, которую ты мне навязал. Поэтому я предлагаю тебе до захода солнца остановить зэхэуэ (битву), чтобы дать отдохнуть и твоим, и моим воинам. Я также не хочу оставить моих раненых солдат на ночь на поле боя. Если ты согласен, завтра продолжим битву. Боги тогда решат, кому быть победителем, а кому побежденным».

Рамсес II внимательно выслушал послание и кивнул своим подчиненным, чтобы они увели послов. При этом, обращаясь к послам, он сказал:

– Я подумаю и дам ответ, ждите.

После того, как вывели послов Муваталли II из шатра, Рамсес II, посоветовавшись со своими военачальниками на заседании совета, подготовил ответ такого содержания: «Великий царь страны Хатти, предводитель её войска, ты говоришь правильные слова. Твоя забота о раненых солдатах – проявление милосердия по отношению к ним. Я принимаю твое предложение. Завтра, с восходом солнца, мы продолжим битву».

Рамсес II велел завести послов обратно в свой шатер и передать им ответ. Потом велел своим подчиненным проводить послов до безопасного места. Так и было сделано.

По прибытии послов в лагерь хаттитов Муваталли II отдал приказ об эвакуации всех раненых солдат его войска с поля битвы.

На следующее утро бой возобновился с ещё большей жесточностью.

Муваталли II произвел перед этим некоторые тактические изменения в своем войске. При этом он держал определенную часть своей пехоты у крепости Кадеш на случай её атаки врагом. Всю остальную армию он бросил на поле битвы.

Бой шел несколько часов. Египтяне несли огромные потери. Свирепость солдат страны Хатти не знала границ, она достигла наивысшего накала. Их атака напоминала введенного в ярость быка, который разбрасывает своими мощными рогами всё, что попадает ему на пути.

Рамсес II, увидев, что для него настал критический момент, приказал своей личной охране, которая состояла целиком и полностью из шарденов – бывших пиратов с острова Сардиния, создать плотное кольцо и прорываться к югу.

В его войске опять началась паника. А хаттиты всё больше и больше продолжали терзать врага. В конечном итоге Рамсесу со своей гвардией и остатками солдат удалось прорваться из окружения и покинуть поле битвы, оставив за собой тысячи убитых и раненых египтян.

Так закончилась эта битва у стен Кадеша, которая считается первой мировой войной в истории рода человеческого.

Муваталли II в этой войне не только защитил Кадеш от египетского войска. Он его разгромил и дошел до земель южных хаттов, которые проживали в Палестине и вокруг неё.

После этой битвы Муваталли вернулся к себе с огромным количеством пленных и богатства. Однако и Рамсес, вернувшись из этого печального похода, заявил, что одержал победу над мощной армией страны Хатти. Но, как известно, победитель не покидает то место, которое завоевал. Он даже не смог осадить крепость Кадеш, за которой пришел с берегов далекого Нила. Более того, он сам чуть не попал в плен.

К сожалению, вскоре после этого знаменитого сражения Муваталли II скончался и во главе царства стал его сын – Урхи-Тешуб. А вскоре его сменил родной брат отца – Хаттусили III.

При этом столкновения между великими державами – Египтом и Хатти – не прекратились. Они продолжались еще пятнадцать лет. Но на этом промежутке времени произошли в истории Ближнего Востока такие политические и иные изменения, что настал для них час сближения.

В 1259 г. до н.э. был заключен между Рамсесом II и братом Муваталли II – Хаттусили III «Благий договор о мире и братстве, устанавливающий мир навеки». На самом деле, этот мир между двумя великими империями древности был не только первым мирным договором между государствами, но и единственным мирным договором, который ни разу не нарушался его участниками.

Более того, спустя 13 лет после заключения этого мирного договора между Египтом и страной Хатти, в 1246 году до н.э., Рамсес II попросил руки дочери царя Хеттского царства Хаттусили III, того самого человека, который был одним из военачальников хеттской армии, нанесшей сокрушительное поражение его армии под Кадешем.

После заключения этого брака дружеские связи между великими империями ещё больше укрепились и ни одно государство не смело долгие годы нападать на них. Потому что тем историческим мирным договором было предусмотрено оказывать военную помощь друг другу в случае нападения извне.

Эти эпизоды во взаимоотношениях между Египтом и страной Хатти отражены в песнях, устном народном творчестве потомков славных хаттов – адыгов (черкесов). В частности, в одной из их песен поется:

*Дэ дызыщыщыр умыщIэмэ,
Сэ кьъызэуцIи бжесIэнци,
Рэмзэсьшихуэр джатапэкIэ
Бгым щызыдзахэм дарейщ.*

Примерный перевод звучит следующим образом:

*Если ты не знаешь, кто мы,
Скажу тебе, если спросишь,
Рамсеса Великого кто
Сбросил мечом с горы?
Это мы.*

Эти слова подтверждают, что не только хетты (хатты) одержали победу над египтянами, но свидетельствуют о том, что хатты – прямые предки адыгов (черкесов).

При всем их великом прошлом адыги редко находили общий язык по многим вопросам обустройства жизни и никогда не хотели быть под началом одного сильного предводителя. Каждый себя считал не хуже других и не хотел уступать никому. Правда, они часто объединялись все вместе перед внешним врагом, но, когда опасность отступала, они продолжали жить сами по себе, не подчиняясь никому.

Этой нашей общей беде есть свое объяснение. У любого адыга неистребим дух свободолюбия, он категорически не принимает того, что ограничивало бы его свободу действий. И его никому невозможно подчинить.

Бурхан БЕРБЕРОВ

Доктор филологических наук, заведующий сектором карачаево-балкарского фольклора ИГИ КБНЦ РАН, ведущий научный сотрудник, член Союза писателей и Союза журналистов России Бурхан Абуясуфович Берберов в этом году отмечает свой юбилей. На страницах нашего журнала уже публиковались его рассказы «Одеяло в клетку» (2015, № 6), «Нанык и Айю» (2016, № 4), «Запеленутые яйца» (2018, № 3), «Глоток воды» (2019, № 3), «Мелодия старой гармонии» (2020, № 1).

В этом номере мы хотим познакомить читателей с его повестью «Крик камня». В свое время высокую оценку этому произведению дала критик, доктор культурологии Фатима Анваровна Урусбиева. Приведем отрывок из ее статьи «Плоды вечного сада» (2000, № 6). «Рождается у молодых, открытых национальному космосу на уровне идеи, стремящейся к реализации, воплощению в материю, стремление взять на себя ответственность за судьбу малой родины, общины, без которой невозможна никакая большая родина, за восстановление прерванных родственных и человеческих связей на уровне человеческой свободы... Повесть все-таки вселяет последующую за осознанием веру в победу надежды над отчаянием.

Сам факт появления в нашей до иллюзии реалистической одномерной прозе такого художественного мышления, как у Бурхана Берберова, уже симптоматично. Оно с первых шагов открыто “почве и судьбе” своего народа, как будто через него говорят новые духовные потоки. Не по законам линейного прогресса в литературе, а подобно вызревшим в укромном, заповедном саду высокогорья плодам из вечного Сада.

По мотивам этой повести в Балкарском государственном театре им. К. Ш. Кулиева в 2004 году был поставлен спектакль «Крик камня» под руководством режиссера, заслуженного деятеля искусств КБР М. М. Атмурзаева.

КРИК КАМНЯ

Повесть

Вечность родной земли

Утренняя прохлада. Весна. Светает. Некоторое время Таулан смотрел с вершины на горное село, затем не выдержал, глубоко вздохнул, стараясь унять биение сердца, и двинулся к своему двору.

Бросая быстрые, осторожные взгляды по сторонам, он с упоением вдыхал запах родного очага. Шапка из овчины столь плотно облегает голову, словно Таулан в этой шапке родился. На нем кожаная безрукавка, на ногах чуваки. Он достал из нагрудного кармана тряпицу и время от времени вытирает холодный пот с лица. Кожа лица и рук смуглая. Много времени, как видно, проводит он на солнце и открытом воздухе.

Заслышав призыв к утренней молитве, Таулан быстро спустился к реке, принял омовение и совершил намаз. Как всегда, безрукавка послужила ему молитвенным ковриком. Подняв голову, он увидел перед собой фигуру отца. Видно, что старик наспех набросил на себя тулуп, на голове у него меховая шапка, на ногах меси¹. Одной рукой перебирая четки, другой опираясь на трость, пошел к каменной ограде.

«Аллах, Аллах, я вижу отца живым. Как он состарился. Он совсем сгорбился, бедный. Сколько лет! До чего же долгой была его дорога. Жив мой отец, жив. Не верю своим глазам. Но почему-то не видно матери. Жива ли она? В детстве она мне говорила: «Тауланчик – хороший уланчик», а когда я подросток: «Таулан – настоящий улан»². Как мне теперь поступить? С какими словами подойти к отцу?! Как пернатые после блужданий в тумане нашли свои гнезда, так мои соплеменники вернулись на родину и начали разводить огонь в остывших очагах. Затеплилась жизнь в осиротевшем селе. Из домов доносится запах выпекаемого хлеба. Как радостно мне слышать, что женщины доят коров. Узнают ли меня родные и близкие, пустят ли в дом?» – мысли одна за другой проносились в сознании Таулана.

– Как пронизывает холод горного воздуха! Благодарение Аллаху, мне суждено еще подышать благотворным воздухом векового родного края, – слабеющим голосом произнес Хажи и медленно опустился на надгробные камни, разбросанные во дворе. Обессилевший старик гладил надписи на камнях.

Даниял увидел деда, осевшего наземь, бросился к нему и протянул руки.

– Дедушка, попробуй подняться!

Хажи плохо расслышал его слова.

– Что ты сказал?

– Эти безжизненные камни холодны. Я говорю, пойдем домой! – громко произнес Даниял.

Таулан, затаившись, смотрит на них со стороны.

– Сумеешь ли прочитать надписи на этих камнях, внук мой? – спросил Хажи.

– Нет, дедушка. Надписи стерлись.

¹ Меси – сафьяновые ноговицы.

² Улан – всадник.

– Что ты сказал? Говори громче.

– Надписи стерлись, говорю! – повторил Даниял.

– Вчера я ходил на кладбище, врагу не пожелаю такое увидеть. Никто не скажет, что это кладбище. Люди, которые забрали надгробные камни... Бросили их под ноги, замостили дорогу. Или замуровали в стены... Камни с полумесяцами и звездами.

Даниял, не зная, чем помочь деду, склонился над ним.

– Ладно, дедушка, пойдем. Пойдем домой...

– Даниял, пусть я умру, но все эти надгробья, разбросанные по селу, надо собрать и отнести на кладбище, – сказал Хажи и поднялся на ноги.

– Хорошо, дедушка, обязательно отнесем.

Хажи говорит, протянув руки к небу:

– О милостивый Аллах! Как пух подстреленного орла, мой народ развеян по миру. Дай ему силы вернуться на родную землю, к родным очагам. Даруй райскую обитель погребенным без савана в песчаных степях. Оставшимся в живых дай здоровья и благоденствия. Крепким узлом завяжи в будущем пасть дракона. Пусть светит солнце моему народу, повидавшему много горя. Не обрекай мой народ на нищенскую суму. Убереги от порочной пищи и лживого слова. Веди его по дороге истины. О милосердный Аллах, дай терпения, силу и веру моему народу. Всели покой в сердца. Пошли миру свет и порядок. Не обделяй нас. Прости нам наши грехи. Ла иллаха илла лах!

Таулан долго смотрел на отца и сына. Вдруг ноги сами, вопреки его воле, повлекли Таулана вперед, и он вышел из укрытия.

– Отец, мой отец! – крик Данияла, увидевшего Таулана, огласил всю округу.

Таулан, словно пробудившись от сна, вздрогнул и едва не бросился бежать в сторону гор.

– Отец, ты куда? Не уходи. Пожалуйста, остановись. Я так хотел тебя увидеть!

Даниял шагнул вперед и попытался удержать отца. Но Таулан, вырвавшись, мгновенно скрылся из глаз.

– Отец! Отец! Не уходи! – закричал Даниял вдогонку. Потом бросился вперед, но споткнулся о надгробный камень и упал.

Дауум выбежала из дому:

– О Господи, что случилось, Даниял? Что за крики, что за шум? Что с тобой?

Следом показался Осман с ружьем в руках.

– Что стряслось? Почему молчишь, Даниял?

– Осман, я увидел отца, – прошептал юноша, приходя в себя.

– Где? – Дауум с испуганным видом стала оглядываться.

– Вот здесь... – Даниял указал место, где стоял его отец.

– Ну, скажешь, да простит тебя Аллах. Насколько я знаю, твой отец...

– Нет, келин¹, мой отец жив... – перебил Даниял речь Дауум.

– Ну, ты учудил, Даниял. С чего Таулану быть живым? А я-то подумал, зверь или нечистая сила появилась во дворе, – проворчал Осман, вскидывая ружье на спину.

Хажи, тяжело шагая, приблизился.

– Ты говоришь, мой сын жив? – спросил старик, пристально всматриваясь в лицо Данияла и напрягая слух.

– Жив, дедушка. Мой отец жив, я его сразу узнал.

– Я верил, что он жив. Туман застлал мои глаза, и я его не узнал. О, благодарение Аллаху! Сколько лет...

Ноги Хажи подкосились, силы покинули его, и он, тяжело дыша, прислонился к Даниялу.

– Конечно, ты мог увидеть здесь отца, конечно, он мог сюда прийти, – медленно произнес Осман. – Таулан вырос в этом дворе. Ты увидел его тень, вот, что ты увидел, Даниял. Если появился умерший, принято раздать подаяние. Говорят, если на том свете умерший голоден, его близкие здесь не насытятся. Видать, несчастный ходит неприкаянный, никак не обретет себе места на том свете.

Осман был заметно встревожен и не знал, что говорить дальше, он посмотрел сначала на землю, потом на небо.

– Даниял, свет мой, ты вернулся на родную землю, в дом отца, ты тоскуешь по нему, оттого он тебе и привиделся. Мне тоже в трудные минуты мерещится отец. Бывает, я даже с ним разговариваю. А чтобы с того света человек вернулся, этого никогда не бывает. Смирись с этой мыслью, ты взрослый человек, оставь отца в покое, не тревожь его дух и тело. Не терзай душу свою и нас не мучай. Ты же мужчина... – сказала Дауум, пытаясь успокоить юношу.

– Келин, мой отец не умер! Мой отец жив. Понимаешь? Жив. Теперь поняла? Теперь поверила? – с обидой в голосе твердил Даниял.

Дауум жалостливо посмотрела на него.

– Теперь поняла, теперь поверила, твой отец жив. Да дарует Аллах ему жизнь.

Сожалея о том, что затеяла этот разговор, она отступила назад.

– Мне некогда заниматься здесь разговорами! – воскликнул Даниял. – Я должен искать в горах отца. Мой бедный отец. Он был в той же шапке...

Хажи после долгого молчания оглядел всех и обратился к Осману.

– Осман, Таулан жив. Почему ты молчишь? Твой младший брат жив...

– И что ты мне, отец, предлагаешь делать?

Осман близко подошел к Даниялу, схватил его за рукав и спросил:

– Юноша, о какой шапке ты сказку рассказываешь?

– Это не сказка. Я говорю, что знаю. Я был маленький и видел однажды: отец спустился к реке, снял шапку, стал умываться. Тут я

¹ Келин – сноха.

испугался – у отца не было ушей! Отец заметил меня, спрятал глаза. Я спросил: «Отец, а где твои уши?» – «Сыночек, их забрал орел», – ответил мой бедный отец и натянул на голову шапку.

– Боже мой, что я, несчастная, слышу, что это за история?!

Дауум отвернулась, пытаясь скрыть слезы.

Осман отпустил рукав Данияла, строго на него посмотрел и сказал:

– Оставь это: орел-морел, уши, шапки. Надо не по горам шататься, а строить дом. Учись ценить время. Мы все должны отстроить наши села, вдохнуть в них жизнь. Если восстановим прежний порядок, глядишь, все наладится. Дел неупрото. Камни... Доски... Холода не за горами. Ничего нет ценнее времени.

– Время, время... Сколько можно говорить впустую? Лучше ответь мне на вопрос: ты идешь со мной искать отца? – спросил Даниял, давая понять, что отправляется в дорогу.

– Я не собираюсь никого искать. Тот, кто должен прийти, тот и без нас придет к нам.

Осман посмотрел в сторону Дауум.

– Оставь все, Даниял. Пойдем домой. Слушайся дядю, он плохого тебе не пожелает. Старшие лучше разбираются в жизни. Еще, не дай Бог, останешься в горах со своей раненой ногой. Постарайся забыть обо всем. Мало тебе горя войны? – с этими словами Дауум взяла за руку Данияла и легонько потянула его в сторону дома.

– Война еще не закончилась, келин. Я должен встретить отца.

Юноша резко развернулся и, несмотря на хромоту, стал быстро подниматься по склону горы.

Осман, поджав губы, смотрел вслед Даниялу, затем вскинул ружье на плечо и сказал:

– Бедене¹, возьми отца и иди домой. В такие дни человек должен быть осмотрительным. Бдительность не помешает...

Отдав распоряжения по хозяйству, он плотно закрыл за собой калитку и ушел в горы.

И обрела я свой дом

На второй день Осман, прислонив ружье к столбу неподалеку, строгал во дворе доски. На душе было неспокойно, работа не ладилась. Дауум вышла из дому. В ее глазах была тревога. Нервно потирая руки, она подошла к мужу и прошептала:

– Не хоч, чтобы кто-то меня услышал, но история с твоим братом не дает мне покоя. Я до утра не сомкнула глаз.

– Хватит, бедене. Сил нет больше тебя слушать. Достаточно ты извела меня этой ночью. Сгинь с глаз моих, как перепелка в траве. Я свое слово о брате давно сказал. Не задавай мне больше вопросов о нем.

¹ Бедене – буквально: перепелка. Ласкательно-ироничное обращение мужа к жене.

– Прошу тебя, не таскай с собой это ружье. Нехорошо это. Что люди скажут? Ты даже ночью с ним не расстнешься...

– Мне есть кого остерегаться. Кому какое дело? Иди займись своими делами! – дал волю своему гневу Осман.

– О каких делах ты ведешь речь? Я сама не своя от отчаяния. В чем вина твоего брата? Почему его надо остерегаться? Он был самый достойный в вашей семье... – пугаясь собственных слов, тихо произнесла Дауум.

Осман злобно и пристально посмотрел в глаза жене.

– Таулан мне брат, а тебе он кто, трещотка?

– Я его любила и уважала, как брата, – ответила Дауум.

– По-моему у тебя и сейчас такие чувства. Что ж, будущее покажет. Я, только я знаю его сущность. Может, в этот раз исполнится моя мечта...

– Мне достаточно того, что я знаю о нем. Я живу только благодаря свету тех дней, когда он был рядом, – твердо сказала женщина. – Если бы мне суждено было с ним жить, счастливее меня никого не было бы на свете. Жизнь моя потекла бы по другому руслу. Не знала бы горя. Как злой сорняк, ты прилип ко мне, затуманил мой разум и погасил свет моей жизни. Вернуть бы все назад... Я ушла бы на край света. А что до твоего брата, не ты ли отправил его в Сибирь? Его народ томился в Азии, в тисках неволи, а он мерз в Сибири. И как его душа выжила?! И как он сумел вернуться в горы Кавказа? Вот что я тебе скажу: если твой брат и вправду жив, оставь его в покое. Очень тебя прошу.

– Нет, жизнь не измеряется одним днем, одним месяцем, одним годом и даже одним веком! Наша страна не забыла его черные дела и черные мысли. И никогда не забудет.

– Как я устала от твоих бесплодных слов. О каких делах и мыслях ты ведешь речь? Будь благоразумен и не таи зла.

– Оставь при себе свое мнение о Таулане. У меня всегда была своя голова на плечах, и я никому не позволю управлять собой. Пусть никто не вмешивается в мои дела.

– Тебе не мешало бы хоть раз увидеть себя со стороны.

– Если мои слова тебя не убеждают, отправляйся туда, где он. Даю тебе слово Османа – скатертью дорога. Тебя ожидает огромное счастье, как же... Обузой друг другу будете ковылять по дорогам. Как Мамулий и Тотулий¹. Спотыкаясь, натыкаясь на камни.

– Надо было раньше об этом сказать. А ты загнал моего отца в угол, использовал все свое коварство, именем власти затащил меня в комнату для новобрачных! Если хочешь знать, только со страху мой бедный отец согласился на этот позорный брак. А иначе он наравне с твоим братом корчился бы от мук в Сибири.

¹ Персонажи карачаево-балкарского фольклора.

– В чем ты меня упрекаешь? Я жил по законам времени. Во всем хотел быть первым, не отставать от друзей и не упускать своего. Ты пойми, во мне живет дух соперничества. На моем месте любой бы так поступил. А сейчас до наступления осенних дождей мы должны привести в порядок дом и подворье. И Даниялу нечего сходить с ума из-за призрака отца. Вместо того чтобы с искалеченной ногой ковылять по горам, лучше бы подумал о своем доме. Уж отец ему никогда не построит дом.

– Какой толк мне с твоего дома, если я лишилась покоя и сна. И отец твой в постоянной тревоге. Какая напасть тебя заставляет таскать ружье, поджидая брата? Рожденные от одной матери и от одного отца, почему вы ведете себя, как враги? От такой жизни даже Сибирь кажется спасением. Ты накличешь беду, я чувствую.

– Мы и без того с таким трудом вернулись на родину. Хватит болтать, похоже, день стал портиться, иди укрой саманные кирпичи.

– Кирпичи, дом... Выбросили в Азию – строим дом, вернулись сюда – строим дом. Нет спасения от этой участи, хозяин. Я-то ладно, но что будет с нашей дочерью...

– Будь внимательна, мало ли на свете плохих людей. Одну ее не оставляй дома.

– Ладно, – Дауум потянула к себе ружье. – Ты подумай над моими словами, а я отнесу ружье в дом.

Едва она сделала шаг, как услышала грубый окрик мужа:

– Поставь ружье на место! И не суй свой нос туда, куда не следует. Зайди в дом, хватит болтать. Займись своими делами.

Дауум прислонила ружье к столу и разрыдалась.

– В чем я виновата? Почему ты бранишь меня? Ты вспыхиваешь, как огонь. Бессердечный. И в молодости у меня не было покоя на душе, а уж в старости тем более! – воскликнула она и, увидев вошедшую соседку, быстро закрыла руками лицо.

Зубайда энергичными шагами направилась к супругам.

– Ради Бога, оставьте свои мелкие передраги, лучше разделите мою радость. Наконец-то я привела в порядок свой дом и изгнала дух непрошенных хозяев.

– Умница. Замечательно, что ты обрела свой дом, – сказал Осман, пытаясь улыбнуться.

– Слава Аллаху, если ты сумела это сделать. Мира и радости тебе, дочь моя, – сказала Дауум, пожимая руку Зубайды.

– Все свои сбережения отдала, лишь бы мой дом освободили, – глаза Зубайды искрились радостью.

– Будь твой отец жив, разве пришлось бы ему выкупать свой дом? – с горечью произнесла Дауум.

– Ладно, ладно, не надо переживать из-за расходов. Дом есть дом. У кого нет дома, у того нет жизни. Порадовала ты меня, ей-богу, Зу-

байда, – сказал Осман и вздрогнул, услышав чьи-то шаги, потянулся к ружью.

– Э, хозяин, зачем ружье хватаешь, что с тобой?

Дауум схватила мужа за руку. Тотчас во двор вбежал Топалай, оседлав прутик и издавая непонятные звуки. Его голова была украшена множеством разноцветных лоскутков, на шее повязана красная косынка. Лошадь из прутика металась во все стороны.

Зубайда с любовью смотрела на брата.

– Откуда ты взялся, мой ягненочек? Откуда?

Топалай оглушительно рассмеялся.

Осман не смог скрыть своего раздражения:

– Тоба-асто ¹, Зубайда, сделай так, чтобы твой ягненок блеял у себя в хлеву, а не здесь. Гляди, сейчас лопнет со смеху. С верблюда ростом, а ума с наперсток.

– Не смейся так сильно, мой ягненочек, мой золотой лоскуточек. Из-за чего ты смеешься? Так и умереть можно, бедняжка. Давай, пойдем домой, – сестра потянула Топалаю за руку.

– Угомони его, ради Бога. У меня сердце не выдерживает, – сказала Дауум и зажала уши руками.

Топалай, вырываясь, быстро заговорил:

– У-у-у, а тогда, а тогда, меня сейчас один человек увидел. А он мне яблоко дал. Увидел, увидел, мама.

Весело подпрыгивая, он тряс ленточками на голове.

– Я сестрой тебе довожусь. А наша мама в раю, оставь ее в покое. Называй меня Зубай. Понял? Просто говори: Зубай.

– Просто, просто, у-у-у, человек, Топалай хотел от него убежать.

Осман, наблюдавший за этой сценой, не выдержал:

– Где ты видел человека?

– Человек тебя увидел или ты человека увидел, мой сиротинушка? А сейчас ты что видишь, мой ягненочек? Ты сюда посмотри. Посмотри мне в глаза, – Зубайда взяла брата за руки и пристально взглянула в его лицо.

– Гляди, гляди, черный-пречерный, я видел человека, человек видел меня. А голова в чугунной шапке. Голова в шапке. Горячо на солнце, как пожар. Уфф, уфф...

– Насколько я поняла, он видел человека. А вот дальше трудно разобрать. О Господи, братец, легче выдавить из осла клятву, чем из тебя истину, – сказала Зубайда.

– Боже мой, хозяин, разрази меня гром, он видел твоего брата?! – вскрикнула вдруг Дауум, и глаза ее заблестели. – Всемогущий Аллах, значит, он жив! Выходит, Даниял говорил правду. Надо встретить его. Это же такое счастье! Меня переполняет радость.

¹ Тоба-асто – возглас удивления или раздражения.

Осман схватил Топалая за плечо и привлек к себе.

– Послушай меня, Топалай, хватит дурачиться. Моему терпению пришел конец. Ну-ка, попробуй сказать, не глотая слова, не сокращая их. Никого не бойся, скажи вразумительно. Что ты видел?

– Тогда, потом опять тогда. Хмм. Поиграли. Он покатился с холма. Я покатился с холма. Холм покатился с меня. Когда я шел домой, холм покатился с холма.

– Тебя просят дальше рассказать, мой ягненок, – вмешалась Зубайда.

– А дальше, конь с разбегу прыгнул на меня... Доп-доп, я упал. А дальше, конь с меня упал на землю. Земля ударилась об мою голову. Растаял снег. Полилась кровь на мою голову. Земля меня обняла, песок сомкнулся у моих глаз...

– Сомкнулся, сомкнулся. Сколько раз тебе говорить: не песок сомкнулся, а глаза сомкнулись от песка. Ты себя извел и меня вконец извел. Скоро превратишь меня в себе подобного. Нет у меня уже никаких сил. Он рассказывает о том, как в Азии упал с коня... – всплакнула Зубайда.

Протяжным «ууу» Топалай дал знать Осману, что его боль в плече нестерпима, и потребовал убраться в сторону.

– Если еще раз увидишь этого «чугунноголового» человека, сразу дай мне знать. Если ты это сделаешь, я вместо прутика посажу тебя на настоящего коня, – сказал Осман, отпуская руку Топалая.

– О-о, коней он любит больше жизни, бедный. Человек – что шкура собаки – все вытерпит. И за какие грехи Бог послал мне это несчастье? Хотя как бы я прожила без своего любимого барашка? Пошли, мой ягненок, домой. Теперь у нас есть свой дом. Отчий дом.

Топалай, до сих пор глядевший в сторону гор, закричал:

– Вот, вот! Человек-шапка машет мне ногой, машет мне рукой. Холм и человек зовут меня. Мама, Зубай, и ты пойдешь. Пошли, пошли! Ради моей души, ради твоей души, ради отцовской души, ради материнской души, ради души человека в шапке, ради души холма, ради души моего коня...

– Хватит перечислять души, моя душа на пределе. Пока я жива, ты никуда не пойдешь. Ладно, завтра пойдем к «человеку-шапке». Уже темно. Тебе надо отдохнуть, да и лошадка твоя устала. Мой ягненок, кто кроме меня скажет тебе – отдыхай? Мой осиротевший ягненок, мой странствующий ягненок, мой золотолоскутный ягненок, пойдем домой.

Сестра потянула Топалая за руку.

– Интересно, где он видит этого человека в шапке? – Осман с тревогой посмотрел вдаль.

– Раз говорит, значит, точно видел, – взволнованно прошептала Дауум и тут же закричала: – Хозяин, вон твой брат!

Осман мгновенно схватил ружье.

– Где, бедене? Где ты видишь моего брата?! – взревел он и тоже увидел на склоне горы фигуру, прицелился и выстрелил.

– Что ты делаешь, хозяин! Побойся Бога! Не делай этого. Угомонись, привяжи терпение к камню. Это же твой брат, понимаешь, брат! – Дауум грудью навалилась на ружье.

– Закрой рот! Исчезни с моих глаз...

Осман, грубо оттолкнув Дауум в сторону, снова зарядил ружье.

– В кого ты стреляешь? Что за войну-перестрелку затеял? – растерялась Зубайда и, не зная, что делать, обняла Дауум.

– Чтоб вы стали пищей волков! Собачья свора... – от гнева, казалось, искрились зубы Османа. Он зло сверкнул глазами и быстрым шагом отправился в сторону гор.

– Пойдем быстро домой. Душа у тебя выскочит от страха, – сказала Зубайда и взяла за руку брата.

Долгим эхом в горах отозвался оглушительный смех Топалая.

Необычный человек

Ранним утром Дауум, набросив на себя телогрейку, подметает двор. У нее на душе тревожно. Ударяя кнутом оземь, поигрывая им в воздухе и наслаждаясь его свистом, Алтын входит во двор Османа. На ней серая шерстяная безрукавка, на ногах кирзовые сапоги, за спиной холщовая сумка с едой. Лицо женщины светится, и от этого она, красивая от природы, кажется еще прекраснее.

– Дауумка, ты что ни свет ни заря впряглась в работу? – говорит гостья.

– Алтын, прекрати ради Аллаха, не бей землю. И без того мне хочется умереть.

– Ты что, как можно умереть в такое чудесное утро.

– Я рассвет встретила на улице, ждала моего хозяина. Он вчера ушел в горы и не вернулся. И Даниял неизвестно где. Душа от страха готова выскочить, как бы с ними беда не приключилась. Не поймешь, где горе тебя поджидает. На всякий случай привожу двор в порядок.

– Да убережет Бог от несчастий. Но, сказать правду, в последнее время Осман сильно переменился.

Алтын увидела Хажи, вышедшего из дому, и подошла поздороваться с ним.

– Милая Алтын, добро пожаловать в дом, почему стоишь во дворе? Рассказала бы старику, что творится в мире. О том, что пришла ты, я узнал по свисту твоего кнута, – сказал Хажи и присел на топчан.

– Да благословит Аллах ваш дом, дедушка. Я тороплюсь к своим коровам.

– Дочь моя, ты же пасешь коров в горной долине. Случайно, не встречала там Таулана?

– Я не знаю, кто это, но какой-то странный человек там ходит.

– Почему он странный?

– Не похож на остальных людей. У него необычный вид. На голове носит грубую кожаную шапку. Думаю, он из тех, кто не переселялся, остался здесь. Сколько легенд ходит о нем в нашем селе... Передвигается прыжками, лесной житель, глаза горят, как у волка, много чего о нем говорят. Одни называют его обезьяной. А мне он что родной отец. Сколько раз бывало – не обращая на меня внимания, подойдет к корове, встанет на корточки, прильнет к вымени, напьется молока и тихо уйдет.

– Прости меня, господи, а я всегда думала, почему у нашей коровы так мало молока. Во всем змею-медянку винила, будто бы она высасывает... – удивленно вскинула брови Дауум.

– А видите мой кнут? Это лесной человек сплел его и подарил мне вчера. Совсем новенький, моя рука еще не привыкла его держать. Обожаю поигрывать кнутом в воздухе. Когда ранним утром свист моего кнута раздастся по всему ущелью, душа моя освобождается от тяжести. Я как будто в знойный день припадаю к роднику и утоляю жажду. И звуки эти многократным эхом возвращаются ко мне, унося мои тревоги. Вот сейчас увидите, я ваши тревоги разгоню, – сказала Алтын и взмахнула кнутом в воздухе.

– Алтын, дорогая, да перейдут все твои боли ко мне, не делай этого. Мне станет еще хуже, – взмолилась Дауум.

– Если хочешь, попробуй сама.

– Алтын, как ты, этим искусством вряд ли кто владеет. Ты настоящий мастер. Мы слышали вчера свист твоего кнута, будто пули разрывались. Наверное, сердца птиц и зверей съежились в округе, – сказал Хажи.

– Еще бы! Мне как раз подарили новый кнут. И тот, кого вы назвали Тауланом, был рядом.

– Вот про него и расскажи нам вместо кнута.

– А что про него рассказывать? Даже в самый жаркий день не снимает свою шапку.

– Все, достаточно, дочь моя. Теперь у меня нет сомнений. Это Таулан, мой бедный сын. Сообщи ему обо мне. Скажи ему: «Отец твой умирает!» Пусть придет, дома его ждут. У меня нет сил прийти к нему. Да и не знаю, куда идти. Хочу перед смертью увидеть сына. Передай мою просьбу, пусть отнесет на место эти надгробные камни. Пусть приведет в порядок дом, двор.

– Обязательно передам. Он, наверное, уже дожидается меня возле стада. Кто у него есть, кроме меня... Пойду я.

Алтын, поигрывая кнутом, двинулась в путь.

Усни, луна... усни, луна

Тихий вечер. Полная луна осветила всю округу. Тяжело опираясь на посох, Хажи вышел из дому и подошел к надгробным камням. Встав на колени, он ищет на поверхности камня истершиеся письма.

«Чью могилу охраняет этот камень? Как жаль, некому отнести его обратно на кладбище», – думает старик.

Перед ним предстает детская фигурка в белом одеянии. Это внук Хажи, сын его дочери.

– Дедушка, дедушка, как долго я тебя ждал! Хорошо, что ты не заблудился, – говорит Илияс.

– Кровиночка моя, ручей моих глаз. Даже если бы я ослеп, ноги сами привели бы меня сюда.

– Дедушка, где ты был столько лет?

– Я попал в сильный буран.

– Когда это было, дедушка?

– Когда кричали камни. Я до сих пор слышу этот крик.

– Ты говорил, что вернешься скоро.

– Да, я говорил.

– Дедушка, а где мой отец?

– На войне.

– А что такое война, дедушка?

– Место, где люди убивают друг друга.

– А почему люди убивают друг друга?

– Почему убивают?! Дитя мое, посмотри, как красив лунный свет. Светло как днем. Как близко опустилась к земле луна. Можно погладить ее лицо.

– Дедушка, а где моя мать?

– В Азии.

– А что такое Азия, дедушка?

– Далекая земля, не похожая на наш мир.

– Дедушка, что есть на той земле?

– Песок. Много песка.

– Зачем моей матери так много песка?

– Зачем?! Нет, душа моя, этими руками нельзя трогать гладкое лицо луны. Светлое ее лицо. Лицо, которое дарит свет.

– Дедушка, зачем ты оставил меня на съедение голодным волкам... Я остался с отарой, а ты ушел.

– О, мой мальчик, который пас овец со своим дедом. О, мой мальчик, которого растерзали волки. Я так верил, что ты выжил. Я так надеялся увидеть тебя взрослым.

Промолвив так, Хажи простер руки:

– О, Всевышний, твоя сила безмерна. Пришел ли конец моим испытаниям на земле? Я жил, веруя в тебя. Теперь забери мою душу, о Аллах! Пусть горы это увидят, пусть дожди омоют мое тело. Прошу об

этом, Создатель. Огради от дальнейших страданий мою душу. О, Аллах! Эти руки... Сколько тел я предал земле этими руками. Сколько раз делал омовение песком. Забери эти руки, эти ноги... Я видел все. Забери мои глаза! О, Всевышний, прошу именем светлого неба и светящихся звезд. Именем полной луны, именем светлого дня и именем ночи прошу Тебя! Услышь меня, обрати взор на меня, исполни мою последнюю мольбу. Избавь отныне мое сердце от боли. Забери меня туда, где обрели покой мои Отец и Мать, мои дети и дети моих детей. О, мой Милосердный Аллах! Как ярко сейчас светит Луна! Как будто открылись врата небесные. Усни, Луна, усни, Луна! При свете Твоем пусть никто не увидит моих слез.

Тень неожиданно появилась во дворе, отвлекла Хажи, и видение мальчика исчезло.

– Ты кто? Почему молчишь? Подойди ближе, я тебя не узнаю... – окликнул Хажи незнакомца.

Таулан выступил из тьмы, обнял отца.

– Сын мой! Таулан! Ты жив... Ты жив, благодаря милости Создателя. Как долго я тебя ждал. Как выжила твоя душа? Эта шапка... голова... Мой сын... Почему ты так долго не давал о себе знать? Пойдем, пойдем домой. Мы вернулись на родину. Мать умерла от разрыва сердца, едва мы прибыли в Азию. Сестра твоя, Сафият, так и не оправилась от ран. В пути ее тело выбросили из вагона. Сейчас перед моими глазами был ее сын Илияс. Чувствую, как он радуется нашему возвращению. А зять твой не вернулся с войны, – говоря это, Хажи держал сына в крепких объятиях, словно боялся вновь его потерять.

Таулан молча достал из переметной сумы и отдал отцу серебряный пояс Илияса, его талисман, альчики и гнутые гвозди. Потом протянул отцу череп четырехрогого козленка. Хажи заплакал, увидев эти до боли знакомые вещи.

– Серебряный пояс моего мальчика, талисман, который я сам изготовил, его любимые альчики, кривые ржавые гвозди... Череп четырехрогого козла. Мой четырехрогий козленок. Все помню, помню. Он всюду следовал за Илиясом. У меня было предчувствие беды, когда родился этот козленок. Нас выселили в тот же год...

Осман с ружьем показался на пороге. Таулан отпрянул от отца и молниеносно скрылся в зарослях облепихи.

– Отец, что ты ночью разговариваешь сам с собой? Холодно, заходи в дом, – произнес Осман.

– Мой сын Таулан только что был здесь!

– Оставь это, оставь, отец! Что-то я его ни разу не видел, – проворчал Осман и выстрелил в воздух.

– Чем таскать берданку вверх и вниз, лучше бы отнес эти камни на кладбище.

Хажи замолчал и устремил погасший взгляд в ту сторону, где исчез Таулан.

Топалай

Зубайда, взяв в руки лопату и ведро, собралась на работу. Оглядываясь по сторонам, она стала звать Топалая:

– Ягненок мой, ты где? Быстрее, мы опаздываем.

Топалай прискакал на своем прутике.

– Ягненок мой с красной косынкой, где ты прыгаешь? Скоро станет совсем жарко. Пойдем на речку, будем делать саманные кирпичи. Еду я взяла с собой. Если мы сами не будем работать, кто нам поможет? Давай, поторапливайся? Ой, а с чего ты так принарядился, мы же на работу идем.

– Нет, я с тобой не иду. Ненавижу саманные кирпичи.

– Не капризничай так, мой золотой лоскуточек. Я на базаре видела такой красивый носовой платочек. Будешь вести себя хорошо, я его тебе куплю.

– Мама-Зубай, очень хочу жениться.

– Ты опять за свое. Даст Бог, конечно женишься. Когда станешь большим. Когда достроим дом. Когда приведем в порядок двор.

– Я уже большой. Посмотри. Я даже больше тебя. Посмотри.

– Смотри, смотри... Что мне смотреть. Я и так знаю. Куда так сильно торопишься? Сама тебе выберу невесту. Девушку невиданной красоты, которая не боится работы. Которая ничего не боится. Прилежная, воспитанная, у которой живы отец, мать. Понимаешь?

– У меня есть девушка. Есть, сесть, поесть, – забормотал Топалай, сияя от радости.

– Ух, какой у меня ягненок шустрый! А родители у нее есть? А что у нее еще есть?

– Есть-не счесть.

– Так порадуй же свою сестру. Я хочу познакомиться с моей невесткой.

– Я женюсь на Лейле, буду носить ее в кармане. Подарю ей своего коня.

– Дочь Османа... Лейла? На Лейле хочешь жениться? Что ты говоришь?

– Да, да, мама-Зубай, да. Теперь знаешь, так знаешь. Видишь, как знаешь?

– Снова тебе голову припекло, мой ягненок. Что делать? Нельзя шутить так. Нельзя. Дочь Османа тебе не игрушка. Знай свое место. Держи язык за зубами. И что ты заладил: «жениться, жениться», когда еще темя твое не окрепло.

– Мама, Зубай, скажи Осману. Расскажи об этом Даум.

– Ты думаешь, я сделаю эту глупость? Видит Бог, я с места не встану. Не упоминай дочь Османа, ягненок волку не ровня. Она тебе не подходит.

– Тогда сам схожу. Женюсь на Лейле. Заберу ее. Посажу на своего коня.

– Попробуй сходи, если ты такой храбрый. Лейлу ты не возьмешь, а вот головы точно лишишься.

– Тяп-ляп, ты тьфушка, глупышка, я Лейлу выбирушка. Личико у Лейлы красивое и платье красивое.

– Что ты так ухватился за нее! В мире полно девушек и без Лейлы. Зачем тебе дочь этого хитреца Османа? Прости меня Господи, про него говорят: «По снегу пройдет, следов не оставит». Хорошо, если иначе нельзя, давай я скажу всем нашим знакомым и родственникам. Пусть срочно подберут тебе невесту. Женись. И мне будет хорошо. От тебя отдохну. А Лейлу выбрось из головы, как клеща. Оглянись, вокруг тебя тысячи девушек.

– Раз так, ты мне не Зубай-мама. Я сюда приведу маму-Лейлу. А ты утони в речке. Уходи далеко в горы.

– Ужас, вдруг кто услышит нас. Ведешь себя как младенец. И этот парень собрался жениться! Прекрати. Покайся! Куда мне идти, кто поможет, кто остановит этого несчастного?

– Иди к Осману, мама. Лейла там.

– Безумец, ты меня с ума сведешь. Живую меня в могилу загонишь. Угомонись.

– Иди к Осману! – заревел Топалай, топая ногами.

– Так и умереть недолго, бедняга. Позоришь меня. Не ори так, подумают, что режут тебя. Что мне остается делать? Схожу. Только что я скажу? Со слезами пойду. Пусть Осман плюнет мне в душу.

– Человек в шапке Османа стук-стук побьет. Таулан! Таулан! – Топалай заплакал пуще прежнего.

В это мгновение вдали показался Таулан.

– Вот он зовет меня: ууу! Машет ногой, – крикнул Топалай и ринулся вперед.

Со словами «Где Таулан?» – Осман неожиданно вошел во двор Зубайды.

– Вон там был, но исчез, как молнией сраженный. На голове шапка, глаза как у шакала. Может, это шайтан?

– А куда делся Топалай?

– Туда, в горы... Осман, ради Аллаха нас не забудь. Мы здесь только на тебя надеемся. Как бы это странное существо не причинило нам зла.

– Не бойся, Зубай. Понадобится помощь, дай знать.

– И еще хотела сказать тебе... Видит Бог, не знаю с чего и начать. Даже сердце заныло. Те, кому приличествовало заняться этим делом, умерли в Азии, да обретут они покой в раю. С братом и со мной нас было девять детей. Все погибли. Старших в роду не осталось, и теперь эта тяжесть выпала на мою долю. Ради Аллаха, не суди меня строго. Несчастные мы с ним, сиротство и смерть преследовали нас по пятам. Черные силы топтали наши сердца и растоптали. Совсем растоптали,

жестоко. Ах, если бы жизнь на этом прекратилась! И там, и здесь мы трудились, как волю, не щадя сил. Некому было нас пожалеть. Село, в котором есть человек подобный тебе, – счастливое село. Рады мы жить по соседству с вами. И завещание матери висит у меня на шее, как талисман.

– Я сильно тороплюсь. Чем я могу тебе помочь, Зубай?

– Это все я рассказала вот к чему. Наши судьбы уже определились, но мы должны помочь юному поколению. Вы хорошо знаете Топалая. Со своими требованиями женитьбы он загнал мою душу в теснину, в пропасть. Ума не приложу, что мне теперь делать.

– Как что делать? Это же прекрасно. Он мужчина!

– Но как бы сказать... Не могу сказать... Заладил: «Я люблю Лейлу!». Душу мою в могилу загнал. Готов умереть, лишь бы на ней жениться. Грозится броситься в реку. Мне страшно, боюсь, а вдруг на самом деле бросится...

– Лейла? Какая Лейла? Чья это дочь? Если это в моих силах, обязательно помогу.

– Да, Лейлочка... Этот нежный цветочек, храни ее Господь от сглаза, эта ясная звездочка. Ваша девочка.

– Наша Лейла? Голова у меня забита совсем другими мыслями... Теперь я понял. Что же Топалай тебя столько мучил. Подошел бы сам ко мне, как настоящий мужчина.

– Ой, Аллах, что я слышу! Разве есть такой обычай?

– Зачем нам обычай-мабычай... Как только твой ягненок вернется домой, пусть сразу идет ко мне. От судьбы не уйдешь, – сказал Осман и пошел своей дорогой.

– Да благословит тебя Аллах! Есть на свете благородные, добрые люди! Бедный мой ягненок, как он будет рад!

Чувство благодарности к Осману переполняло сердце Зубайды.

Плевок верблюда

После того как Зубайда поговорила с Османом, она в мыслях своих уже сыграла свадьбу Топалая и Лейлы. В ее душе появились радостные надежды, заслонившие тревоги прошлых дней и лет. И весь мир ей показался светлым и безоблачным. Глядя с порога поверх полуразрушенных домов и крепостей на снежные вершины гор, она по-новому стала ощущать и воспринимать красоту природы, чистоту воздуха, щедрость родной земли. Она будто заново обрела слух и зрение. Краски и звуки мира впервые за долгие годы предстали перед ее взором в полном перво-зданном виде. Она, как ребенок, радуется распутившимся цветам во дворе, ярким плодам вишневого дерева и звонким песням птиц.

В сердце Зубайды зарождается и начинает звучать доселе неведомая, чарующая мелодия, наполняя ее внутренней силой, пробуждая к жизни. Эта мелодия напоминает колыбельную песню из детства. Как

давно она не слышала ее. И как давно не видела танцев. Вдруг Зубайда вспомнила семейный праздник в этом дворе. Как же красиво танцевали ее родители! Как много было народу! Звуки гармонии, барабанная дробь, хлопки ладоней, смех, шутки, веселье. «Даст Бог, снова в этом дворе сыграем свадьбу, будем петь песню “Орайда”, соберется много гостей, все пожелают семейного счастья Лейле и Топалаю. И в мою честь будут произносить здравицы», – такие мысли овладели сознанием Зубайды.

Дальше она стала прикидывать, как наладит отношения с новыми родственниками. «У них единственная дочь, а у меня единственный брат», – думала она и в мечтах начала объединять состояние двух семейств: дома, дворы, огороды, деньги, дела, планы... Больше всего ей хотелось бы, чтобы двор был полон ребятишек.

«Слава Аллаху, жизнь моего ягненка налаживается. Но и о себе мне не стоит забывать, – сделала она вывод. – Я должна взяться за Данияла, на то у меня есть полное право».

Так решила Зубайда и, приведя себя в порядок, отправилась к Дауум.

– Дауумка, что-то вы про меня не вспоминаете. Вы же знаете, мы с Даниялом были помолвлены в Казахстане. Что-то вы молчите. И я молчу. Как овца. Лишь земля знает тяжесть лошадиных копыт, мало ли тягот выпало на мою долю, – разом выпалила Зубайда то, что накопилось у нее в груди.

И с надеждой посмотрела в глаза соседки, как будто от желания и решения Дауум зависело ее счастье.

– Правильно, Зубай, я все прекрасно помню. Наши матери скоропостижно покинули этот мир. Как говорят в народе, забытое дело снегом покроеся. Потерпи еще немного. Со временем парень одумается, – молвила Дауум и, не зная, что еще добавить, глубоко вздохнула.

Зубайде не по душе пришелся ее ответ.

– Дауумка, разрушительница моего счастья – эта пастушка. Если ты возьмешься за дело, все еще можно исправить. Всю жизнь буду помнить твое добро. Ради Бога, придумай что-нибудь. Поговори с Даниялом, объясни ему. Пусть не избегает меня.

– Зубай, душа моя, Даниял на Алтын¹ женился по большой любви. У нее не только имя золотое, ее десять пальцев как десять слитков золота. Односельчане нарекли ее золотой девушкой. Их называли созданными друг для друга.

– А что, я не создана для Данияла? Я тоже его люблю. Вот видишь, ты опять защищаешь пастушку и разрушаешь счастье Данияла. Ты главное учти: кто подарит ему детей?

– Дети от Бога. Никто не знает, у кого будут дети, а у кого нет. Сколько лет мы с хозяином ждали детей? Уже были на грани отчаяния.

¹ Алтын – золото (кар.-балк.)

Хоть и поздно, но Аллах подарил нам ребенка, – слова комом застряли в горле Дауум, и она отвернулась.

Слова ее показались Зубайде обидными.

– Права была моя мать, когда перед смертью сказала: «Дочь моя, если Бог даст и ты вернешься на родину, не откладывая выходи замуж за Данияла. Мы, старшие, уже договорились. Там за тебя хлопотать будет некому. Сама видишь, твои родные умерли. Отбрось ложную скромность. Если будешь стеснительной и молчаливой, останешься одинокой. Страшнее этого ничего нет». Все больше убеждаюсь, как верны ее слова. На самом деле некому заняться моей судьбой. А сама к кому я, с какими словами подойду? Порой даже не хочется жить в том мире, где простой пастушкой дорожат больше, чем мной.

– Бедные наши матери, с добрыми напутствиями они покидают своих детей, – сказала Дауум.

– Но одно из самых больших несчастий – не стать матерью. Мне как будто верблюд в лицо плюнул. Никому я не нужна. Не знаю, что делать. И обратиться за помощью не к кому

На этих словах Зубайды во дворе вдруг показалась Алтын.

– Дауум, а где Даниял? – спросила она, не обращая внимания на Зубайду.

– Я даже не знаю, да перейдут все твои боли ко мне. А что случилось?

– Да так, ничего... Просто спрашиваю, – сказала Алтын и собралась уйти.

Зубайда, молчавшая до сих пор, набросилась на нее.

– Какое тебе дело до Данияла? Даже имя его не произноси. С тобой развелись, запомни. Пастушка! Или ты специально ходишь по моим следам? Чего ты смотришь своими коровьими глазами, бессовестная? Мы с ним помолвлены. Не становись между нами. Наглая, бесстыжая! – принялась она кричать, вцепившись в платье Алтын.

Алтын сначала растерялась, но затем, опомнившись и словно защищая себя от нечистой силы, наотмашь взмахнула кнутом в воздухе. Раздался оглушительный свист, который так напугал Зубайду, что она схватилась за голову и прислонилась к каменной ограде.

– Не надо этого делать, дорогая Алтын. Не маши кнутом, успокойся. Иди на работу. Не дай Бог, еще пропадут коровы из стада, – Дауум подскочила к обезумевшей от страха Зубайде и взяла ее за руку.

Зубайда, обретая рассудок, произнесла:

– Дауумка, прогони эту вонючую пастушку со двора. Чуть не убила меня. Самое обидное, пришла и избивала меня в моем же доме. Дауумка, чего ты выжидаешь, вышвырни эту паршивую прочь.

Алтын, словно собираясь ответить, замешкалась. Дауум, не зная, как их успокоить, бросалась то к одной, то к другой женщине:

– Иди, Алтын, мое золото, прошу тебя, прошу любя. Потом придешь.

– Тоже мне, нашла золото. Она даже не медь, даже не железо. Она пастушка. Будь проклят твой кнут! Подожди, бессовестная, и у меня в руках когда-нибудь окажется то, от чего тебе будет больно. Еще скорчишься от мучений! – заключила Зубайда, стараясь не выдать слабость и страх.

Алтын посмотрела вдаль.

– Дауум, передай Даниялу, что я приходила. Жизнь... Горы... Мужчины... Коровы... – сказала она, еще раз взмахнула кнутом в воздухе, наслаждаясь его свистом, и вышла со двора.

– О Боже милостивый! Что за напасть на мою голову! – воскликнула Зубайда. – Дауумка, ты тоже хороша, лишь бы не вмешиваться. Бросила меня на растерзание этой пастушке. Или ты на ее стороне? Или, потвоему, я неправа. Почему молчишь? Выходит, я плохая? Скажи свое слово. Клянусь Аллахом, не уйду, пока ты не скажешь.

– Зубай, душа моя, что я могу тебе сказать? Пусть Аллах разберет, кто прав, кто виноват. Зайдем в дом. Увидят, пойдут сплетни...

Дауум завела соседку к себе.

Одинокое дерево, дерево жизни

Хажи присел на камень и принялся за работу. Возле него лежала куча гнутых гвоздей. Он не спеша брал один за другим и старательно выпрямлял их молотком. Лейла некоторое время следила за движениями старика, потом не выдержала:

– Тоба-тоба, дедушка. Похоже, ты собрал ржавые, кривые гвозди всего мира! Если выпрямишь, они, конечно, найдут себе применение. Гвозди сейчас вещь ценная, почти как золото.

– Лейла, эти кривые гвозди достались мне от сыночка моей дочери, моего внучонка, которому не суждено было переселиться, от трагически погасшего света моих очей Илияса. Он просил, чтобы я выпрямил эти гвозди. Просил, чтобы я не оставил на свете кривых гвоздей. Поэтому я тружусь без усталости и всегда буду выпрямлять кривые гвозди.

– Дедушка, а где он, бедненький, погиб?

– Смерть застигла его в загоне для овец. Он погиб вместе с животными.

– А откуда у тебя эти новости? Кто тебе сказал?

– Доченька, все это я узнал от моего сына Таулана. Он же сохранил и принес вещи, которыми владел мой внучонок, боль моего сердца. Жаль, что не нашлось ни одного человека, что отнес бы эти камни на кладбище. Я эту просьбу как молитву повторяю, никто не слышит, а у меня совсем сил не осталось.

– Внучок, боль сердца, животные, мертвые, надгробные камни, кривые гвозди... С ума можно сойти, дедушка! А камни, даст Бог, молодые отнесут.

– Лейла, – сказал Хажи, – если вдруг найдешь кривые гвозди, принеси их мне. Я многим дал такое поручение. Алтын с Топалаем уже принесли, Зубайда тоже обещала.

Лейла замешкалась, не зная, что сказать. Но затем успокоила старика:

– Хорошо, дедушка, как все, так и я. А сейчас я вынесу тебе подушечку, чтобы сидеть было удобнее, а то можно простыть от холодного камня.

Лейла зашла домой. Вдруг во дворе появился Таулан. Он молча встал перед отцом, глядя на его работу. Затем присел рядом, взял у отца молоток и ловкими движениями начал выравнивать гвозди. Хажи нарушил затянувшееся молчание.

– Сын мой, душа моя! Как я рад, что ты вернулся домой. Я сердцем чувствовал. Я так ждал тебя. Эх, сын мой, если бы наши судьбы можно было бы исправить, как эти гвозди.

Таулан ладонью вытер слезы отца и крепко его обнял.

– Слезы сами льются из моих глаз. Плачу я. В сердце Османа поселилась нечистая сила. Я каждый день прошу Аллаха, чтобы он наставил его на путь истины.

Выглянув из дома, Лейла увидела Таулана. От страха ее сердце чуть не выскочило из груди. Она уронила подушку и закричала:

– О-ха-хай, помогите, убивают! Лесной человек! Он душил дедушку, ловите его!

На ее крик выскочили Осман и Дауум. Они увидели убегающего в горы Таулана. Крик Лейлы дополнился громким оружейным выстрелом.

– Осман, прекрати, не делай этого. Ты чуть не убил своего брата. Это же Таулан, Таулан! – изо всех сил закричала Дауум.

– Мама, мамочка... – побледневшая Лейла прижалась к матери. – Ужас какой-то, я чуть со страху не умерла. У него такой дикий взгляд, а вид – как у лесного человека. Из меня чуть душа не выскочила. Мне показалось, сама смерть в облике этого чудовища забирает душу дедушки. Лучше бы я навсегда в Казахстане осталась, чем видеть эти кошмары...

– Как он, бедняга, переменялся! Ничего не осталось от прежнего облика, – глубоко вздохнула Дауум.

– Он не собирался ничего плохого сделать со мной, не собирался. Это мой сын! – воскликнул Хажи.

– Мама, – сказала Лейла, – давайте вернемся в Азию. До каких пор я буду жить здесь взаперти? Нам так хорошо там жилось, мы ничего не боялись, не видели лесных чудовищ. Я выросла там и хочу там жить. А если вы не хотите, я все равно сама уеду туда.

– О Всевышний, простишь ли ты когда-нибудь грех человека, поднявшего руку на Священное дерево в Большом Карачае. Не за этот ли грех ты предназначал нам бесконечное хождение по мукам?

Хажи воздел руки к небу.

– Дедушка, что это за Священное дерево? – спросила Лейла.

– О, это Единственное Дерево, Дерево жизни. Доченька, в давние времена это дерево объединяло мир. Оно преграждало путь злу. Оно преумножало добро. Его верхушка достигала неба. А густые ветви укрывали землю от несчастий. В народе его называют Дерево Тейри¹.

Лейла тут же воодушевилась и обратилась с мольбой к неведомому божееству:

– Деревце мое Тейри, дерево жизни, верни меня в Казахстан. Я здесь не могу жить. На Кавказе все по-другому. Мне здесь тяжело. Ты свидетель, я не могу здесь даже выйти на улицу. От этих ружейных выстрелов у меня голова кругом идет.

Обессилевшая Дауум обратилась за помощью:

– Люди добрые, помогите дойти до кровати. Ноги совсем не держат. Лейла, дай руку.

Продолжая плакать, Лейла подошла к матери.

Хажи заметил Османа, вошедшего во двор и спросил:

– Сын мой, где Таулан? Именем Аллаха тебя прошу, не трогай его. Пока он не вернется в наш дом, нам не видать покоя и мира. Почему ты забываешь последнюю предсмертную просьбу твоей бедной матери в Азии? Она же так просила найти его и оказать ему помощь. Что про нас говорят в народе? Я в глаза не могу смотреть людям. Даже на утренний намаз перестал ходить.

Осман устало посмотрел на отца:

– Отец, это не Таулан, это элбуздук – разрушитель спокойствия. Если он придет в этот двор, наш дом будет уничтожен. Огонь пожара спалит нашу жизнь, как это было однажды. Сущность его такова. Та-ким его создал Бог, он не признает законов, по которым живут все. Для нас всех будет лучше, если он умрет. Кто только ни умирает, а таких подлецов смерть не берет! Пока я жив, его нога не ступит в этот дом. Сколько несчастий он ниспослал на наши головы, он, не признающий власти и дисциплины. С этого дня чтобы мое имя не упоминали рядом с его именем! Я врагов народа не прощаю, даже если это мои родные отец и мать. Для меня интересы государства превыше всего. Моя страна покоряет космос. Моя страна дает пенсии старикам. Моя страна дарит детям знания. Моя страна строит дороги и школы. Моя страна – пример для других стран. Тот, кто это не ценит и не понимает, не имеет права на жизнь!

Произнеся все это с нескрываемым самолюбованием, Осман повернулся, чтобы уйти.

¹ Тейри – верховное языческое божество карачаевцев и балкарцев.

– Погоди, погоди, я так тебя не отпущу. Он разве поднимал руку на государство? Он сам как отдельное государство. Его отвaga не знала границ, он мог с летящего орла сорвать перо, мой бедный сын. Ты что, греха не боишься? – сказал Хажи, преграждая дорогу Осману.

– Отец, сколько себя помню, ваше поколение само живет в страхе и других пугает. Опять ты меня пугаешь. Ты судишь поверхностно. Для меня главное – чтобы в моем селе, в моей стране был порядок. Все его черные дела на учете. Они обязательно коснутся и наших детей. Повторяю тебе: Осман – это Осман, а элбуздук – элбуздук. Из-за таких отщепенцев, как он, приходит конец народным традициям и самому народу. Чем он отличается от бешеной собаки? Не становись на моем пути, освободи дорогу.

– Помолись Богу, покайся. Попроси прощения у Всевышнего, у народа. Не нарушай миропорядок... – начал просить Хажи, но Осман его резко оборвал:

– Как я его нарушу, если он сотворен изначально нарушенным? Хватит меня учить жить. Я всегда был в ладах с реальным миром. Я разве когда-нибудь ошибался в этой жизни?

– Если бы не воля Всевышнего, то сильный уничтожил бы, проглотил слабого. Ты же сам видишь, что дело твое неправое.

– Отец, припомни-ка свои неправые дела!

– О чем ты говоришь?

– Не ты ли в свое время ходил и призывал всех переселиться в Аравию, в Турцию? Я как сейчас помню твои слова: «Райскую воду нальем в кумган¹, верблюда зарежем на курман²». Скольких людей ты отправил в святые места, а сам почему-то вернулся домой.

– Лучше бы я там умер, чем увидеть тебя таким.

– А что касается Таулана, моя душа свободна от грехов. Все грехи на нем. Сколько мне пришлось выстрадать из-за его бунтарства! Разве не помнишь, как власть угрожала уничтожить весь наш род, если я не угомоню своего брата-абрека? И что же? Ни один из наших не пострадал, потому что власть убедилась, насколько я ей предан. И я это не раз доказывал своими поступками.

– В этом ты прав. Ты всегда умел спасать себя.

– Не забывай – и тебя спас. С властью шутки плохи. Не власть ли тебя кормит? Кому нужен элбуздук, который живет вне закона и вне общества?

– Всевышний видит все происходящее на Земле.

– И народ видит все, что творится. И кто есть кто. Только почему-то молчит.

¹ Кумган – металлический кувшин.

² Курман – мусульманский праздник жертвоприношения.

– Оставь народ в покое. Отвечай за себя. И хватит жить прошлым. Сейчас совсем другая жизнь.

– Жизнь другая, а человек тот же. Это мое последнее слово. Я должен идти, – сказал Осман.

– Иди, выбравший неверную дорогу, иди. Мне тоже пора молиться. Куда подевались мои четки? Надо помолиться. Буду молиться за весь мир.

– Было время, когда ты молился втайне от власти... – усмехнулся Осман и тяжелыми шагами двинулся к калитке.

– Настало время, когда младшие перестали слушать старших. Может, это и называют адом?

Хажи собрал с камня гвозди, посмотрел вдаль и увидел багрово-красный закат над вершинами.

У бедняка нет родственников

Забыв о своей неустроенности, Зубайда была переполнена огромной радостью за судьбу брата. Не в силах в одиночку пережить это чувство, она обернулась в сторону гор и изо всех сил закричала:

– Ягненочек, ягненочек, ты слышишь меня? Беги скорее! Скорее беги домой. Радостная весть. Быстрее, мой мальчик. Я жду тебя!

Топалай прискакал на прутике и схватил сестру за рукав:

– Мама-Зубай, где радость? Где Лейла?

– Потихе, пожалуйста. Еще услышат. Может, и выдаст сосед за тебя свою дочь. Бог всемогущ. Все зависит от Османа. Он ждет тебя. Самое главное – постарайся ему понравиться. Сильно постарайся.

– Осман же меня знает? Знает.

– Уважай мать. Не забывай говорить ей: «Добрый день».

– Сколько раз в день?

– Достаточно одного раза.

– Если нужно, я могу много раз говорить: «Добрый день! Добрый день! Добрый день!».

– Хорошо, остановись. Последи, чтобы твоя неработающая голова хорошо работала. Надо постараться, чтобы девушка тебя полюбила. Слава Богу, лицом и телом ты красив, подумаешь, когда-то с коня упал! Запомни, мой мальчик: отправляясь за невестой, жених должен оба кармана набить враньем. Говори, что ты хороший парень. Говори, что любишь работать. Скажи, что в этом месяце достроишь дом. Скажи, что скоро заселишься. Не жалея красивых слов. Совсем не жалея. За красивым словом и лягушка прыгает. Не молчи, как пень. Я с тобой разговариваю, что ты молчишь, как нашкодивший котенок? Даст Бог, ты поймашь птицу счастья за хвост.

– Осман меня увидит, он мне голову шмяк-шмяк сделает. Я потому молчу. Голова моя будет катиться, катиться и к тебе прибежит. Осману что сказать, я не знаю. Боюсь его.

Зубайда прижала Топалая к себе:

– Не бойся, не бойся, мой ягненок. Осман же тебя не убьет. Если не отдаст свою дочь, пусть подавится ею. Ты без жены не останешься. Трудный ребенок, я и оглянуться не успела, как ты стал настоящим женихом. Захотел жениться и... почти женился. Если бы сейчас тебя увидели мать с отцом, как бы они были счастливы!

– Не плачь, мама-Зубай, я тоже с тобой вместе поплачу...

Топалай, прижавшись головой к щеке сестры, крепко ее обнял. Зубайда вытерла ладонью слезы брата.

– Я боюсь расстаться с тобой. Ты женишься и забудешь меня. Останусь я одна, как заброшенный в углу старый сундук, – сказала она и еще сильнее заплакала.

– Мама-Зубай, мама-Зубай, не плачь! – потребовал Топалай.

– Хорошо, хорошо, мой ягненок. Ты опаздываешь. Надеюсь, Бог сжалится над тобой и ты будешь счастлив, – краем платя Зубайда стала вытирать слезы.

– А вдруг Осман скажет, что я брат Лейле?

– За это не переживай. Осман не считает тебя братом своей дочери. А меня – сестрой. Ну что, беги, мой ягненок, моя сиротинушка. Старайся не терять разум. Следи, чтобы твоя неработающая голова работала, мой ягненок.

– Хорошо, да, да, мама-Зубай.

Топалай оседлал свою «деревянную лошадку» и поскакал во двор Османа.

Зубайда долго глядела отрешенным взором вслед Топалаю и думала: «Порадует ли чем-то Осман моего Топалая? Хоть бы он ничем не обидел незащитного сироту. Да, верно говорят, у курицы нет мочевого пузыря, а у бедняка – родственников».

Олень с коровьими глазами

Свой поход за невестой Топалай начал с резвых скачков, но чем ближе он подходил к дому Османа, тем неувереннее становились его шаги. А при виде Османа он застыл на месте как истукан, не в силах двинуться дальше. Осман окликнул его:

– Эй, жигит, что остановился? Шагай смелее. Иди сюда.

Топалай с виноватым видом, медленно и робко перебирая ногами, вошел во двор и предстал перед Османом.

– Молодец, я ждал тебя. Держи голову выше! Будь из тех, кто разговаривает, глядя в глаза. Я в тебе вижу своего сына, – сказал Осман, похлопывая Топалая по плечу.

– Я тоже вас вижу, очень хорошо вижу...

Топалай не осмеливался взглянуть в лицо Османа.

– А если видел, то почему остановился и не подходил?

– Мой конь не хотел идти, – сказал Топалай, указывая на прутик, который он крепко сжимал ногами.

– Ты мне ответь, правду мне сказала твоя сестра? На самом ли деле ты любишь мою дочь, как говорит Зубай? Скажи, насколько ты ее сильно любишь? Скажи. Ну, скажи, я жду. Не стесняйся, говори. Тебе здесь некого стесняться.

– Вот как я ее люблю, – сказал Топалай и широко раскинул руки по сторонам.

– Хорошо. А теперь внимательно меня послушай, Топалай. Я же тебе вместо отца...

– Слушаю, отец. Много говорите. Говорите много, я пойму.

– Вот что я тебе скажу. Настоящему мужчине, кроме любви, нужен еще и героический поступок...

Осман взял в руки «деревянную лошадку» Топалай.

– Да, мужчине нужен поступок...

– Я вот как раз хочу проверить, какой ты мужчина, и дать тебе одно поручение.

– Дашь, я возьму... Возьму.

– Ружье, которое я тебе подарил, ты спрятал в условленном месте?

– Да.

– Ты же настоящий охотник. Ходил в горы, но даже не пострелял из ружья. Эх, ты! Настоящий охотник должен использовать любую возможность, чтобы пострелять. Стреляй в небо, стреляй в землю, стреляй в птиц, в зверей, много стреляй. Тренируйся. Понял. А то какой из тебя жених...

– Слушай, папа. Я в горах видел большого оленя. Он тоже меня видел. Не убежал. Снова не убежал. Из оттуда, из отсюда он смотрел на меня. Глаза большие, как у коровы. Ноги, как у коровы. А потом, а затем я сказал: «Убегай». Он не убежал...

Топалай с волнением говорил, но вдруг что-то вспомнил и замолк.

– Ну, ну, что было потом? – резкий голос Османа вывел юношу из оцепенения.

– А потом я погладил его. Голову приставил к стволу. Нажал на курок, как ты научил. Выстрелил. Шум большой был. Олень упал. На землю упал. Опять не убежал. Спит. А глаза на меня смотрят. Как у коровы. На выступе белой скалы.

– Молодец, молодец, Топалай. Оказывается, ты настоящий охотник. Оленя заберем домой, не то волки утащат. А обезьяну видел? Лесного человека?

– Видел, папа, видел. Играли. Кувыркались. К коровам ходили. Потом снова кувыркались.

– Что за игра-кувырка-кувырка-кувырка? Держись от него подальше. Не подходи к нему. Он может покалечить тебя.

– Совсем не калечил. Яблоки дал мне, моему коню. И никого не обижал.

– А вдруг он Лейлу обидит? Или меня? А говоришь, что любишь Лейлу...

– Люблю Лейлу, люблю.

– А почему тогда не хочешь защитить Лейлу от этой обезьяны? Хорошенько возьми в голову мои слова.

– У меня нет головы.

– Из-за этой обезьяны у людей по ночам нет покоя. Нет сна. Вот всю прошлую ночь Лейла плакала до утра, боялась его. Ты должен из ружья стрельнуть в него, как в оленя.

– Нет, я не охотник на обезьян. Ему будет больно. Он упадет. Глаза как у оленя. Нет, нет, нет... – Топалай отчаянно затопал ногами и выразил желание уйти прочь.

– Подожди, Топалай. Я хочу испытать твоё мужество... – Осман схватил его за руку и сильно встряхнул.

– Папа, отпусти! Если обезьяна придет домой, стрельну. Не трогай моего коня! – воскликнул Топалай и отобрал свой пруттик.

– Тогда будет слишком поздно!

– Найди другую обезьяну, папа.

– Другие все умерли. Ты знаешь, скольких я убил на войне? Вот – эти руки – свидетели. Ты столько даже во сне не видел. А что такое одна единственная обезьяна для такого жигита, как ты? Я их косил до самого Берлина. Как косой косят траву. Не тяни время. Я готовлюсь к свадьбе. Дочь моя, пойдись сюда... – Осман позвал Лейлу.

– Что-нибудь нужно, папа? – Лейла выскочила из-за дверей.

– Доченька, вынеси Топалаю большую чашу с айраном, – распорядился Осман.

– Сейчас, отец, – сказала Лейла и побежала.

– Видишь, Топалай? Я тебя не обманываю. Я дал тебе слово мужчины и я его сдержу.

– Я тоже такой, папа, такой, – сказал Топалай, не отрывая взгляда от дверей, из-за которых вот-вот должна была показаться Лейла.

Девушка вынесла чашу, полную айрана, и протянула отцу.

– Дочь, пусть Топалай первым выпьет. Я до сегодняшнего дня не встречал такого жигита, – сказал Осман, протягивая чашу Топалаю. – Пей, не стесняйся. Лейла сама заквасила... Я очень доволен тобой! Ты замечательный парень, не такой бездельник, как другие.

Топалай выпил айран и вернул чашу Лейле, стоявшей рядом.

– Теперь, доченька, иди домой. Старайся не выходить на улицу. Этот лесной человек может похитить тебя. А ты, сын мой, поторопись. Будь смелым! Будь мужчиной! Пока обезьяна не напала на наше село,

постарайся обезвредить его. Защити Лейлу от него. Мы все надеемся на тебя, будем ждать тебя с победой, – торжественно сказал Осман.

Топалай, окрыленный словами Османа, бросил нежный взгляд на Лейлу, вскочил на свою «лошадку» и устремился в сторону гор.

– Папа, куда ты так срочно отправил Топалай? Что случилось? Ты говорил, никого не надо впускать в дом, а Топалаю почему-то разрешил войти. Что, этой обезьяне делать нечего, кроме как за мной охотиться? Что я ей плохого сделала?

– Тебя все это не касается. Не суй свой нос, куда не следует. Слушайся меня и веди себя, как полагается. Придет время, узнаешь, в чем дело, – сказал Осман и отправил дочь домой.

Путь к счастью

Зубайда достала из сундука свои лучшие наряды, надела их и решила про себя: «Что толку сидеть дома и ждать? Если я сама не найду дорогу к счастью, похоже, никто мне не поможет. Прежде всего, мне надо встретиться с Даниялом. В детстве мы запросто ходили друг к другу. Почему я сейчас должна стесняться? Конечно, если бы у меня были живы родители, односельчане относились бы ко мне с большим вниманием, почтением, уважением, любовью. Но я сирота. Кому я нужна? Хоть бы одна сестра осталась живой, чтобы пойти поплакаться ей в подол. А то все сгнули разом. Пойду поговорю с Даниялом, будь что будет».

Смело и уверенно Зубайда шла к Даниялу с уже выстроенной речью в мыслях. Но едва она увидела Данияла во дворе, слова выпорхнули из ее головы, как вспугнутые воробьи. Зубайда остолбенела и задала нелепый вопрос:

– Даниял, это ты?

– Я это, я, Зубайда. Добро пожаловать. Заходи.

– Похоже, ты куда-то торопишься?

– Да. В горы я собрался.

– Даниял, тебе нравится мое новое платье?

– Нравится.

– А мой платок?

– И платок тебе очень идет, сестра.

– Не называй меня сестрой. Не убивай меня этим словом. Не забывай, что мы помолвлены в Азии. Аллах тому свидетель. Я не могу больше жить в одиночестве, без своего спутника жизни. Может, ты осуждаешь меня, но это так. Пойми меня правильно. Только пусть этот разговор останется между нами.

– Но чем я могу тебе помочь?

– Ты знаешь, это платье и этот платок подарила мне твоя мудрая мать, да дарует ей Бог место в раю! Почему ты предаешь забвению эти вещи? Эти клятвы?

– Моя бедная мать предчувствовала, что эти наряды будут очень к лицу тебе.

– Если это так, исполни желание своей матери. Не оскверни дух этой одежды. Пусть душа твоей матери обретет покой на том свете.

– Прошли те далекие времена, сестра.

– Не называй меня сестрой. Говори правду, а правда на стороне твоей матери. Будь верен правде, и жизнь у тебя наладится, даст Бог. И счастье пребудет.

– Сказать правду, Зубай, это сватовство было затеяно только нашими матерями. Мне до этого не было дела. Ну, ладно, я пошел. Я опаздываю, – сказал Даниял, направляясь к выходу.

– Подожди, Даниял, но на нашу свадьбу, надеюсь, ты не опоздаешь? Пожалуйста, не сделай так, чтобы я завидовала умершим в Азии. Ведь у меня, кроме тебя, никого нет.

– Прости меня, Зубайда, но, как тебе известно, у меня есть жена.

– И тебе не стыдно называть своей женой эту бесстыжую скотницу? На что тебе сдалась эта мужеподобная неотесанная баба?

– Она моя законная жена. Хотя мы и расстались, кстати, против моего желания, я намереваюсь снова с ней жить.

– Собираетесь жить вместе? Одна гуляет по горам, а другой гуляет по степи, да? Как мне все это надоело! Как я ненавижу эту дурацкую привычку мужчин – посвататься, договориться, а потом спрятаться и сделать вид, что ничего не было. Испаряетесь – и с глаз долой! Бог свидетель, Даниял, я очень хотела создать с тобой семью.

– Зубайда, прости, я очень тороплюсь. Я должен бежать. Ищу отца в горах.

– И мой ягненок куда-то запропастился. Как ушел вчера к Осману, так и не вернулся домой. Еле рассвета дождалась, чуть сердце не разорвалось от страха. Шутка ли, одна в темном доме, – сказала Зубайда и, надеясь услышать утешительное слово, грустно посмотрела в глаза Данияла.

– Если вдруг встречу Топалая, скажу, чтобы шел домой. Не переживай, Зубай, все с ним будет хорошо.

Даниял покинул двор.

После этой встречи все радужные мечты Зубайды, связанные с Даниялом, погасли. Она осознавала свое полное одиночество в этом мире, но что-то внутри у нее восставало против окончательного смирения.

Райская птичка

«В солнечный день и душа человека светла...» – поет Алтын, усевшись под деревом на холме и приглядывая за коровами. Руки ее проворно вяжут новый кнут. Увидев поднимающегося по склону Данияла, она немного приглушает свое пение. Даниял останавливается около нее.

– Да приумножится твой скот, Алтын.

– Спасибо, молодой человек. Добро пожаловать. Может, напомним, чей ты сын будешь? И как тебя зовут? А по отчеству как? Подожди, подожди, по-моему я тебя где-то видела. То ли на фотографии, то ли во сне, то ли наяву? А может, я путаю тебя с кем-то? Бывает же такое совпадение! И нос, и брови, и глаза, и улыбка, и даже манера хмурить брови. Вот, правда, волосы твои пореже будут.

Даниял проигнорировал шутливый тон Алтын и серьезно сказал:

– Алтын, меня зовут Даниял. Моего отца зовут Таулан. До каких пор мы будем делать вид, что не знаем друг друга? Я думаю, тебе надо вернуться домой. Это же твой дом, твой двор.

– Я смотрю, тебе шутить охота. Не забывай, что ты помолвлен с Зубайдой. Или ты намереваешься нас обоих поселить в одной брачной комнате.

– Алтынай, пойми меня правильно. Очень тебя прошу.

– О господи, это же надо, ты не забыл мое второе имя! Меня в Азии так называли казахи.

– Я ничего не забыл, что имеет отношение к тебе.

– Не надо, прошу тебя, хватит. По-моему, ты получаешь удовольствие от того, что морочишь мне голову и обманываешь меня. А с другой стороны, говорят, дом, где нет детей, не посещают ангелы. Так какую жизнь мы с тобой сможем построить?

Алтын выдавила из себя тот главный вопрос, который давно терзал ее сердце.

– На все воля Аллаха. Все у нас получится, вот увидишь. Посмотри на Дауум и Османа – когда Бог дал им ребенка?

– В этом, конечно, ты прав. Лейла у них очень поздний ребенок. Я помню, как над Дауумкой все смеялись в селе. Говорили, она до того помешалась на ребенке, что подкладывает подушку на живот.

– Алтынай, я же не выгонял тебя из дому. Ты сама ушла. Решила, что моя мать будет довольна...

– Кто захочет держать в доме бездетную сноху? Твоя бедная мать день и ночь молилась, чтобы увидеть внука. И будто знала, что умрет, поспешила засватать за тебя Зубайду. Так и умерла, не дождавшись наследника. Раз при жизни ей не довелось увидеть внука, хотя бы теперь выполни ее просьбу. Она столько горя видела в этой жизни, грешно не выполнить ее завещания. Даниял, оглянись вокруг: в селе так много незамужних девушек, красивых и стройных, как Белая Скала.

– Вот ты посмотришь, все прошения матери, все ее молитвы отзовутся счастьем именно на нашей с тобой общей судьбе. Меня не интересуют другие девушки. Взгляни в мои глаза. Разве они обманывают? Давай снова сыграем свадьбу, пригласим родственников, друзей, отметим радость возрождения нашей семьи. Прошу тебя, возвращайся домой.

– На старости лет новая свадьба, разве есть такой обычай? Что подумают люди? – сказала Алтын, улыбаясь.

– Пусть это будет новый обычай, придуманный нами. Пойдем. Ты даешь добро?

Алтын заметно оживилась. И это очень обрадовало Данияла.

– Пусть Аллах даст добро... – сказала она и ласково посмотрела на него.

Даниял пересел ближе к Алтын и взял ее за руку.

– Зачем ты так крепко привязала кнут к своей руке? – спросил он.

– Чтобы не забыть его где-нибудь на месте отдыха.

– Алтынай, может, ты оставишь эту трудную мужскую работу – пасти коров? И твои руки станут мягкие, красивые, как прежде.

– Бог свидетель, коров я не смогу оставить. Об этом меня, пожалуйста, не проси.

Даниял аккуратно снял кнут с ее запястья и нежно прижал ее руки к своему лицу.

– Подари мне свой кнут навсегда, очень тебя прошу.

– А кто тогда будет пасти коров? В Азии от голода я спаслась тем, что пасла коров. Как я без них?

– Не бойся, Алтынай, голода больше не будет.

– Хоть бы не было. Интересно устроен человек: он обязательно кому-то должен высказывать свои мысли. Кто-то доверяется камню, кто-то деревьям, кто-то горе, а я всегда разговариваю с коровами. Они всегда меня слушают, понимают то, что я говорю. Я всегда радуюсь, когда они сыты, и переживаю, когда они голодны. Много лет я пасу коров. С радостью пасла бы их в родном селе, но власть запретила людям возвращаться туда. Только в ясные дни я взбираюсь на Белую Скалу и оттуда люблюсь древним, знаковым камнем моего села. Любуюсь и скорблю. Обезлюдившее село. Умирающее село. Твое село – счастливое, Даниял. В нем затеплилась жизнь, оно возрождается. А я всегда пасла коров. Я в таких местах жила, где вода ценилась больше, чем молоко. А теперь я каждый день смотрю и не могу насмотреться на обилие родников и водопадов. Хочется все время находиться в воде. А один раз у меня было удивительное видение. Вечером я смотрела на водопад, он вдруг побагровел и стал литься на меня. И озеро в ущелье окрасилось в красный цвет, точно как сердцевина арбуза. Затем вдруг из этого озера выпорхнула птичка и, запев песню, взвилась в небо, помахивая красными крылышками. Она все пела, пела, удалялась от меня все выше, выше, дальше, дальше, и наконец, превратившись в маленькую точку, пропала в куполе неба. Вселенная проглотила ее. У меня так защемило сердце от этого, мне стало так больно. А через некоторое время я начала сильно завидовать этой птице, очень сильно. Что это все означает, я не знаю. Но с той поры мое сердце в тревоге. Хоть бы все в мире было спокойно.

Говоря это, Алтын посмотрела в небо, как будто в это мгновение могла увидеть исчезнувшую птицу.

– Да, у птиц, наверное, тоже бывают моменты радости и моменты печали. Алтынай, я ищу отца. Ты случайно здесь кого-нибудь не замечала?

– Ты знаешь, иногда встречала одного мужчину в кожаной шапке. И тесемки так крепко завязаны, как будто он боится, что я сдерну его шапку и убегу.

– Это мой отец!

– С чего ты взял, что это твой отец? Если б я знала, что он твой отец, я бы ухватилась за его подол. Я сейчас устраю вам встречу, если получится. Я тоже его называю своим отцом. С тех пор, как мы вернулись из Азии, я постоянно вижу его.

Алтын встала и несколько раз взмахнула кнудом в воздухе, наполнив округу звонким свистом.

– Он скоро должен подойти сюда. Он каждый раз приносит с собой необыкновенные яблоки с удивительным вкусом. Я в жизни не ела таких яблок.

– Выходит, у отца есть свой сад?

– Наверное, есть.

Вскоре Даниял увидел внизу отца. Таулан поднимался по склону горы, сжимая в руках ярко-красные яблоки. Даниял, не помня себя от радости, побежал навстречу и крепко обнял его.

– Отец, я твой сын Даниял! Отец, отец... Не уходи, я тебя очень прошу. И эта шапка на голове... Я помню рассказ про того орла. Отец – почему ты меня избегаешь? Ты оберегаешь меня? Не хочешь навлечь на меня беду? Думаешь, меня накажут, если узнают, что ты со мной встречаешься? Но, знаешь, сейчас хорошие времена. Прошли те черные времена, когда люди друг друга боялись. Отец, завтра мы будем праздновать День возвращения на родину. Соберется много народу. Ты тоже обязательно приходи. В дом твоего отца, в дом твоей матери...

Таулан слушал сына, не сводя с него глаз, ловя каждое его слово, каждый вздох, каждое движение, восстанавливая в памяти стертые временем и расстоянием черты своего мальчика. Он пытается сдержать в себе радость, смешанную с тревогой, но слезы из глаз льются, как горные ручьи.

Алтын было тяжело наблюдать встречу отца с сыном. Чтобы не дать воли слезам, она взяла одно из яблок.

– Я же говорила, отец принесет яблоки. Посмотри, какие они, – сказала она и принялась есть.

– Отец, где ты взял такие восхитительные яблоки? Я тоже бываю в горах, но таких не видел. Давай же, пойдем домой, – говорил Даниял.

Едва он это произнес, как увидел Османа и Топалая с ружьем наперевес, стоявших поодаль.

Таулан бросил на них быстрый взгляд, со скоростью вспугнутого тура прыгнул в скальную расщелину и мгновенно исчез.

– Кажется, эти двое сильно напугали твоего отца. Бедный, как сквозь землю провалился... – заметила Алтын.

– Пусть Аллах хранит нас от бед, Алтынай. Приходите завтра с отцом домой, – попросил Даниял и поспешил в село, чтобы сообщить радостную весть о встрече с отцом.

В это время из-за деревьев показалась Лейла. Она будто ждала, когда уйдут мужчины. Как только Алтын осталась одна, она подскочила к ней. Алтын удивленно воскликнула:

– О, красавица, ты откуда взялась? Заблудилась, что ли, в этих краях? Я смотрю, ты очень взволнована.

Лейла все еще тяжело дышала.

– Ты заметила за серым камнем моего отца и Топалаю? – спросила она.

– Да, увидела. На миг показались из-за скалы и куда-то ушли.

– Я тоже видела. Отец мне строго-настрого приказал сидеть дома и не высовываться. Но я не могу оставаться дома. Как только он уходит, я отправляюсь за ним. А возвращаюсь чуть раньше него.

– А зачем ты так делаешь?

– А почему отец так поступает со мной? Почему не говорит правду? Он что-то от меня скрывает. Сказал бы, в чем дело. Я же не ребенок. Ни с того, ни с сего подружился с Топалаем и теперь ходит с ним. Прямо ни на шаг его от себя не отпускает. И мне велит айран ему подавать. И я подаю, выполняя его веление. Я даже удивилась, что отец так ласково может с кем-то разговаривать. Ты бы видела, он даже с дочерью так не разговаривает. Я не понимаю, что за этим стоит. Как, оказывается, трудно привыкнуть к новой земле, к другой воде. Сколько раз я слышала: Кавказ – рай, будем пить воду и молиться камням. А приехали, я даже голову не могу высунуть на улицу. Мне здесь не нравится. Ты вот ходишь, где хочешь, свободно дышишь, занимаешься любимым делом. А я? Чем я отличаюсь от крота? Ты вообще понимаешь, что вокруг происходит?

– Ты что, Лейла? Живи, радуйся жизни, твои родители живы. А мои остались на чужбине. Если бы их могилы были здесь, моему сердцу было бы легче. По утрам и вечерам я бы навещала их, советовалась бы с ними...

– Да, мои родители живы, но ни дома, ни в моем сердце нет покоя. Я не знаю, что делать. У меня в Казахстане остались друзья. Интересно, чем занимаются Нурсултан, Алия? А бабушка Лайла? Никогда не забуду, как она меня кормила, поила, брала под свое крыло. Я всегда в ее доме находила хлеб, соль и место для ночлега. Своими волшебными сказками, светлыми песнями она в мою бедную душу вселяла веру в жизнь. При возвращении на Кавказ она благословила нас, сказала много добрых напутственных слов. Теперь они все остались на другом краю земли и мне

их не достать взглядом. Если бы ты видела, сколько слез пролила бабушка Лайла, когда узнала, что мы покидаем их и уезжаем на родину. Сказать правду, мой отец в Азии был совсем другим. Привычки, которых у него там не было, почему-то стали здесь проявляться. А моя мать? Там все время до утра сидела и плакала, вспоминая Кавказ. И здесь ее не вижу с радостным лицом. В пути так не мучилась, как здесь. Не улыбается, не смеется. И тоже молчит, ничего не говорит!

– Всем нет покоя: и старым, и молодым. Но даст Бог, все наладится. Ты еще совсем девочка. Все у тебя впереди. Будь сильной. Насколько я понимаю, на днях все тайное станет явным. Ожидается большой праздник. И ты без страха сможешь выходить на улицу. Узнаешь названия этих вершин, рек. По-настоящему, всем сердцем полюбишь свою родину. Я в это верю. Я была ребенком, когда потеряла свои горы. Мне тогда казалось, что лучше умереть. А теперь не дай Бог умереть, я хочу жить, жить! — сказала Алтын, стараясь добрым словом утешить встревоженное сердце девушки.

– Пожалуйста, Алтын, не осуждай меня. Никому не говори, что я сюда приходила. Сама знаешь, если донесут отцу, мне житья не будет. Так что я побежала, мне надо добраться до дому раньше него.

– Правильно, так будет лучше. Постарайся быть дома, когда Осман придет. Лишний раз не сердись на него. Ты же видишь, он и так ходит злой и сердитый.

Лейла быстро встала, схватила цветной камешек, который заприметила, и легкими шагами начала сбегать по тропинке вниз. Под палящими лучами солнца ее тень то удлинялась, то укорачивалась, прыгала с одной горки на другую и ни разу от нее не отстала.

По движениям Лейлы можно было понять, что она не жила в горах. Но Алтын застыла в изумлении, когда увидела ее уверенные шаги. Лейла ступала ловко и широко, виртуозно огибая скальные выступы, перепрыгивая через трещины, овраги и горные водовороты, сбегая вниз, карабкаясь вверх, не пугаясь шума водопадов и лесных чащ. Препяды, перед которыми всадник или пеший останавливается и приноравливается, она легко преодолевала. Вот она спустилась с одного холма, исчезла из виду, вот легко взбирается на другой, как бы давая понять миру, что она живая часть этой земли, горной родины, этих мест. Алтын, долго сопровождая ее взглядом, радуется храбрости и легкости Лейлы, умению подбирать шаги и заигрывать с веселым буйством родной природы. В плавных и четких движениях рук видна внутренняя сила девушки, сила, дарованная юностью и родной землей.

Алтын успокоилась, как только Лейла благополучно преодолела все опасные места и ее маленькая фигурка показалась на самой вершине последнего холма, близкого к дому. Девушка сделала несколько шагов по верхушке холма и слилась с горизонтом.

Бог с вами

На следующий день во дворе Османа царит праздник. Алтын, нарядно одетая, с распущенной косой хлопочет по дому.

Осман по такому случаю надел военную форму. Но душа его неспокойна, он не может разделять радость других и держится поодаль.

– Хозяин, как ты думаешь, придет твой брат? Человек с несчастной судьбой. Выдержит ли мое сердце встречу с ним? – тихо спросила Дауум, с опаской поглядывая на мужа.

– Может, придет, может, не придет, бедене, иди лучше присмотри за гостями.

– Дауумка, какие новости? – Алтын подошла к ним и остановилась.

– Пока ничего неизвестно, но мы его очень ждем. Если суждено, обязательно придет, – ответила Дауум.

– Он обещал прийти. Как жаль, мне надо было быть рядом с ним... – Алтын глубоко вздохнула с сожалением.

– Мама, пусть невесточка пойдет со мной, ее зовут танцевать, – попросила Лейла и, схватив Алтын под руку, повела ее к середине двора.

Даниял и Алтын вошли в круг и под одобрительные возгласы окружающих начали танец. Движения подчеркивают их стройность и грациозность. Все ими любят. И в такт музыке хлопают в ладоши.

Зубайда пересекла двор и, подойдя к Осману и Дауум, сказала:

– Вот что я думаю, отец Лейлы. Место в раю вам обеспечено за то, что вы помогли воссоединиться двум заблудшим душам.

– Ой, Зубай, причем тут я? На все воля Бога, – ответил Осман.

– А мой ягненок так и не нашелся. И никому до этого нет дела. Где его я только не искала! Ну и жизнь, кто-то умирает, а кто-то веселится...

– Зубай, иди сюда, почему не танцуешь? Когда еще у нас будет такой праздник, такое веселье?! – говорила Алтын, легонько подталкивая Зубайду в круг танцующих.

– Алтын, желаю тебе крепкого семейного счастья, – промолвила Зубайда.

– Спасибо, – заулыбалась Алтын.

– До чего ты сегодня красивая! Как ты преобразилась. И зачем так долго от нас скрывала свою косу? Вечно, как хвост лошади, собирала ее на затылке...

– Да я не хотела, чтобы народ сказал: «Длинная коса, короткий ум», – потому и прятала волосы, – рассмеялась Алтын.

Развеселилась и Зубайда:

– Алтын, мы же с тобой подруги, поэтому я позволяю себе так шутить и радоваться. Не знаю, что говорю и не соображаю, что сказать. Боже мой, где же мой ягненок? Неужели его никто не видел? Мой красный лоскуточек!

– Побереги свое сердце. Наверное, юноша осваивает горы. Что-то и отец наш не идет...

Алтын с тревогой посмотрела по сторонам.

У Лейлы защемило сердце от жалости, когда она невольно услышала слова Зубайды. И не зная, сказать или промолчать, она неожиданно для себя проговорила:

– Я видела Топалая.

– Душа моя, где ты видела его, моего сиротинушку, моего заблудшего ягненочка? Когда ты его видела, скажи? – Зубайда подскочила к ней.

– Вчера, после обеда видела.

Османа рассердили слова дочери. Он был так ошеломлен, что не поверил своим ушам.

– Я тебе покажу: «видела», скверная девчонка! – вымолвил он. – Ты же сиднем сидела дома, что ты болтаешь? Почему врешь? Зачем шутишь над бедной женщиной? Не надо дразнить Зубайду, невоспитанная!

– Папа, я не шучу. Я вовсе не дразню Зубайду, – сказала Лейла, немного растерявшись от слов отца и присутствия окружающих лиц.

– Ладно, ладно, иди отсюда. Займись чем-нибудь. Нечего без дела слоняться и вступать в разговоры старших, балаболка, – сказал Осман и прогнал дочь.

Лейла пошла к дому с виноватым видом, но ее остановила Зубайда:

– Лейла, может ты и пошутила, но мне было приятно услышать твои добрые слова. Тем более, у него к тебе такие светлые чувства, как ясное небо. Не упомянув твоего имени, он даже воду не пьет. Если ты меня не обманула, сказала правду, и мой Топалай живой и невредимый вернется домой, я тебе сделаю хороший подарок. С меня причитается.

А праздник тем временем в полном разгаре. Все с нетерпением ждут прихода Таулана.

Хажи вышел из дому, посмотрел на собравшихся и жестом дал понять, что хочет сказать слово. Гармонистка перестала играть. Танцующие пары остановились, и все обратили взоры на старика.

Хажи вышел на открытое место и начал свою речь:

– Сестры мои, братья мои, мои дорогие! Мой горный народ, познавший жизнь в степях! Ты повидал много горя, но дух твой не сломлен, мой народ! Аллах милостив и всемогущ, мы вернулись на Кавказ. Мы снова развели огонь в остывших очагах. Я видел много разных миров. Чтобы наша жизнь наладилась, мы должны придерживаться праведного пути Аллаха, должны научиться прощать друг друга, должны любить друг друга. Нам надо покаяться. Мы построим красивую жизнь. Вот что я еще хочу сказать: одни из вас знают Таулана, другие не знают. Он родился в этом селе, здесь вырос. Таулан – мой сын, мой родной сын. Он жив. Я так надеюсь, что к нашей сегодняшней радости прибавится радость его возвращения. Я так его жду...

Тут Даниял, заметив Таулана, радостно и громко воскликнул:
– Мой отец!

Все увидели Таулана и приковали взоры к нему. Волна радости и удивления прокатилась по лицам людей.

Едва Таулан вступил во двор, раздался выстрел. Яблоки из его рук рассыпались по земле.

Люди со всех сторон окружили Таулана.

С ружьем в руках и счастливо улыбаясь, Топалай вошел во двор.

– Топалай, зачем? Что ты наделал? – Зубайда подбежала к брату.

– Что я наделал, мама-Зубай? – невинно спросил Топалай.

– С этого дня я тебе не мама. У тебя нет мамы. Ты стрелял в человека.

Ой, пусть дерево упадет на того, кто вырастил дурака! Пусть на меня дерево упадет, на меня, на меня! – запричитала сестра.

– Осман, видишь, я мужчина, да? Я мужчина? Я обезьяне тарх сделал. Обезьяна падать на землю не стала. А глаза как у коровы все равно. Теперь Лейла моя, а ружье твое. Я теперь буду жить с мамой-Лейлой. Я Лейлу люблю, – в восторге заявил Топалай и протянул Осману ружье.

Лейла была ошеломлена выстрелом, у нее потемнело в глазах и затуманилось сознание. Она пришла в себя, когда услышала, как Топалай произносит ее имя. Лейла чуть не провалилась сквозь землю.

– Топалай, я же тебя поила айраном, а у тебя вот что на уме! Вот что все это означало! Не подходи ко мне! Я здесь не останусь, я уеду отсюда. Папа, а ты? – громко рыдая, она выбежала со двора.

Топалай побежал за ней.

– Лейла, подожди, подожди! Я тебя люблю! – кричал он.

Вместо ответа Осман резким криком остановил дочь:

– Лейла, вернись! Кому я сказал? Куда пошла? – заскрежетал он зубами.

Лейла замедлила шаг. Рядом с ней остановился Топалай, как в землю вкопанный.

Хажи, оказавшись меж двух сыновей, не знал, что предпринять, что сказать. Наконец, он пристально посмотрел на отошедшего в сторону Османа и обратился к нему:

– Осман, я хочу, чтобы ты покинул этот двор, это край... Ты омрачил наш мир. Ты нас всех ранил, оскорбил. Ты накормил нас камнями. Что с нами творится?

Взволнованный старик перевел взгляд на Таулана. Он стоял, чуть покачиваясь.

Братья, встретившись взглядами, долго смотрели друг на друга. Осман выступил вперед и встал перед Тауланом.

– Я признаю свою вину, Таулан, – сказал он и, упав на колени, обвил руками его ноги. Затем поднял с земли оброненную военную фуражку и надел ее на голову. – Отец, я... – Осман обратился к Хажи, желая повиниться и перед ним.

– У тебя нет отца, – сказал Хажи, резко перебив сына.

– С тех пор, как я вернулся на родину...

– Отныне у тебя и родины нет. Ты обрек нас на вечный позор. Ты уничтожил нас. Ты такой грех взял на душу. Ты свободен. Иди. Вряд ли эта земля тебя одарит счастьем. От самого себя не спасешься. Покинь нас!

– Нет, нет, я прошу прощения у всех вас. Народ, который меня всегда почитал, сегодня предаёт меня проклятию. Я жил то в шкуре зайца, то в шкуре волка. Я так и не смог выйти из того обличья, которое меня заставили принять много лет назад. Тень прошлых лет саваном легла на мою седую голову. Наш век, от которого закипала кровь, уничтожил понятие братства. Щедрость Аллаха простит мои грехи... – сказал Осман и отошел в сторону.

Хажи подошел к Таулану и прижал его к себе, раздалась веселая танцевальная мелодия гармонистки. Таулан начал танцевать. Похоже, весь мир хлопками ладоней поддерживает его душевный порыв. Таулан, танцуя, целует землю. Тут ликование от стремительного танца и безмерная радость стеснили его сердце, и он, неожиданно для всех, прижав руки к груди, упал наземь. Хажи поспешил к нему.

– Сын мой, Таулан! Горе мое не закончилось. Слезы мои не высохли. Еще одно несчастье обрушилось на наши головы...

Хажи склонился над сыном.

Таулан обессилел и уже почти не двигался, но, будто предпочитая свет темноте, усилием воли снова открыл глаза и еще раз посмотрел на отца, сына, дом, двор, собравшихся людей и горы. Словно не и силах расстаться с миром, он обвел глазами всю округу и сказал: «Бог с вами». Несколько мгновений он созерцал небо. Затем поднес к глазам жилистые, исхудалые руки и замер.

– Родимый брат, пусть моя могила будет рядом с твоей, – сказал Осман, но не удалось ему скрыть свое черное нутро.

– Ах, изменчивый мир! Дитя мое, сын мой, мой светлый Таулан, освещавший горы! Зачем ты покинул этот мир раньше меня? Ты, выбравший дорогу свободы. Ты нас оставил с Богом. Бог с нами. Столько лет мы ждали встречи с тобой! Пусть перед тобой откроются Врата Рая.

Сказав так, Хажи медленно обвел взглядом людей и спокойно добавил:

– Продолжайте наш праздник. Не прерывайте радость. Где гармонистка? Это первое веселье на родной земле не превращайте в скорбь. Крепитесь. Мой Таулан жив.

Слышится удар молотка. Кто-то выпрямляет кривые гвозди. Доносится голос муэдзина. Под этот печальный мотив с высокого неба на мир начинают падать капли дождя, словно призванные смыть все земные тревоги и беды.

ПОСЛЕДНЕЕ ОРУЖИЕ

Рассказ

Двух ребят и двух девочек из 7 «Б» класса отрядили к ветерану войны деду Исуфу. Материал о нем должен был появиться в школьной стенгазете к очередному празднику Победы.

Исуф – известный в селе человек, говорили, что из всего района он один дошел до Берлина, и такого количества медалей и орденов не было ни у кого. Каждый год в районной газете о нем печатали одно и то же: в каком подразделении воевал, какие имеет награды и сколько раз был ранен. Но школьники газет не читали и не знали о нем ровным счетом ничего, кроме того, что он ветеран и герой.

По дороге обсуждали предстоящую встречу. Староста класса Назир, высокий худощавый парень, наставлял других: с ветераном нужно говорить по-мужски, без девчачьего там размалеывания, это он берет на себя. Зарема, пухленькая девочка с рыжей косой, напомнила о достаточном объеме для статьи, чтобы не городить лишнего и не мучить старика. Красивая черноглазая Санета поинтересовалась, а кто будет записывать разговор, лично она быстро писать не умеет. Да, она хорошо рисует, но это не значит, что ей нужно все подряд поручать, быстро писать – это другая способность. Пока шли, она несколько раз смотрелась в зеркальце с оранжевым ободком, поправляя брови и кончики закрученных к щекам темных волос. А Латиф предложил спросить деда о смысле жизни или есть ли живые существа на других планетах, – а что, будет интересно! Это был веселый паренек с маленькими подвижными глазами, про него с укоризной говорили: если низ его штанин не в пыли, то пиджак обязательно будет в извести, или – наоборот. А сейчас он был даже без пионерского галстука. Он забежал вперед и добавил, что интересно было бы узнать, боялся ли дед в детстве темноты и была ли у него рогатка? Ему посоветовали надеть галстук и попреридержать свои глупые мысли – мешает только, а ведь сам к ним напросился. Назир отдал последнее распоряжение, больше обращенное к самому себе: главное правильно задать первый вопрос, а дед сам все расскажет, им ничего не надо будет придумывать.

За плетеным забором они увидели невестку Исуфа, возившуюся с индюшатами, она насыпала им в кормушку смесь творога с крапивой. Спросили, нет ли дома легендарного героя войны деда Исуфа, они хо-

тели бы взять у него интервью. Невестка выпрямилась, снисходительно улыбнулась:

– Дома он. Где ж ему быть? – Вытирая руки о фартук, подошла к плетню, оглядела их с сочувствием. – Присылают вас, присылают – разве ваши старшие не знают, что герой не любит говорить про войну? И вам ничего не расскажет. Спросит про оценки, ради интереса узнает, кто ваши родители – и отправит по домам. Уж я-то знаю.

– Как это не расскажет? – возмутился Латиф. – Нам материал нужен к сроку. Должен рассказать.

– Ишь ты, какой строгий – «должен»! Вот так и не расскажет, – сказала невестка. – Всему району это известно. Не хочет и не рассказывает. Его дело. И ни на какие говорильни про войну никогда не ходит.

– У нас классная руководительница новая, – попыталась оправдать старших Санета. – Она приезжая. Не знала, наверное.

– Нам очень нужно, – настаивал Назир. – Ну кто нам поверит? И отметки плохие поставят. У Латифа и без того с математикой неважно. Но он исправится.

– Ну, разве что исправится, – согласилась невестка. – Знаете что – разбирайтесь с дедом сами, входите. Вон он в саду сидит – стол видите? Цыплят кормит. Это он мне вроде как помогает. Если бы ладил с руководством... Колючий он. Не любят его, потому что справедливости требует. А где ее видали-то, справедливость эту? Давно оставили в покое, не трогают. Говорят, раньше лесничество хотели доверить, и в депутаты уговаривали... Теперь воду охраняет: сутки через трое. Зато порядок во дворе и в саду.

– А наградной пистолет у него есть? – перебил ее Латиф. – Вот бы посмотреть!

– Не знаю, – ответила Асият. – Будь у него пистолет, я бы знала. – В общем, вы понастырнее с ним. Скажите, если не сознается в своих военных подвигах, Латиф будет наказан математичкой. Сегодня он разговорчивый, они с соседом по паре стаканчиков вина выпили. Только разошлись. У нашего сегодня что-то вроде юбилейного события: в этот самый день, ровно пятьдесят лет назад, его ранило. В четвертый и последний раз. И все, война для него капут – кончилась. Проходите... Дада, е дада, – окликнула она старика. – К тебе школьники пришли. Как всегда. Май же скоро. Принимай.

Гости прошли к большому прямоугольному столу под тенистым орехом, возле которого с двух сторон стояли скамейки, гладко обработанные и покрытые морилкой, как и стол. Исуф был в галифе защитного цвета, в белой навывпуск рубашке и шляпе из тонкого войлока. Он сидел спиной к столу и увлеченно насыпал просо на картон, с которого насадка с цыплятами склевывали корм. Вдруг невестка крикнула: «Уауи-уауи-уауи!» – и сейчас же насадка с ватагой цыплят помчалась к ней.

– У Асият все птицы ученые, – сказал дед Исуф, поворачиваясь к школьникам. – Ну, присаживайтесь, раз пришли.

Правой рукой он растер худое лицо, как бы приободряя себя. Потом стаканы, окрашенные вином, вставил один в другой и опустил на скамейку возле себя. Тарелки с сыром, кусками остывшего пирога, молодым чесноком, огурцами и редисом сдвинул на край стола. Туда же сместились солонка и нож. Глаза его блестели, он с интересом посмотрел на школьников.

– Асият, – позвал он невестку, – гости же пришли!

– Что? – отозвалась невестка, не расслышав свекра.

Только Исуф набрал воздуха, чтобы крикнуть громче прежнего невестке, как гости разом заговорили: «Не нужно, мы не голодны», «Спасибо, не надо», «Мы в буфете пирожков поели». Один Латиф сказал: «А я бы воды попил. Тепло».

– И вправду ничего не хотите? – спросил Исуф. И добавил: – Ну да, воспитанных людей видно сразу: они всегда приходят сытые. Вы садитесь, садитесь, Асият скоро освободится, она свое дело и без меня знает. Это я так позвал, для порядка. – Латифу сказал: – А ты, мальчик, пойдешь во-о-н туда – видишь кран? Будет там тебе и вода, и кружка. Поги – спроси у друзей, не нужно ли им тоже принести.

Друзья сказали, что нет, им не нужно, и Латиф весело побежал к воде.

Школьники сели напротив Исуфа. Назир взял у Санеты ручку и ученическую тетрадь, раскрыл ее, разгладил и объявил:

– Уважаемый Исуф, мы пришли послушать и записать рассказ о проявленном мужестве и героических подвигах на войне нашего земляка. Рассказ мы разместим в школьной стенгазете, и его прочитает вся школа.

– Во как! Слишком уж я мужественный и храбрый у вас получаюсь. А о слабости и трусости не хотите написать?.. Шучу я, не смущайтесь. Хотя тоже было бы уроком для многих. Ну, чтобы не повторять. Вот что, ребята и девчата, не очень нравится мне, что у вас все мы, ветераны, герои. Ну, понятно – победили же? А противник весь какой-то немощный и трусливый. Выходит, с ним можно было и не воевать, так? Дунул на него – и тот улетел в свои края. Нет, друзья мои, на войне так не бывает. Не все так просто. И не все понятно.

– А чего там непонятного? – спросил Латиф на подходе. – Фашист тебя стреляет, а ты в него. Пиф-паф, ой-ой-ой, умирает зайчик... твой! Не спрятался – я не виноват. – Все рассмеялись, даже Исуф улыбнулся. Зарема покраснела и выпалила:

– Он шутит, дада. Не обращай внимания. Он у нас в классе самый неугомонный. Вечно у него по поведению «неуд».

– Шутит – это хорошо, – подхватил Исуф. – Шутка на войне спасает. Ты смеешься сквозь страх – получается, что на пользу. Если не бодрит,

то от страха отвлекает, это точно. – Тут он, перестав улыбаться, посмотрел на школьников. – Не знаю даже, что и рассказать для вашей газеты. В прошлом году отправил обратно детишек, ворчал на них. А потом мучился. Жалко их стало. Обиделись, наверное. Они-то в чем виноваты. Просто я не люблю, когда дела делаются для галочки. Так вы ничему не научитесь. Никогда. Ничего не поймете в жизни. А она... Ты помоги людям эту жизнь наладить – вот что я хочу сказать. За это мы воевали! То и будет нам и уважение, и награда самая высокая. За весь год никто не спросит меня: как живешь, дада? Показухи не люблю.

Подошла Асият. Убирая со стола посуду, сказала шутливо:

– Дада, что ты им про политику? Им она ни к чему. Им про любовь интересно. Ты лучше расскажи про связистку вашу, с которой вы в госпитале вместе оказались. И как ее чуть домой не привез...

Исуф смутился, сказал:

– Мы сами, Асият, ты нам не мешай. Лучше детям что-нибудь приготовь. Компот принеси, поставь еще один пирог. Мы, наверное, долго будем сидеть.

– Без того не отпущу, не переживай, – сказала Асият уходя. Иссуф продолжил:

– Вот я Асият для ее прялки одну деталь выточил. Долго возился. Оказалось, ошибся в расчетах – и дело впустую. Знаете, как было обидно. А это всего лишь прялка. День впустую! Всего один день! А подумайте теперь: что если одну-единственную жизнь впустую прожить, без пользы, а?.. Для галочки! Или еще хуже: ты жизнь положил, а геройство твое было ни к чему. После твоей смерти пришли жулики, и что ты защищал – распродали и над тобой посмеялись, а? Вот как может быть... Зачем я это начал? О чем я говорил?

– О прялке, дада, – насмешливо напомнил Латиф.

– О прялке? – переспросил Иссуф. – Зачем прялка?

– Дада, не надо о прялке, – вступила в разговор Санета, из-под стола пригрозив Латифу кулачком. – Ты расскажи про самое интересное сражение.

– Интересных сражений не бывает, моя девочка. Это у телевизора их интересно смотреть. Вот мальчик сказал: что там непонятного? Он в тебя стреляет, ты в него – пиф-паф. Все вроде ясно... Ладно, так уж и быть, расскажу вам одну историю. Кроме домашних, никто ее не слышал от меня. Сегодня вот только рассказал соседу. А ему что сказал, что по радио объявил – все одно. Значит, так. А вы потом мне скажете, чего я в ней не пойму. Целых пятьдесят лет не пойму. Может, вы разберетесь.

– Разберемся, уж постараемся, – пообещали школьники.

– Ну, так слушайте. – По лицу Иссуфа пробежалась тревога, как будто он снова оказался на месте своих воспоминаний. – Случилось это под

самый конец войны, мне тогда уже было двадцать пять лет. Дошли мы с боями до небольшого поселка под Берлином и встали. Немец отчаянно защищался. Он так основательно укрепился в этом поселке, что вторые сутки держал нас на подступах, мы не могли закрепиться даже на окраине. Не знаю, то ли разведка ошиблась, то ли послали нас на верную смерть. А может, мы просто отвлекали противника, чтобы он не мешал продвижению основных сил. Рота наша должна была зайти в поселок с левой стороны. Через сутки непрерывного боя от нее оставалась половина состава, не больше. Надо было незамедлительно брать Берлин, это было самым важным для командования.

Таков был приказ, а приказы надо исполнять. Правду сказать, людей не жалели, да и мы себя не особо берегли. На этот несчастный город наша авиация сбросила столько бомб, что я подумал: как это земля не разошлась в этом месте, и кто в нем мог уцелеть? А они, черти, стояли. Они стояли, как будто не было уже понятно, что война ими проиграна. На второй день бой вдруг прекратился, как будто обе стороны сговорились. А на самом деле измотаны были все: и наступающие и обороняющиеся. Наши потери были очень ощутимы, без передышки и подкрепления нечего было думать о новом наступлении. Просили. Вроде как обещали – и танки, и людей. Просто надо было подождать. Однако никто не разрешал отлеживаться. Перерыв не мог быть долгим.

И тут командир вызывает нас с моим боевым товарищем, с ним вместе мы бок о бок воевали последние два года. Сдружились, стали как братья. Обыкновенный русский парень, души необъятной, и веселый такой. Колей звали. Шутит всегда, вот как ваш пиф-паф. Меня звал Иисуф. Командир дает задание. Слева от нас, километрах в трех, в низине стояло что-то вроде хутора. Дом, какие-то постройки, за ними небольшая река, а от реки вправо – подлесок, и он подходит к поселку. Наша задача была проверить хутор, если есть люди, разузнать у них, можно ли через подлесок войти в поселок. Приятель знал немецкий язык, не так чтобы очень, но вполне сносно мог излагать свои мысли. Других все равно не было, в живых не осталось. Вот мы и пошли. Накануне прошел дождь, и мы скользили по водянистой грязи. Местами было топко, от земли шел пар. А вокруг зеленело! Всюду смерть, одна весна напоминала о жизни. А жить очень хотелось, война-то вот-вот должна закончиться.

Мы подошли к хутору. В ноздри ударил запах навоза, сена, вперемешку с готовящимся обедом. Из загона донеслось мычание коровы. Мы только что вышли из кровавой бойни, а там тишина, мирный воздух, запах вкусного обеда. Потому, наверное, мы расслабились. Непростительно расслабились. Да еще приятель мой пошутил: «Вот увидишь, Иисуф, у хозяев есть дочка, красивая, белотелая. Я посажу ее напротив себя, буду есть их обед, смотреть на нее и думать о любви, одичал со-

всем. А потом табачок отца-старика выкурю. Эх, если бы еще полчасика придавить на их мягких подушках. Но мягкая подушка это утопия». Что такое «утопия» не успел спросить – впервые слышал это слово, узнал только после войны.

Возле дома стояла телега, мы не дошли до нее шагов пять, как вдруг из окна раздалась длинная автоматная очередь. Мою левую руку как будто щипцами раскаленными схватили, а подмышкой я, казалось, зажал осиный рой. Я прижал рану правой рукой и мигом кинулся на землю. Падая, глянул на Колю – он, на удивление, еще стоял, хотя почти вся обойма пришлась ему в голову, превратив её в кровавое месиво. Тут и он упал. Вперед. Лицом в грязь. У меня кость была не задета, понял это сразу. Пуля разорвала гимнастерку, оторвала от плеча кусок плоти. А что творилось там, где засел осиный рой, я не знал. Кость цела – значит, могу атаковать.

Я с трудом снял автомат с правого плеча, невольно измазав рукоятку и спусковой крючок липкой кровью. Затем перекатился к задним колесам телеги, едва не потеряв сознание от боли. Оттуда я короткой очередью выстрелил в сторону дома. Мне не ответили. Тогда я встал во весь рост и начал стрелять по окну. Что-то произошло за окном, из которого нас только что расстреляли, – там явно замешкались, видимо, перезаряжали автомат.

Я шел и стрелял, при этом видел, как за окном мелькали какие-то тени – разнес все окно. В какой-то момент мне показалось, что стали приоткрывать входную дверь – я и по ней дал очередь. Спрятавшись за бочку с водой, сменил диск, прислушался. Тишина полная. Нигде в огромном мире ни единого звука. Я подумал, что оглох, ведь такого быть не могло. Перевязывая руку, спрашивал себя: я убил одинокого хозяина, и на этом все или там еще кто-то есть, и он притаился, ожидая, когда я откроюсь? Стоит ли мне вернуться за помощью или нужно продолжить атаку? Нет, уйти мне не дадут – выстрелят в спину, ведь здесь открытое пространство.

От бочки до стены дома метра три – их я преодолел одним броском. Прошел от обстрелянного мной окна в другой конец дома, с торца его завернул в открытые ворота. То было большое помещение для хранения конского и всякого другого снаряжения. Из него был проход в жилую часть дома, дверь туда открыта. Я пошел, ступая как можно тише. Сделав несколько шагов, я почувствовал, что вся моя левая сторона до сапог – в липкой густой крови. Кружилась голова, меня шатало. Ничего удивительного – я потерял немало крови, а еще был изможден недосыпанием, двумя сутками невероятного напряжения.

Но я продолжал двигаться. Не опуская прицела, облокотился о стену, перевел дыхание. Прислушался. Не понимал, мне чудилось или я на самом деле слышал какие-то шорохи впереди? Или за проемом

двери раненый, или есть еще кто-то, кто выстрелит в меня, как только туда пройду. Шаг, еще шаг. Вижу у двери, по которой я дал снаружи короткую очередь, убитая мною старушка. Да, мертвая. Далее, у расстрелянного окна, лежит молодой военный с перевязанной ногой, позади него, держа его за китель цепкой застывшей хваткой, старик, оба тоже мертвые. Видимо, отец хотел оттащить сына – или кто он ему? – от окна, уговаривая не стрелять по нам и не подвергать себя смертельной опасности, ведь кругом вражеские войска. Так думал я, но кто знает, как было на самом деле.

Так или иначе, старик, я думаю, меня спас. Я в этом не сомневался. А старушка, должно быть, хотела попросить меня по ним не палить. Не успела открыть дверь. Я не дал ей такой возможности. Все это время я боролся с одолевающей меня слабостью – вот-вот я усну неодолимым сном. Чувствую, кто-то еще есть в доме и выцеливает меня, ждет удобного момента, чтобы уложить наверняка.

И как же я был неосторожен: стоило мне войти, как дверь в другую комнату кто-то спешно прикрыл. Я в тот же миг открыл по ней огонь. За дверью раздался какой-то звук, его я не распознал – звук и звук. У самого в ушах звенело. Я присел, отодвинул от стены комод и занял оборону. Минут пять так просидел, замерев, думая, что если в доме кто-то есть, он чем-то себя выдаст. Но все это время стояла тишина, только влажный ветерок залетал в расстрелянное окно.

Я встал и направился к двери, по которой выстрелил. Она не сразу поддавалась, моих сил едва хватило ее отодвинуть. В образовавшуюся щель я просунул голову и увидел: сначала женские ноги в чулках телесного цвета, платье в синих цветочках, светлые густые волосы, белоснежные шею и руку. Я дернул дверь сильнее и прошел в комнату. Не могу сказать вам, что я тогда испытал. Для чего-то Всевышнему нужно было меня протащить через всю войну и привести в эту комнату. Коля был прав: у хозяев была красавица дочь или невестка, и – точно как он говорил – белотелая. Только... Знаете, возле нее была лужа крови, смешанная с материнским молоком... Я изрешетил ее грудь... В глубине комнаты стоял стол, а на том столе, дергая ручками и ножками, лежал мальчик всего пяти-шести месяцев от роду. Мать, видимо, его пеленала или одевала, не знаю, да не закончила. Я склонился над ним. Ребенок долго и напряженно на меня смотрел черными, уже смышленными глазками. А потом вдруг улыбнулся мне – да, мне, кому же еще, – как будто я был свет божий, радость и спаситель всех детей в этом злом мире...

Заслышав выстрелы, бегут наши ребята... во дворе Коля лежит с пробитым черепом... в мире весна... и я, под ногами которого на грязном полу грудное молоко с кровью... и улыбка этого младенца... На этом война для меня закончилась. Навсегда. Это был день, когда я по-

следний раз держал в руках оружие. После войны я женился, родились дети. Верите, я не мог смотреть на то, как жена их кормит. Никогда не смотрел. Столько лет прошло, а у меня до сих пор дрожь в теле при виде кормящих матерей, женщин с колясками. Я до сегодняшнего дня не могу выйти из этой проклятой комнаты.

Исуф замолчал. Молчали все. Минуту-две школьники переглядывались, как бы спрашивая друг у друга, что дальше делать. Тут Латиф оживился и спросил:

– Выходит, дада, ты не дошел до Берлина? Чуть-чуть не дошел, да? – Назир толкнул его коленом, но слова были сказаны.

Исуф поднял голову и какое-то время думал, не понимая вопроса. Потом, без обиды и удивления, согласился:

– Выходит, сынок, не дошел... чуть-чуть не дошел. – Губы его шевелились едва заметно. Он снова опустил голову и застыл в этом положении.

Назир взглядом дал команду подниматься и сказал Исуфу:

– Мы тогда пойдем? Не будем больше беспокоить. Очень интересный был рассказ. Ты нам очень помог, дада. Здоровья тебе!

Но старик ничем не показал, что расслышал слова мальчика и хотел бы продолжить разговор. Он смотрел неподвижным взглядом куда-то вниз, на столе лежала его правая морщинистая рука, а левая странно висела, как будто ее только что прострелили.

Школьники тихо встали и направились к калитке. Из кухни доносился вкусный запах пекущегося пирога, в саду звенело птичье щебетание, короткое послеполуденное солнце пряталось за грозовые облака.

Дети быстро прошли целый квартал, не проронив ни слова. Только оглядывались время от времени. Потом они заметно оживились и стали горячо о чем-то спорить.

СПАСИ МЕНЯ, МОЙ АНГЕЛ

Каждый раз я подолгу не могу вспомнить ее лицо, словно оно по чьей-то недоброй воле настойчиво стирается из памяти. Тогда я отыскиваю этот сложенный вдвое альбомный лист, который хранится в одной из моих книг. На нем нарисована маленькая девочка с удивительно печальным лицом и крылышками за спиной. А сверху надпись, сделанная большими неровными буквами: «Спаси меня, мой ангел».

В те дни было жарко, и вечерами от духоты и безделья я садился с книгой на скамью, стоявшую у дома, и зачитывался дотемна. Хотя в такое время улица наполнялась прохожими, играющими ребятами и шумными подростками, я, бывало, долго не отрывался от книги. Но тогда, не понимая отчего, вдруг поднял голову. В нескольких шагах от меня стояла девочка лет шести-семи и молча за мной наблюдала. На ней

было нарядное розовое платьице с кружевами на коротких рукавах, в руке она держала книжку, золотистую надпись на которой я прочитал с удивлением. Это был Лермонтов.

Какое-то время я смотрел на нее в замешательстве. Что-то в ней меня удивило сразу, но я никак не мог понять, что именно. Она медленно убрала за спину прямые длинные волосы, и только тогда я смог достаточно ясно разглядеть ее лицо. Ровный носик, тонкие изящные губки, большие черные глаза – все было подчинено единству, и даже заостренный подбородок, слегка выступающий вперед, не нарушал его. Тогда я понял: меня удивили ее глаза, я никогда не встречал у детей такого взгляда. Он отдавал какой-то пренебрежительной вялостью, точно передо мной стоял человек, изнуренный продолжительной болезнью.

Она по-прежнему молчала, и я, чтобы унять нарастающее во мне напряжение, спросил ее, но тоном, каким обычно говорят с детьми:

– Ты хочешь поиграть со мной?

– Как я могу играть с вами? – ответила она серьезно, несколько не изменившись в лице. – Ведь вы вон какой большой, к тому же заняты.

И мне, признаюсь, стало неловко за мой неудачный вопрос и тон.

Когда я пригласил ее сесть рядом со мной, она направилась ко мне как бы нехотя и, присаживаясь, добавила:

– Мама не спала всю ночь из-за меня, а сейчас она отдыхает. Я вышла, чтобы не мешать ей. – Девочка тяжело вздохнула (по-видимому, ей было трудно дышать) и продолжила: – Я видела вас на прошлой неделе. Я смотрела на вас из окна. У вас и теперь та же книга.

– Да, – согласился я, – никак не могу дочитать. Слишком уж она толстая, а читаю я медленно. А как тебя зовут?

– Сонечка, – сказала она и отчего-то радостно на меня взглянула. Она произнесла свое имя так нежно и ласково, не без некоторого кокетства, как будто давала мне понять, что и она так же мила и обаятельна, как и звучание ее имени.

– Так ты читаешь такие вот стихи, когда тебе скучно? – спросил я и машинально взял из ее рук синий томик стихов.

– Почему когда скучно? – удивленно ответила она. – Со мной никогда так не бывает, даже если я долго сижу одна. Я думаю свои мысли и мне с ними не скучно.

– А ты понимаешь эти стихи?

– Понимаю, – задумчиво произнесла Сонечка.

– А что ты еще читаешь?

– Вчера я читала Пришвина, потому что люблю читать про лес и зверушек. Еще я недавно читала про слепого мальчика, он на скрипке зато как хорошо умел играть. А больше всего я люблю читать стихотворения.

– Ты вот сказала, что с твоими мыслями тебе не скучно. О чем ты думаешь?

– О чем я думаю?.. Я думаю... – повторила она мой коварный вопрос, и тогда я понял, насколько он был нелепым. Мне показалось, сначала она хотела поведать мне о своих мыслях. Но затем, быть может, вспомнив, что о них не знает никто и, тем более, не следует знать мне, решила не говорить и со смущенной улыбкой посмотрела на меня. Думаю, я вызвал у нее такое же замешательство, какое бывает со многими взрослыми, когда спрашиваешь их о смысле жизни или о том, что такое счастье.

Помнится, в тот раз мы говорили с ней недолго. Подозревая, что она больна, я спросил: чем? – и, кажется, сделал ей больно. Она ничего не ответила, а затем, сказав, что мать может проснуться и ей нужно быть дома, ушла. А я потом долго казнил себя за свое бестактное любопытство. Я хотел исправить это досадное недоразумение, но всю последующую неделю мне ни разу не довелось увидеть Сонечку.

Ее силуэт, искаженный капельками дождя на оконном стекле, через которое я смотрел на улицу, возник за вишневым деревом. Невиданно долгий ливень, длившийся с переменным усилием двое суток, заточил нас в домах. На улице Сонечка была одна. Раскрытый пестрый зонт стоял на широкой скамье, а под ней она кого-то высматривала, время от времени поправляя сползавший на лицо капюшон оранжевой куртки. Я обрадовался ее появлению, и, хотя продолжало еще неприятно моросить, накинул плащ и вышел на улицу.

Увлеченная своим занятием, она не удостоила меня хоть сколько-нибудь заметным вниманием, был только неосознанный поворот головы на звук моих шагов и мимолетный, отрешенный взгляд. Обычная фраза «Как дела?», произнесенная мною для того лишь, чтобы как-то обозначить свое присутствие, осталась без ответа. И в течение продолжительной паузы я думал над бессмысленностью своих слов.

Тот, находящийся под широкой скамьей, упорно не давался ей в руки. Когда она все-таки вытащила его на свет, я увидел грязного, жалобно скулящего от холода щенка. Она спустила замок своей куртки и устроила его, как есть, за пазухой. «Какой он хорошенький, маленький еще, – сказала она неизвестно кому и дала щенку высунуть голову. – Все про тебя забыли, не знаешь теперь, к кому идти, оттого и плачешь. – Затем, неожиданно обратившись ко мне: – У маминной подруги есть маленькая Оксанка, она такая миленькая. Когда ее принесут к нам, придете на нее посмотреть?» – «Да, да, конечно, – ответил я, (значит, она не обиделась на меня, мы снова друзья), – я обязательно к вам приду». Она встала и, взяв зонт, решительно направилась домой, даже не попрощавшись.

Я любил возиться с детьми, и, кажется, им тоже было со мной интересно. Для этого достаточно было запускать примитивных воздушных змеев, которых я мастерил из газет и картона, делать всякого рода вертушки и знать сказки. Душными летними вечерами родители подолгу

не могли заставить своих детей вернуться домой. Но когда становилось поздно, решительно настроенные, они показывались из своих дворов, чтобы разобрать их по домам. Однако увидев, что те с интересом слушают меня, терпеливо дожидались, пока мы закончим.

Как ни странно, Сонечка к нам никогда не подходила. Она стояла в одиночестве у дома, изредка бросая рассеянный взгляд в нашу сторону, и на мое приглашение пойти к нам, ничего не отвечала, словно не понимала или не слышала, о чем ее просят. Можно было предположить, что ее не очень занимало то, чем я развлекал детей. Возможно, ей было бы скучно с нами.

Но была, мне кажется, еще одна причина: справедливо полагая себя большим мне другом, чем остальные, и оттого рассчитывая на особое к себе внимание, она ревновала меня к другим детям. Сама она редко с ними играла, лишь два или три раза мне доводилось это видеть. Играла она увлеченно, бывала даже азартной, смешной и веселой, но в какой-то момент в ней происходило что-то необъяснимое. Холодная грустная тень вдруг возникала в ее глазах, она с тревогой начинала озираться по сторонам, словно вспомнила о чем-то важном, и торопливо уходила домой.

И в самом деле, мы не могли с ней не подружиться, что-то нас роднило. Придя ко мне, она молча подсаживалась и вовсе не настаивала, чтобы я занимался ею, оставив свои занятия (я готовился к летней сессии). Мы брали с собой все необходимое (я конспекты и книги, она альбом и карандаши) и уходили в сад моих хозяев, где находилась старая обветшалая беседка со столом посередине. Каждый занимался своим делом и другому не мешал. Я быстро утомлялся (в летнюю пору хотелось заниматься чем-то другим), и во время частых перерывов разглядывал ее рисунки.

Признаться, когда увидел их впервые, я был немного разочарован. Я справедливо ожидал найти в них что-то особенное, непременно талантливое, но моему суду предстали обыкновенные фигурки людей, нарисованные неумелой детской рукой. Я с притворным восхищением произнес, что для ее возраста очень и очень даже неплохо, весьма похвально, молодец. Но при этом не преминул сделать несколько замечаний касательно слишком резких линий и прочих деталей, в которых и сам толком не смыслил. Со смущенной улыбкой, точно ей было стыдно за мое невежество, она взяла из моих рук рисунки и сказала: «Вы просто ничего не поняли».

И это была правда.

На одном из рисунков была изображена уличная сцена: посредине дети, над головами которых высоко взлетел мяч, по сторонам на лавочках взрослые. Разве мог я за внешне бесхитростным сюжетом уловить, что все они смотрят на мяч по-разному. За каждым вскинутым в небо

взглядом и взрослых, и детей угадывался характер, присущий только ему. Я и вообразить не мог, что в этой сцене таился подобный замысел.

Как-то после ухода Сонечки я подобрал с пола беседки лист, незаметно вылетевший из ее альбома. Это тот самый лист, который я храню до сих пор у себя. На нем нарисована девочка-ангел с удивительно печальными глазами. Я понимал, что в ней Сонечка хотела выразить себя. Если так, то почему искажена форма губ и носа, приделаны косички? Если так, то в чем сходство? Но вдруг меня поразили ее глаза, они были словно живые. Я не мог объяснить, за счет каких деталей она добилась удивительного сходства. И что я должен был подумать, прочитав вверху надпись: «Спаси меня, мой ангел».

Иногда Сонечка задавала мне вопросы, на которые я затруднялся ответить. Бывало, она неожиданно захлопывала альбом, не dokonчив начатый рисунок, и начинала о чем-то сосредоточенно думать. Она так отрешенно думала о своем, что казалось, если заговорить с ней вдруг, то можно было ее испугать. Затем она произносила свой вопрос, как бы спрашивая саму себя. Я и теперь не смог бы ей ответить, почему злая баба Тина живет на свете, если ей жалко даже вишни для детей. Я тоже был свидетелем того, как эта старуха отогнала их от своего вишневого дерева, посылая им вслед проклятия. Дети, весело передразнивая ее, разбежались, только Сонечка осталась на своем месте, устремив на нее ненавистный взор. Я заметил, как та, встретившись с Сонечкой взглядом, неожиданно приутихла и, что-то бормоча, зашла во двор. Нет, я не знал, каким смыслом были наполнены дни, которые осталось провести старушке в этом мире. Возможно, она сама давно уже о том не думала.

Был у нее ко мне еще ряд вопросов, по поводу которых я проявил позорную неосведомленность. Нет, я начинал на них отвечать, но вскоре так безнадежно запутывался, что не знал, как завершить свою мысль, чтобы она хотя бы в какой-то мере походила на ответ. Как-то она спросила, чем бы я (по-видимому, она имела в виду: я современный, образованный человек) мог удивить первобытных людей, окажись каким-то образом в их обществе? Каково же было мое удивление, когда, перебирая свои способности (ее это позабавило), я вдруг обнаружил, что не смог бы удивить дикарей ничем особенным. Даже в добывании огня я ничего не мог бы им предложить лучшего, кроме как потереть сухие ветки друг о друга. Оказывается, достижениями и благами цивилизации я всего лишь могу пользоваться, но понятия не имею, как, в сущности, их создавать. Сонечка смеялась, забыв обо всем, но смех ее был глухой и слабый, казалось, он душил ее.

Настал день, когда Сонечкина мать, наслушавшись рассказов обо мне, передала приглашение в гости. Я пошел к ним вечером, предположив, что она уже вернулась с работы.

Калитка издала жуткий нутряной скрип, и мне предстал дворик с густой низкой травой и небольшой приусадебный участок с пятью деревьями. Что-то необыкновенно милое таилось для меня в этом дворике, родным и знакомым показались низкое крыльцо с полупрогнившими ступенями, тоже обросшее травой, и два грустных невеликих оконца, хранившие за собой покой и прохладу затемненных шторами комнат. Я позвал, но никто не ответил. Через минуту, щурясь от яркого света, выглянула Сонечка и, увидев меня, слабо улыбнулась. В комнате, куда мы прошли, было непроглядно темно, и я не сразу обнаружил диван, на который она пригласила меня сесть. На вопрос, почему она не раздвинет шторы, Сонечка ответила: «Я не люблю, когда светло». Матери дома не оказалось.

Через несколько минут из темноты стали яснее выступать очертания комнаты и находящиеся в ней предметы. Среди прочих – книжного шкафа, телевизора, стола с цветами в большой вазе и сундука – я различил на стене контур портрета, разглядеть который было трудно. Сонечка сидела в кресле, уронив на пол книгу.

В уютной тишине слышалось жужжание пчел за окном в цветнике, плавно оттягивая шторы, в комнату влетал ветерок, принося с собой цветочный аромат. Мы молчали. Я хотел было уйти, сказав, что зайду позже, но она удержала меня: «Вы подождите, мама скоро придет». Я вдруг вспомнил ее глаза, когда она выглянула, теперь мне казалось, что они были заплаканные. И чтобы развеселить ее, я начал рассказывать какой смешной случай произошел со мной на экзамене. Но она перебила меня: «Когда мне в последний раз было плохо, и к нам приезжала “скорая”, я слышала в другой комнате, как мама плакала и говорила доктору, что я безнадежна. И что если со мной что-нибудь случится, она этого не переживет. Я и сама знаю, что умру... умру, конечно. Маму только жалко. У нее на этом свете никого, кроме меня, нет...»

«Она умрет?! Она умрет?!» – пронеслось в сознании, и как-то странно подействовали на меня эти слова: точно я сам приговорен к смерти и дни мои сочтены. Вместе с тем понимал, что надо ее как-то успокоить. Но, кроме глупых и банальных слов, произносимых людьми в таких случаях, на ум ничего не шло. Она закрылась от меня, свернулась в кресле и тихо заплакала. Я опустился рядом на колени, положил руку на ее голову и долго так над ней просидел. Незаметно она уснула. Я накрыл ее легким одеяльцем, висевшим на ручке кресла, и ушел.

Так случилось, что я подыскал, наконец, неподалеку квартиру с лучшими удобствами и в тот же день переехал. Ни с кем из соседей я не попрощался, намереваясь время от времени там появляться. Экзамены у нас закончились, наступило время строительных отрядов, но меня оставили работать в институте.

Как-то под вечер, когда я выходил из автобуса, меня окликнул женский голос. Это была мать Сонечки. Когда она подошла ко мне (никогда до этого не видел ее близко), ее большие серые глаза облили меня теплым ясным светом. Я удивился, что во внешности Сонечки от нее ничего нет. Она была в меру полной, с гладкой белой кожей и короткими светлыми волосами. Она заговорила живо, с неподдельной радостью давая понять, что ей приятно наше знакомство. «...Хотя мы вас приглашали, – продолжала она. – Ой, простите, я не представилась. Галина. О вас, сами понимаете, я премного наслышана». Я ответил что-то рассеянно и невнятно и тоже попытался ей улыбнуться. Мы пошли медленно, чтобы немного поговорить. В основном говорила она, и за все время я, кажется, не проронил больше ни слова.

Из ее рассказа я узнал, что разошлась она с мужем года три назад. Жить с ним стало неинтересно, она, оказывается, не выносит ничего устоявшегося и привычного. Не такого серого и однообразного существования она ожидала, выходя замуж. Он был слишком серьезен, чтобы меняться сам и придумывать для нее забавные сюрпризы. «Люди бывают серьезными оттого, что у них мало воображения», – заключила она. Но он безумно любит свою дочь и регулярно навещает Сонечку, когда Галины не бывает дома. Так они договорились.

Она рассчитывала, пока молода, начать новую жизнь с другим человеком, другой был уже на примете. Но Сонечка... Трудно представить, какой страшный раскол произошел в ее душе. «Где папа?», «Когда придет папа?» – вопросы из ее уст больно обжигают Галину до сих пор. Конечно, она могла бы попридержать свои эмоции и жить с ее отцом ради ребенка. Ведь так тоже можно. Но как быть тогда с ее счастьем, она молодая симпатичная женщина... И все же она чувствует себя преступницей, и нет ей прощения. И болезнь Сонечки обнаружилась после того, как они разошлись. Как теперь не поверить, что причиной тому явился ее разрыв с мужем.

А недавно она сказала Сонечке, что понимает, как ей хочется быть всегда рядом с отцом, и объяснила, почему она не может с ним жить, ведь Сонечка у нее как взрослая, и все понимает. «Но если хочешь, – пообещала она, – я сделаю так, чтобы он вернулся (у него уже другая семья), как бы плохо мне от этого ни было». Так Сонечка бросилась ей на шею, плачет и говорит: «Мамочка, мамочка, я тебя очень и очень люблю, я не хочу, чтобы тебе было плохо». И так она разревелась, что Галина ее с трудом успокоила. «Выходит, – говорит она, – Сонечка гораздо лучше и выше меня. Получается: она может пожертвовать самым дорогим для нее, близостью отца, ради моего благополучия. А я оказалась неспособной на такую жертву ради дочери».

Заметил ли я, что ее Сонечка немного странная. Да и какой ей быть. Отец по ночам рассказывал ей странные сказки и говорил, что девочка

развивается так, как он хочет. Сказки эти, в которых и волки, и зайчата, и бельчата мучились вопросами нравственности, выдумывал он сам. «Я не понимаю, для какой жизни он ее готовил, – говорит она. – В ее ли возрасте разбирать, кто прав, кто виноват, что добро, а что зло». Она никогда не забудет, как Сонечка ей однажды сказала: «Мама, ведь правда, что я умру? Правда-правда, я знаю. Только ты ничего не говори». И произнесла она эти слова с каким-то обреченным равнодушием. После этого Сонечка разложила свои книжки, игрушки и показывает, какие из них потом можно раздарить, а какие ни в коем случае нельзя трогать. Как-то она сидела над книгой, кстати, она свободно читает и пишет с четырех лет, и вдруг спрашивает: почему у Лермонтова такие грустные стихи? Галина ответила, что не знает. Сонечка помолчала, а потом говорит: «Наверное, у него тоже болело сердце».

Прощаясь, Галина взяла с меня слово бывать у них чаще. Ведь с того дня, как Сонечка со мной знакома, ее просто не узнать. «Как я поняла, – говорит Галина, – она готова доверить вам самое сокровенное. И, уж поверьте мне, постоянно говорит о вас. А когда узнала, что вы переехали на другую квартиру, пришла домой вне себя. Я напрасно пыталась ей объяснить, что вы нашли другую квартиру на соседней улице и можете без труда ходить к нам в гости. Так нет же, она за свое: “Не обманывай меня, мамочка, ведь я все знаю: он закончил учиться и уехал навсегда”».

Почти все свободные вечера я стал проводить у них. Обыкновенно они проходили так. Едва заслышав во дворе мои шаги, Сонечка – уже распустившийся в ожидании цветок – выбегала навстречу. Мать торопливо выходила следом и одаривала нас счастливой улыбкой, она радовалась столь чудному преображению дочери. Далее следовало обязательное чаепитие, мне же, как студенту, подавалось что-нибудь посуше, от чего я стеснительно отказывался, но меня и слушать не хотели.

За столом Сонечка рассказывала мне свои новости с таким волнением, что мать не делала ей замечаний и не заставляла доедать ужин. День ее, в течение которого она была предоставлена самой себе (вот уже два года как Галина оставляла ее одну: в детский сад она отказалась ходить), был насыщен маленькими, но значительными для нее событиями.

Ее рассказы всегда меня удивляли, за день она многое успевала узнать, за многим понаблюдать. Энциклопедия животных, тома которой всегда лежали раскрытыми на столе, открывала ей тайну жизни какого-нибудь зверька или птицы. Но более удивительным мне показался ее театр, устроенный в дальнем углу сада за разросшимися кустами крыжовника. Это был довольно просторный шалаш, сложенный из веток, там находились ее куклы. Перед ним низкий столик, служивший сценой, и одно старое плетеное кресло для зрителя. Куклы Сонечка смастерила и обшила сама, мать ей ни в чем не помогала. Дьявол и прочие чудо-

вища, вызванные на свет ее воображением, были вылеплены из глины и раскрашены черной краской, они представляли силы зла. А самые отвратительные существа, подло обманывающие добрых кукол, были подобраны из коряг, они должны были изображать уродство.

Герои этой сумбурной пьесы поведали мне о необычной судьбе маленькой девочки, которую преследовал дьявол. Я узнал, как жестока старуха-зависть, как отвратительны тетки-сплетницы и скряги-коряги. Больше всех страдала девочка-пастушка, отца которой погубило страшное чудовище. Она горевала по отцу, но жизнь на земле стала для нее невыносимой после того, как водяные существа сообщили ей, что она-де дитя небесное: ни отец, ни мать не родные ей.

Судьба ее на самом деле якобы такова. Как-то у отца небесного родилась дочь. Он бесконечно радовался ее появлению на свет. Но решил дьявол ему за что-то отомстить, погубив его единственное дитя. Какие только козни он ни учинял, чтобы выкрасть ребенка. Однажды это ему чуть было не удалось. Тогда отец небесный, боясь не уберечь девочку, решил спрятать ее среди людей. И вселил он ее душу в девочку, родившуюся в ту ночь в семье немого пастуха.

Прошло несколько лет. Девочка росла печальной, скрытной, казалось, земная жизнь ее тяготила, и людей она сторонилась. Она подолгу смотрела на ночное небо и вздыхала с тоской. И вот она узнает правду о себе. Теперь ей понятно, что за тоска мучила ее столько лет. Она неземная! В это она поверила сразу. Но почему ее не забирают обратно на небеса? Или о ней забыли? Может, опасность еще не миновала? Но теперь ей все равно, она сама вернется на небо, что бы ей ни грозило. Она так хочет, так хочет взлететь, что ее руки вдруг превращаются в крылья и уносят ее в небесные выси. Все завидуют ей, ведь она может летать, а им до конца своих дней суждено прожить на болотах.

Девочка была далеко, ее уже совсем не видно. Но тут подул сильный ветер, вокруг разом стемнело, появился дьявол. «Я знал, я знал, что она объявится!» – радостно закричал он. Он достал лук, вставил огненную стрелу и пустил ее в девочку. Стрела пронзила ее слабое тело, оно вмиг сгорело, и осталось от девочки маленькое серебряное облачко... С тех пор оно так и носится одиноко по небу без приюта: и на землю не может вернуться, и на небе пристанища не найдет.

Закончив свой спектакль, Сонечка улыбается сквозь слезы, я же почему-то опускаю глаза.

Наступил сентябрь, начало каникул в нашем институте сельского хозяйства. Как никогда в этом месяце установились хмурые дни, с пепельным без облаков небом. К полудню мутный круг солнца слабо желтел, слегка подсушивая землю после утренней мороси. Воздух ненадолго наполнялся запахом уходящего лета и резвым птичьим шумом. Но ближе к вечеру налетала огромная холодная тень. А сонные деревья,

мокрые лавочки, нахлобученные взгляды окон на улицу наводили уныние и неуютность. Говорили, что тепло еще будет, но в такую погоду в это верилось с трудом.

Вечером всегда в одно и то же время Сонечку можно было увидеть у дома. Она стояла в легком пальтишке и безразлично смотрела на улицу. Мои визиты к ним один-два раза в неделю стали привычными. Если я обещал прийти, то Сонечка дожидалась у калитки. Увидев меня, она слабо улыбалась. Это была даже не улыбка, а лишь ее обозначение чуть заметным вздрагиванием кончиков губ при полном отсутствии какого-либо выражения во взгляде. Ее руки и лицо побледнели, все чаще она вздыхала тяжело и глубоко. Она молча ходила по дому, без надобности трогая и переноса с места на место свои вещи. Неожиданно она могла спросить:

– А все люди знают, что они умрут?

– Знают, конечно, – отвечал я.

– Тогда почему все так?

– Что все?

– Ну, все...

А иной раз:

– Знаете, я хотела бы жить с мамой в лесу в маленькой избушке. И никого рядом... ну чтобы без людей, понимаете?.. а вокруг только одни зверушки. Я бы их кормила и приручала. Общалась бы с ними.

Я говорил, что нельзя так. Ей пора уже в школу. Разве она не собирается в школу? У нее появятся подружки, и все будет по-другому.

– Я не хочу, – отвечала она. – Я не хочу в школу.

Ее мать говорила, что жить так больше нельзя. Этот мрачный город губителен для ее здоровья. Она написала своей институтской подруге, живущей где-то на юге, что если она примет их на время, то они незамедлительно выехали бы, а там видно будет. Та телеграфировала, что ждет их, пусть приезжают, будут рады. Но Галину по каким-то причинам не отпускали с работы, она сокрушалась, что начальство не желает понять ее положения и удерживают без всякой надобности. Когда решение принято, то трудно усидеть и двух дней, не то, что два месяца. Впрочем, и дома надо как-то заняться – продавать ли его сейчас, или потом?

Настал день моего отъезда – неожиданно сократили период трудовой практики. Накануне я зашел к ним попрощаться и застал Сонечку в постели. Галина пожаловалась мне, что она ничего не ест, бывает, за день ни разу не выглянет на улицу, и завела привычку не отвечать, когда ее о чем-нибудь спрашивает. Я сказал, что на ее настроение, как и на мое, по всей видимости, влияет погода. Я обещал принести ей свои фотографии, среди которых было много детских, и они непременно ее позабавили бы. Не ожидал, что это ее так заинтересует. Какой же я

все-таки нехороший, что не сделал этого раньше. Я скорее, – понял ли я? – скорее должен их принести. И Галина обрадовалась: «Ожила наша принцесса. Счастье-то какое. Так когда вы уезжаете? Завтра хотите? После обеда? Так будьте любезны быть у нас с обещанным до отъезда. Иначе, сами понимаете катастрофа».

Утром я собрал вещи и отправился в аэропорт с тем, чтобы доставать билет. После этого я намеревался сдать сумку в камеру хранения и поехать к Сонечке с фотографиями. Но билетов не было на неделю вперед. Мыслями я был уже дома, меня ждали друзья, а могло случиться так, что я задержался бы еще на несколько дней. Тогда я обратился за помощью к своему знакомому, работнику аэропорта, и уже через несколько минут он предложил мне билет на утренний самолет, вылетающий через полтора часа. Я с радостью согласился.

О Сонечке я вспомнил только в воздухе. Не беда, подумал я, меньше чем через месяц я вернусь. Мысль, что через два часа я буду дома, поглотила все. Разве мог я тогда подумать, что в течение этого дня и, что еще большее осознавать, последующих дней, Сонечка стояла на улице и смотрела на дорогу в ожидании меня. И она не переставала верить, что я вот-вот появлюсь на пороге их дома, все плакала, плакала, а мать безуспешно пыталась ее успокоить...

Возвратился я в дождливый вечер. Когда я зашел в пустую квартиру, мне вдруг стало тоскливо и одиноко. И тогда я стал думать, у кого бы скоротать время до ночи. Разбирая вещи, наткнулся на фотографии и понял, где лучше всего провести этот вечер. Я пошел к Сонечке, несколько не надеясь на ее помилование. Наверное, как всегда, пожурит меня, помахивая тонким пальчиком: «Такой большой, а обманывает», думал я и торопливо шагал по улице.

В густеющих сумерках мелькали зонтики и тускло дымились желтые огни уличных фонарей, в окнах домов зажигался неприятный свет. На их улице было безлюдно, и только в одном месте мне попался старик в черном плаще с капюшоном, надвинутым на лицо. Лопатой он пробивал канавку, чтобы прогнать собравшуюся у ворот большую лужу. Он работал, разговаривая сам с собой. Я не мог разобрать его слов. Было похоже, что он сердито о ком-то говорит. Я почему-то остановился возле него и подумал, что мне, может, не следует туда сегодня ходить: поздновато уже, да и к занятиям завтра надо подготовиться. Но вдруг я услышал: «Так иди себе, куда шел, господинчик мой. А то усталый, видишь ли». Я улыбнулся на замечания странного старичка и пошел дальше.

Скоро добравшись, я откинул калитку и по скользким ступенькам, залитым косыми струями дождя, зашел в дом. В сенях находился соседский парнишка, который курил, выпуская дым в форточку. Он отчего-то вздрогнул и уронил сигарету в палисадник, куда сбивал пепел. Я весело поздоровался, но – заметив в его лице растерянное выражение, какого

никогда не замечал у беззаботного парня, – почувствовал, как мою грудь сдавило предчувствие беды. Вероятно, я все-таки издал какой-то невнятный звук, но он молча наблюдал за моей пыткой. «Да скажи мне, наконец, – проносилось у меня в голове, – что произошло, не мучь меня. Почему ты здесь? Кто нанес сюда столько грязи? Ей плохо? Что за сдавленные голоса в соседней комнате?..» Я спрашивал, но не издавал ни звука.

Я открыл дверь и прошел в гостиную. Там никого не было. Приглушенные звуки в спальне, куда дверь была плотно прикрыта, внезапно замерли. Я быстро осмотрел комнату, но не заметил в ней никаких перемен. Единственная перемена, которую я обнаружил мгновение спустя, была на портрете Лермонтова, висевшем между окнами. Почему-то я раньше думал, что взгляд его на этом портрете выражает холодное презрение ко всему. А теперь в этом взгляде искоса, чуть вздернутых вверх кончиках губ я нашел что-то насмешливое. Он как будто говорил: «А все живешь из любопытства: ожидаешь чего-то нового. Смешно и досадно!»

Неожиданно мне отказала решительность, с которой я вошел в гостиную. Мне вдруг стало тоскливо и неудобно, хотелось уйти, не видеть и не слышать никого, пусть все остается, как было. Сзади послышались шаги и затем появились две женщины. Я преграждал им дорогу в следующую комнату. Тогда я нетвердой рукой приоткрыл дверь и вошел первым. В углу комнаты, справа от меня, сидела Галина, рядом стоял высокий смуглый мужчина. В какой-то момент (возможно, это было уже потом) я подумал, что Сонечка на него очень похожа. Было в комнате еще несколько мрачных, потухших лиц. Увидев меня, Галина быстро поднялась и вскрикнула: «Нет больше моей Сонечки, нет ее больше со мной, – говорила она. – Мы только вчера ее... только вчера... Не успели вы к ней. Не дождалась моя девочка...» Она заплакала, и все заплакали вместе с нею...

Я пришел в себя только на улице. Дождь, кажется, усилился, но я его не чувствовал. Я шел, точно пьяный, время от времени останавливался и застывал, вероятно, в какой-то нелепой позе, затем, встрепенувшись, неуверенно продолжал путь. Я чувствовал в себе холодное и тупое безразличие ко всему. Но вдруг меня осенило: «Так ведь это ты виноват в ее смерти!» И будто бы мысль эта возникла не у меня, а кто-то мне ее подсказал. Я оглянулся и увидел старика в черном плаще. Лица его по-прежнему не разглядеть. Он указал на меня лопатой и сурово произнес: «Все ты! Это ты во всем виноват! Почему ты к ней тогда не пришел?» Я попятился назад: «Что ты говоришь, глупый старик? Я ни в чем не виноват! Я не мог этого предвидеть!»

Я развернулся и побежал, а старик, ковыляя, последовал за мной. Я хотел быстро от него оторваться и свернуть за угол, за которым был

дом, в котором я жил. Но я постоянно проваливался в глубокие лужи, а ноги едва передвигались по липкой, тягучей грязи. Он не отставал и все кричал мне: «Ты, во всем ты виноват! Не мог ты не подумать, что это ее может погубить!» Задыхаясь, я отвечал ему: «Замолчи, проклятый старик! Что ты говоришь?! Замолчи, прошу тебя! Как же мне после этого жить!»

Пробежав еще немного, я, кажется, упал без чувств. Когда глубокой ночью я открыл глаза, то оказался в своей кровати. «Значит, я уже давно дома, а старик мне приснился», – подумал я с облегчением. Но стоило мне заснуть, как он снова появлялся, старик гнал меня по безлюдной нескончаемой ночной улице и кричал: «Ты, ты, все ты...»

Пока жил в том городе, я часто навещал Галину. В последнее время ее трудно было узнать: поседел волосы, от потускневших глаз легли морщины, и лицо распухло от частых слез. Соседи видели ее мельком, никто из них не знал, как и чем она живет, все сочувствовали ей и не задавали лишних вопросов. Меня она всегда была рада видеть.

Несколько раз я был с ней на могиле Сонечки. Она выделяется среди других заросших и мрачных могил, находящихся рядом. Плита, низкое ограждение, рядом миниатюрный столик и скамеечка. Весной и летом здесь всегда растут цветы и зеленая шелковистая трава. Галина садится на скамейку и плачет. А я смотрю на нее и думаю: «Там, в могиле, вместе с Сонечкой захоронена и она, а здесь лишь тусклый призрак ее».

Иногда я вижу Сонечку во сне. Она предстает передо мной всегда в розовом платьице, в котором видел ее в первый раз. Она выступает из мрака и, неподвижно устремив на меня черные глаза, спрашивает: «Зачем появилась я на свет? Для чего жила? Скажи мне?» Я мучаюсь, не зная, что ей ответить. Затем она пропадает, а я просыпаюсь и чувствую на моем лице застывшие слезы.

ПОСВЯЩЕНИЯ

И. М. Мизиеву

Исмаил Мизиев воздвигнул уже при жизни исторический памятник не только себе, но и своему народу, который безмерно был благодарен ему за это и искренне его любил.

Расул Джампуев

За правду биться не боялся,
Твердя учёным разных стран,
Что скифы – тюрки, а балкарцы –
Потомки асов и алан.

Но, бросив степи и пустыни,
Услышав зов высоких чувств,
Летел домой крылатым сыном
Обнять седеющий Эльбрус.

Был спор земной горяч и долог,
Где плавился страстей металл.
С киркой, лопатой археолог
Истоки истины искал.

О, Минги-Тау, обитель нартов,
Где жил Дебет, кузнец и бог,
Ты горцу по фольклорной карте
Найти путь к истине помог!

Встречал в пути могучих братьев:
И киммерийцев, и алан,
И скифов, гуннов и сарматов,
И в поле половецкий стан.

И, песни слушая Эльбруса,
Где ас-аланов колыбель,
Историк с неизбывной грустью
На небо звёздное смотрел.

Судьба – слепа, хлебнул он горя...
Но жизнь до солнца вознесла
Того, чьё слово в жарком споре
Звучало клёкотом орла.

2018

Джудльбарс

З. Х. Толгурову

Стоит на краю Яникоя
В саду утопающий дом.
Живёт там Джудльбарс на покое
С глухою старушкой вдвоём.

Он вырос и жил на природе...
И помнит бывшее щенком,
Когда при ненастной погоде
Пустили подкидыша в дом.

На дряхлую эту овчарку
Глядеть невозможно без слёз.
Привёз ей хозяин подарки
И мясо, и кости привёз.

Хозяин – прекраснейший в мире,
Добрейшей души человек.
Живёт он в столичной квартире,
Где пса не пропишут вовек.

Джудльбарса счастливая морда
Глядела на добрых гостей.
По-волчьему держал себя гордо
И нос воротил от костей.

Мешает профессору вера,
Хотя, как Джудльбарс, одинок,
Забрав нечестивого зверя,
Впустить за домашний порог.

Хромая, нас ласково встретил,
Обнюхал спокойно, без зла.
А раньше носился, как ветер,
Гоня дворняжек села.

Кто знает, сам пёс захотел бы
Покинуть свою конуру?
Он зимние любит метели
И летнюю любит жару.

О, славная вольная воля,
О, юности крепкая стать!
Досталась печальная доля –
От старости псу умирать.

Они, расставаясь, глядели
Мучительно долго в глаза.
В их душах шумели метели,
Снежинкой горела слеза.

Задумчиво оба молчали,
Предчувствуя вечный покой...*
И сад под ветрами печали
Прощался последней листвою.

2009

* Через две недели Джудльбарса похоронили в домашнем саду.

Ученик Хайяма

Х. М. Тхазеплову

Рубил он рубаи упрямо
(Да пусть его продлятся дни!),
Хлестал вино, как три Хайяма,
И стал поэтом – Хасани.

Хасана слава – флаг отчизны!
Да пусть продлятся наши дни:
Не хватит нам, друзья, трёх жизней,
Чтоб прочитать все рубаи!

Построив памятник высокий
Из рубаи, а не камней,
Глядит с небес бессмертным оком
На суетящихся людей.

Он, проявив талант упрямства,
Взобрался на Парнас давно.
Друзья, простим ему хайямство:
Без нас с Хайямом пьёт вино!

И, переплюнув прыть хасанства,
Мы пригласим его на пир,
Где соберутся к нам на пьянство
Хайям и Пушкин, и Шекспир.

2015

Балагуры-шутники

*Владимиру Баккуеву,
Мухтару Табаксову*

Художник друга рисовал,
Что был большим поэтом.
Волшебник кисти рисковал,
Когда писал портреты.

Поэты – избранный народ,
Что ни поэт, то – гений!
Достигли творческих высот,
Теперь им нет сравнений.

Игриво вглядывался вдаль
Художник не напрасно.
Когда портрет свой увидал,
Поэт залился краской.

Смотрел с картины, щуря глаз,
Не сокол, сын народа,
А демон – лысый Фантомас,
Крылатый змей природы.

Сказал художнику поэт,
Что он – «маляр коварный».
Ему, смеясь, «маляр» в ответ:
– А ты – поэт бездарный! –

Друзья, довольные собой,
Смеялись, словно дети.
Легко со светлою душой
Шутить и жить на свете.

Друг друга любят шутники
И не бывают хмуры.
Остры хмельные языки,
На то и балагуры!

2016

Ода добрым друзьям

*А. А. Шаутаеву,
А. А. Чеченову*

Пусть славятся в народе меценаты,
Что щедро помогают мастерам!
Я в каждом вижу друга или брата,
Когда вторую жизнь дают стихам.

Как не отметить подвиг Адрахмана,
Издавшего «Балкарию» тайком?!
О, Шаутаев, ты герой романа,
Что непременно напишу потом!

И вышла в свет лирическая книга
О родине, о людях, о любви.
Даруя сладость вечности и мига,
Балкария зурной звенит в крови.

Живи и здравствуй друг из Кёнделена,
Не зная горя и страданий груз!
Мне в трудный час помог Алий Чеченов –
И воспарил «Крылатый мой Эльбрус».

Я стрелы слов для нартского народа
Оттачивал душой, как солнца луч.
Мой стих, борясь за правду и свободу,
Крылом разгонит стаи чёрных туч.

Наследники Кязима и Дебета,
Вам кланяются горы до земли
За то, что вы крылатому поэту
И родине любимой помогли!

Желаю вам удачи и успехов,
Пусть не скудеет добрая рука,
А слава повторяется, как эхо,
В народе оставаясь на века!

2017

Спор о языке

(басня)

*Михаилу Герандокову,
Мурадину Ольмезову*

Комар хвалил родной язык
На бреющем полёте,
Что он красив, богат, велик
И лучше всех в болоте.

Шумели оба до утра,
Вдали молчали горы.
Лягушка съела комара –
И прекратились споры...

Заквакала лягушка вдруг,
Вступая в спор, к несчастью:
В болоте нашем, глупый друг,
Никто не смел так хвастать.

Мораль сей басни такова:
Родной язык любите,
Но без лихого хвастовства,
Боясь других обидеть.

Знай, твой язык, комар-злодей,
Ужасней всех на свете!
Его не любят средь людей
И взрослые, и дети.

Слагаю оду языку,
Язык – душа народа.
Но побеждает на веку
Язык живой природы.

Твоё жужжание на «з»
Всем неприятно слушать:
Ослу, собаке и козе,
Но, жаль, не могут скушать.

Кричу на разных языках:
Боритесь за свободу,
Как это делали в веках
Кавказские народы!

Моё «ква-ква» ласкает слух,
И «эрь» звучит так сладко,
Что восхищаются пастух,
Коровы и лошадка.

Терпенью соплеменных гор,
Друзья, учиться нужно.
Считался лучшим с давних пор
Язык любви и дружбы!

2019

Родился 9 мая 1935 г. в селении Кызбурун 2 (ныне Исламей) Баксанского района. Окончил КБГУ, ветеринарный врач по специальности. Работал главным врачом колхозов «Восток», «Красная Кабарда», заведующим участковой ветлечебницей с. Исламей, республиканской Хеймашинской участковой лечебницы. Стаж по специальности – 40 лет. Очерки и рассказы пишу со школьной скамьи. Член Союза журналистов РФ.

СИЛА КАФЫ

Рассказ

Едва разлепив сонные глаза, я потянулся под одеялом, посмотрел на Асланбия – старшего брата, который спал со мной валетом, послушал, как он сопит, раздувая щеки подобно лягушке. Краешком глаза увидел в окне застывшие от мороза деревья, подумал, что в комнате холоднее, чем на улице, печка давно остыла... Мне надо выйти, но как это сделать незаметно? Деревянная дверь скрипит, будто жалуясь на старость. А если проснется Асланбий и заметит, что меня нет рядом, сам закутается в одеяло и уже не пустит обратно. Вот тогда волей-неволей придется разводить огонь в печи.

Я все-таки встал, осторожно приподнял дверь, чтобы не скрипнула, открываясь, вышел кошачьей походкой, сделал свои дела и вернулся так же незаметно. Только собрался юркнуть обратно под теплое одеяло, как раздался голос брата:

– Думал, самый хитрый? А я давно уже не сплю. Давай-давай, разводи огонь в печке, – приказал он, заворачиваясь в свое теплое одеяло. – Что, не нравятся мои слова?

Мне с трудом удалось удержать горевший на языке ответ. Вот уже месяц я развожу огонь в печи, а брат спокойно отдыхает.

– Наруби дров, – продолжал он между тем, – и разведи огонь, только не трогай кукурузные стебли, что в комнате. – Это он позаботился о себе, чтобы не выходить на улицу, когда наступит его очередь топить печь.

Делать нечего – старшему брату перечить нельзя. Но я позвал старшую сестру, которая спала в другой комнате, и сказал: «Леля, подними его, пусть затопит печь, я уже месяц делаю это за него».

– Почему вы каждое утро спорите и ссоритесь?! Неужели нельзя договориться? – прозвучал недовольный голос сестры. – Кто не встанет, того мы сегодня с матерью не возьмем в Лафишхабла.

И отец, и старшие – Ильяс и Менли – родились там. А мы, младшие, провели там свое детство, поэтому были готовы на все, лишь бы очутиться в этом селении у родственников.

– Правда, что ли? – недоверчиво потянул я. – Или обманываешь, чтобы мы встали?

– Конечно, правда. Как только Нану вернется домой, поедем.

Я знал, что мама отправилась навестить младшую сестру, рано утром, когда все мы спали.

– В общем, поскорее затопите печь, – сказала Леля, уже заправляя постель. – А потом я вас покормлю... хотите, сыграю вам на гармошке, спою, пока Нану не придет.

Все, что она обещала, было моей мечтой, но я – еще злой на брата – мстительно предложил:

– Леля, пожалуйста, давай не возьмем с собой Асланбиа.

– Не трогай его, – в тон мне сказала сестра, – раз не встает, значит, не хочет ехать с нами!

Брат мигом подскочил с постели. Так же быстро мы разожгли огонь в печи. В комнате потеплело.

В трудное послевоенное время селяне питались в основном тем, что дает корова, если она есть, кукурузной пастой, чуреком, кашей из кукурузной муки. Леля приготовила нам кашу, которую мы съели, запили беловатым рассолом из-под сыра. Наевшись досыта, послушные, убрали после себя стол.

Леля сдержала свое слова, мы вдоволь наигрались, наелись, но время шло слишком медленно. Сестра не пускала нас на улицу, было очень холодно, и мы глядели в окно на ворота, ожидая прихода матери.

– Ну почему ее так долго нет, может, нас обманули?..

– Почему вы так спешите, день длинный, придет, – успокаивала нас Леля.

– Какой толк, когда уже стемнеет. Вот всегда так, уходит и не возвращается вовремя, – жаловался я.

Но вот, наконец, мама пришла.

– Почему так задержалась, сказала ведь, что вернешься быстро, у ребят уже терпения нет... – с упреком сказала Леля.

– Ты что, не понимаешь? Гошагаг, ссылаясь на то, что я давно у нее не была, устроила угощение, – ответила Нану. – Ну а потом мы пошли навестить Китана, Муазина и Зайнаб.

– Понятно, всех своих сестер провела, – сказала Леля, глядя на понурых братьев.

– Пожалуйста, не тратьте зря время, давайте готовиться, – попросил я с нетерпением.

Нану ответила нерешительно:

– Все бы хорошо, но не поздно ли уже, да и холодно очень...

«Все! Приехали! – говорю я себе в душе. – Как же уговорить маму?..»

Мать прошлась по комнате в задумчивости, в нерешительности. Как только повернулась спиной к нам, Асланбий толкнул меня в бок и

шепнул: «Тебя мать больше всех любит, своего младшенького, давай проси ее, тебя она послушает».

Я, чуть не плача, стал просить: «Сколько раз мы ездили туда, и холодно бывало, и поздно, ничего ведь не случилось, давай, мама, поедем. Наш ослик – не ослик, а – как резвый конь – вмиг доставит, да мы и оденемся потеплее. Быстро соберемся и поедем», – повторял, как заведенный.

– Ладно, что с вами делать, – сказала Нану. – Одевайтесь, только потеплее, на ноги – чувяки, берите с собой побольше тряпок и обязательно палки, да и вилы прихватите на забудьте. На каждом шагу могут встретиться если не волки, то шакалы, которые рыскают по полям в поисках еды. Они так обнаглели, что даже заходят в село и нападают на скотину. Летом еще не так, а зимой, когда голодны, – злые, безжалостные. Если до ночи не доедем, то не сомневайтесь – можем с ними повстречаться, – с тревогой уверяла Нану. – А это, сами понимаете, очень опасно...

– Какие чувяки, – тихо сказала Леля, – мы ведь в селе собираемся на свадьбе побывать. – Она знала, что Нану не согласится. Я оказался умнее, послушался мать и молча надел чувяки.

– Леля, не забудь взять с собой гармошку, нас могут пригласить на свадьбу, когда узнают, что приехали, – волнуясь, сказал Харабий.

– Зачем в такой холод гармошка, – влез и я со своим мнением. Они меня ни разу не взяли, когда случались подобные события, за что я, собственно, и был обижен и зол.

Тут не выдержал Асланбий, он повернулся ко мне и прикрикнул:

– Закрой свой рот и положи в сани больше сена.

– Попробуйте на этот раз не взять меня с собой, я такое скажу, что мать потом не захочет вас брать никуда, – сказал я, восхищаясь своей дерзостью.

Мы положили в сани много мягкого сена и в полдень тронулись в путь – из Исламея в Лафишхабла.

Холодная погода нас не пугала. Ослик бежал весело и резво. Полуденное солнце светило ярко, но теплее от этого не становилось. Снег, выпавший накануне, гнул к земле деревья и кустарники.

Только мы проехали половину пути, как погода стала резко меняться. Солнце спряталось за тучи, все окутала серая мгла. Подул пронзительный ледяной ветер, который временами то стонал, то как будто плакал. Деревья скрипели, холодный воздух проникал сквозь одежду, вытесняя последнее тепло. А мы все ехали и ехали, как будто дорога становилась длиннее и длиннее. Такое впечатление, что топчемся на месте.

Ослик явно устал, от его резвости не осталось и следа. Мы проехали селение Хакашей, когда Асланбий и Харабий начали жаловаться на холод и боль в ногах. Перед выездом, тайком от матери, они обулись в выходные туфли, хотя им было сказано надеть теплые чувяки.

«Как хорошо, что я послушался маму», – подумал я про себя. Перед этим даже наголкал в чувяки мягкой травы, что меня тоже теперь выручало.

– Выйдите из саней и пройдите немного пешком, – посоветовала Нану. – Я же просила вас надеть чупяки, а вы вот не послушались...

Харабий и Асланбий пошли пешком, держа ослика каждый со своей стороны. Так мы миновали участок бездорожья.

Начало темнеть, занесенная снегом дорога и вовсе скрылась из виду.

– Неужели заблудились? – встревожилась Нану. – Мы ведь должны уже быть на месте. Ребята, быстро садитесь обратно в сани, – позвала она братьев. – Может, ослик сам выведет нас на дорогу...

Едем и едем, ни конца ни края. Избороздили все поля Лафишхабля. Волнуемся, кричим время от времени в пустоту, ни звука в ответ, вокруг только темнота и холод. А когда вконец уставший ослик довез нас до низины, послышался душераздирающий волчий вой. Я в одно мгновение очутился между Нану и Лелей.

– Вот трусишка! – издевательским тоном сказал Асланбий, а между тем он и сам уже трясся от страха. – Вот увидишь, что я с ними сделаю, пусть только подойдут.

– Посмотрим, какой ты сильный, – съязвил я.

Вой приближался, мы все тряслись от страха.

– Перестаньте! Сейчас не время шутить и ссориться. Все очень серьезно, это действительно опасно... – остановила нас Нану, а про себя думала: «Дай бог, встретимся с каким-нибудь путником, который нам поможет». Ей приходилось встречаться с голодными волками, и она знала, на что они способны. – Берите вилы, палки оберните на концах тряпками, да побольше, чтобы в случае чего поджечь их, – приказала она нам. – Пусть Харабий возьмет в руки вожжи. Асланбий, с палкой пересаживайся ко мне. Встретим серых как полагается...

Наша мать была крупной женщиной, сильной, как былинная Лашин. За что ни возьмется – быстро справится. Тем более, если бьется за детей, что добавляет ей сил, ни перед чем не остановится, даже если сама погибнет.

Волки приблизились к саням. На того, что был ближе всех к нам, Нану со всей своей злостью обрушила палку, обернутую тряпкой, уже плававшей. Волк резко отпрянул, затем приблизился к саням с другой стороны. И снова получил тяжелый удар. Не достигнув цели здесь, он начал атаку на ослика, но ослик, несмотря на усталость, приподнялся на задних ногах, а передние резко выбросил вперед, не подпуская волка к себе. Серый после двух-трех тщетных попыток решил вернуться к нам. Но наша Нану снова угостила его мощным ударом. Волк провалился в глубокий снег, задрал морду к небу и начал выть. Неожиданно появились еще три волка...

– О Аллах, сколько же их тут! Скорее, зажигайте другие палки! – крикнула Нану. – А вы подходите, ближе, – это уже волкам, – посмотрите, на что я способна!..

– Почему нас никто не слышит? Они же нас съедят... – с ужасом шепнула Леля, наблюдая за матерью и волками.

Сильно побледневшая Нану ответила спокойно, но со сжатыми зубами:
– Не бойтесь ничего, пока я жива, в обиду вас не дам...

Тут один из волков уцепился за потухший край палки и рывком потянул ее к себе. Мать не растерялась, схватила вилы и ткнула ему в морду. На снег брызнула волчья кровь.

Кое-как отдышавшись, мы снова тронулись в путь, оставив окровавленного волка за спиной. Вдруг мы поняли, что тряпок больше нет, поджигать нечего. А сзади снова появились волки, и теперь их стало больше.

– Снимите с меня платок и оберните вокруг палки, – раздается голос Нану.

Мы сожгли платок матери, потом наши шапки, все сено в саях, волки не отстают. Они окружили со всех сторон ослика, он уже и шагу не может сделать. Вдруг один из волков бросается на Харабия. Нану, заметив это, бьет хищника изо всех сил вилами, тот остается лежать на дороге. Асланбий тоже размахивает палкой. Волки останавливаются и отступают.

«Почему ты молчишь, в обычные дни твой голос за десять верст слышен, – шепчу я ослику. – Может, кто и услышал бы...»

Забыв про страх и усталость, мы с Лелей пытаемся «зарядить» палки тем, что под руку попало.

– О Аллах, и ни одной живой души вокруг, как будто все вымерли, – кричит Нану. – Давайте, я покажу вам, на что способна.

Она размахивает вилами и одновременно с тем следит за нами.

Воспользовавшись моментом, Нану с размаху втыкает вилы в горло вожаку стаи, который бросился на нее. Истекая кровью, тот падает. Остальные, оскалив морды, окружают сани.

Мы с Лелей начинаем плакать от ужаса. Вся надежда на мать.

– Не бойтесь, – успокаивает нас Нану, – может, кто и услышит, и заметит...

Несмотря на потери, голодная стая и не думает отступать. Два крупных самца одновременно нападают на мать, хватают клыками вилы и пытаются вырвать их у нее. И вырывают.

– Идите, идите, я вас и голыми руками...

Атаки волков все настойчивее, все яростней.

– Неужели нам всем суждено здесь погибнуть. – О-о-о, всемогущий Аллах, не дай погибнуть, помоги нам, – отчаянно запричитала мать, вся в слезах.

– Леля, бери гармонь! – крикнул вдруг сестре Асланбий. – Играй мою любимую кафу. Помирать, так с музыкой!

И, действительно, зазвучала музыка. Леля играла на своей гармошке кафу Курацы Каширговой...

В то, что случилось дальше, трудно поверить. Все волки, как по команде, застыли на месте, затем самый ярый из них с воем подбежал к каждому своему собрату, как будто пытался что-то сказать, затем сел,

не отводя от нас взгляда. Остальные тоже отступили от саней и сели рядом с ним. Все молча слушали музыку.

– О Аллах, что я вижу, тоба, тоба, как велика сила Всевышнего, – не веря глазам, говорит Нану. – Что случилось, что они задумали?

– Играй, играй, Леля, я думаю, они сейчас и танцевать начнут, – сквозь слезы шутит Асланбий.

Мы долго смотрели на волков и не знали, что думать. Харабий, поддерживая гармонистку, начал хлопать в ладони.

– Может, тронемся? – спросил затем маму. – Раз они успокоились...

– Нет, нет, подожди, – ответила Нану, не веря своим глазам. – Давай посмотрим, что будет дальше...

В это время послышался далекий лай собак. Волки тоже услышали его... и начали отступать. Вожак крутил по сторонам мордой, на которой было написано: «Нам здесь делать уже нечего...». Неожиданно в поле зрения возникла собака, огромная, раза в два крупнее самого большого волка, настоящий волкодав. Волчий вожак воспринял это появление как вызов и приготовился к схватке...

– Давай, Мышэ, – подбодрил волкодава подоспевший старик, но наша мама остановила его:

– Ради Аллаха, пусть не трогает, в них вроде что-то человеческое... они слушают кафу...

– Что такое вы говорите! – воскликнул хозяин собаки. – Это просто волки, звери!

Приняв слова хозяина как приказ к атаке, собака ринулась на вожака. Схватка была стремительной и страшной. То один, то другой оказывались внизу, снег окрасился кровью, они трепали друг другу загривки, пускали в дело когти, высекали клыками искры, наконец, волк выдохся и начал заметно слабеть...

– Что ты медлишь, беги, пока жив! – крикнула ему Нану, и – как будто до него дошли слова нашей матери – волк вдруг ринулся бежать.

– Я-то старался, спасал от волчьих зубов, а вы... – обозленно сказал старик. – Несколько дней назад они тут мужчину одного разодрали, а вы на ночь глядя выехали, да еще с детьми... Видно, в рубашке родились. Ладно, провожу вас до села. А к кому вы едете?

– К К-к-кардановым, – прошептала Нану еле слышно.

Когда нас встретил отец, наверное, у него было сильное желание отругать маму, но, увидев ее состояние, ее лицо, он понял, что здесь что-то неладное. Не мог он тогда знать, что творилось в душе Нану, что мы с ней пережили... Утром, бросившись в объятия матери, я заметил, как поседела она, как постарела за ночь...

КЛАССИК САТИРЫ И ЮМОРА

К 100-летию Х. М. Дударова

15 мая нынешнего года исполняется 100 лет со дня рождения известного кабардинского журналиста, писателя, драматурга, переводчика Хаути Мизовича Дударова. Х. М. Дударов – член Союза журналистов СССР, член Союза писателей СССР, заслуженный деятель искусств КБАССР. Его с уверенностью можно назвать классиком сатиры и юмора кабардинской литературы. Большой интерес у широкой читательской аудитории вызвали его книги «Мои усы», «Носатый», «Сатира и юмор», «Тройная радость» и другие, увидевшие свет в Кабардино-Балкарском

книжном издательстве «Эльбрус».

Дударов активно занимался и переводческой деятельностью. Им переведены и изданы «Повесть о греческом мальчике» Ф. Канонидиса, китайские сказки «Колокол», «Принц и нищий» М. Твена. Также из-под пера писателя вышли переводы произведений балкарских писателей О. Этезова, М. Геттуева, Ж. Залиханова, А. Теппеева, Э. Гуртуева...

Хаути Мизович по праву считается одним из основоположников кабардинской драматургии. Спектакли, поставленные по пьесам юбиляра, «Тайная свадьба», «Два соседа», «Буря» и другие шли при полных аншлагах. Они имели зрительский успех не только в родной Кабардино-Балкарии, но и в Адыгее, Северной Осетии, Карачаево-Черкесии, Калмыкии, Башкирии, Чечено-Ингушетии, Дагестане (в этой республике «Тайная свадьба» была поставлена в трёх театрах: даргинском, кумыкском и аварском). Театральные работники, прослышав о популярности пьес, сами обращались к автору за рукописями.

Писал Дударов и для взрослых, и для детей. Им написана и увидела свет книга «Сказки». В нее вошли сказки как народные в обработке автора, так и созданные им самим. Тепло были встречены зрительской аудиторией спектакли, поставленные по пьесам «Куйцук» и «Добряк и скряга», созданные по мотивам кабардинских народных сказок. В содружестве с композиторами Хасаном Кардановым, Билялом Каширговым, Беталом Пшуноковым и Владимиром Моловым юбиляр создал более десятка песен, ставших впоследствии популярными.

Творческое наследие Хаути Дударова не забыто и сегодня. Его произведения нередко звучат в средствах массовой информации в исполнении маститых актеров, их ставят на сценах театров.

Хамиша ШЕКИХАЧЕВ,
писатель

ПЕРВЫЙ КАБАРДИНСКИЙ ВОДЕВИЛЬ

На драматический небосклон Хаути Дударова вывела пьеса «Тайная свадьба». Хорошо помню, какой был вокруг нее ажиотаж: театральные и литературные критики набросились на пьесу и автора, утверждая, что это не художественное произведение, а легковесная, дешёвая комедия, которую вряд ли стоит показывать нашим зрителям. Какое непростительное заблуждение! «Знатоки» не могли правильно определить жанр произведения. Это был водевиль, и с данной позиции весь ход событий в пьесе оправдывался. Что отраднo, первый кабардинский водевиль. Это поняли в театре, поставили и не ошиблись. Пьеса имела огромный успех, она просуществовала на сцене нашего театра дольше всех других драматургических произведений.

Помню такой случай. Как-то мы с Хаути гуляли по парку и встретили писателя Аскерби Шортанова. Он от души поздравил драматурга и сказал: «Так держать!»

– Не знаю, Аскерби Тахирович, – ответил Хаути, – стоит ли писать после стольких критических высказываний в адрес пьесы?

*Конференция молодых авторов в Нальчике. 28 декабря 1947 г.
В верхнем ряду: третий слева – Хаути Дударов*

Слева направо: композитор Хасан Карданов, композитор Вано Мурадели, Хаути Дударов

– Знаешь, Хаути, я только что вернулся из Махачкалы. Кумыкский театр поставил «Тайную свадьбу». Народная артистка СССР Байрат Мурадова сказала мне: «За столько лет, что я играю на сцене, если и видела радость, сегодня – вторая». Она исполнила роль Быбы. Но дело даже не в этом, пьеса всем очень понравилась. Твори дальше, не слушай никого.

И драматург творил.

Работал много, самозабвенно, публика восторженно встретила вторую пьесу драматурга – «Два соседа». Она была эмоциональна, правдива. Зритель увидел на сцене две совершенно разные семьи, живущие по соседству, не похожие не только по составу, но и по воспитанию детей, по отношению к работе, мировоззрению. ...Вспоминаю такой случай, свидетелем которого я был. В одном из селений Урванского района кабардинская труппа Госдрамтеатра показывала «Два соседа». Во время спектакля мужчина лет пятидесяти, сидевший в зрительном зале, задетый за живое, резко вскочил и крикнул актерам: «Это все ложь!» Оказалось, он в местном колхозе работал кладовщиком. Комментарии, как говорится, излишни. Сидевший рядом со мной зритель шепнул: «Не обращайтесь внимания. Спасибо автору, в точку попал».

Следом появились новые пьесы Дударова, они с успехом шли на сцене Госдрамтеатра и сельских домов культуры: «Буря», «Куйцук», «Знахарка», «Добряк и скряга», «Миниатюры»... В папке драматурга остались непоставленные пьесы: «Ненасытная супруга», «Суд идет», «Зятя министра» и другие.

Сегодня можно много говорить о произведениях Хаути, о художественных достоинствах, стиле юмористических и сатирических рассказов. Но все это я оставляю на суд критиков и литературоведов.

Не могу точно вспомнить, кто именно, один из классиков русской литературы сказал, что писатель с черствым сердцем и грязной душой не может создать произведение, которое стало бы достоянием народа.

Все знакомые и друзья Хаути могут подтвердить – такой нежнейшей, чистейшей души человека трудно было найти. Его двухметровый рост соответствовал величине душе, доброте и человечности.

ЕГО ШУТКИ И САМ ОН БЫЛИ ОЧЕНЬ КРАСИВЫ

Хаути Дударов был большим человеком: и по росту, и по своей человечности. В его характере ощущалось что-то притягательное, и, конечно же, у него было много друзей, знакомых. Себя я тоже считал его очень близким другом. Могу сказать, что из наших поэтов и писателей, живущих в настоящее время, никто, лучше меня, его не знал.

Хаути Дударов с друзьями

Кроме того, я был хорошо знаком с его творчеством. Нет произведений Дударова, которых я не читал. За те немногие годы, что писал, он успел создать повести, юмористические рассказы, стихи, пьесы, сказки, песни. Хаути работал во многих жанрах и во всех добился успеха. Но больше всего он преуспел в жанре юмора и сатиры. Без всякого преувеличения могу сказать, что в адыгской литературе в этом жанре Дударов сделал больше всех. Именно благодаря его творчеству, я понял, что значит, когда мыслей много, а слов мало. У него было так много писательских находок.

В один прекрасный майский день появился на свет этот талантливый журналист и писатель и в такой же светлый день ушел от нас. Он был красив в своих делах и творчестве. Думаю, что имя Хаути Дударова еще долго будет жить в нашем народе.

*Валерий БАЛКИЗОВ,
актер*

ИЗЛУЧАЛ СВЕТЛУЮ ЭНЕРГЕТИКУ

Об этом человеке у меня остались самые теплые воспоминания. Хаути Дударов имел добрую душу, излучал светлую энергетику. Но особенно он запомнился мне тем, что беспредельно любил театр и актеров. К нам относился всегда по-отечески. К сожалению, мое поколение мало

обращалось к его творчеству, хотя его произведения одинаково интересны и для постановок, и для художественного чтения. Им присущ ярко выраженный адыгский колорит.

Юмор произведений писателя не злой, а добрый. Его внутренняя и внешняя красота всегда находила отражение в созданных им творениях. Помню, с каким удовольствием я играл в «Миниатюрах». Это была одна из первых моих работ в театре имени Али Шогенцукова. Она оставила глубокий след в моем творчестве и моей душе.

*Асламурза ГЕДГАФОВ,
журналист, писатель*

ИЗ-ЗА РУЛЯ – В ЛИТЕРАТУРУ

С лева направо: Б. Журтов, А. Шортанов, Х. Дударов, Х. Кодзиков

Мало кто помнит, что Хаути Дударов до того, как он стал на тернистый путь литературы и искусства, несколько лет работал шофером. Он, как и я, не попав на фронт по состоянию здоровья, был после изгнания немецко-фашистских оккупантов из нашей республики мобилизован на трудовой фронт и направлен на восстановление Тырныаузского вольфрамо-молибденового комбината. Перевозки, которые требовали особой деликатности по части обеспечения целостности и сохранности грузов или попутного решения каких-либо коммерческих, технических и прочих вопросов, поручались только ему. Он считал большим благом подставлять свои плечи тем, кто в этом нуждался: большим, бедным, детям, старикам...

Хаути часто мечтал вслух о более возвышенном поле деятельности: литературе, журналистике, педагогике, музыке. Мы, друзья, относились к нему с пониманием и пророчили ему прекрасное будущее.

Закончилась Великая Отечественная война, и Хаути, распростившись со своим американским грузовиком, уехал из Тырнауза, чтобы заняться литературой и искусством.

Много баксанской воды утекло с того далекого военного лихолетья, когда мы с Хаути в Тырнаузе недолго работали рядом, а вот то тепло, которое оставил в моей душе этот благородный, красивый человек, сохранилось и по сей день.

*Фатима ДУДАРОВА,
дочь*

ПАПА ЛЮБИЛ СОЛНЦЕ И ЛЮДЕЙ

*Уходят люди... Их не вернуть.
Их тайные миры не возродить.
И каждый раз мне хочется опять
От этой невозвратности кричать.*

Евгений Евтушенко

Трудно писать о самом близком, дорогом для тебя человеке. Когда не стало папы, я прочитала в газете некролог. Не знаю, кто составил текст, мне так и не удалось выяснить, но я читала и плакала. Этот человек очень хорошо знал моего папу. Особенно мне запомнились такие строки об отце: «Он любил солнце и людей». Это действительно так. Папа, как ребенок, радовался первым весенним лучам и дарил свое душевное тепло людям. К нему шли за помощью, за советом. Знали, что не откажет. Он не умел и не хотел говорить «нет». Папа был очень мягким человеком. Порой у меня вызывало недоумение, почему люди бывают такие злые, жестокие. Отец говорил, это все потому, что люди отвернулись от Бога. И я с ним согласна. Папа не являлся чрезмерно набожным человеком, но считал, в душе каждого всегда должен быть Бог. Слово «Тхьэ» он писал с большой буквы. Никак не могу смириться с тем, что глаголы по отношению к папе приходится употреблять в прошедшем времени.

Высокого роста, хорошо сложенный, аккуратный и со вкусом одетый, отец всегда привлекал внимание окружающих. Вещи он был вынужден приобретать в специализированных магазинах. Из-за двухметрового роста с ним приключались различные курьезы. Папа их описал в одной из своих книг, объединив под общим названием «Си иньжъ хьыбархэр» («Мои великанские хабары»).

Как и многие юмористы-сатирики, он был грустным человеком с известной долей иронии. Папа обладал философским складом ума. Его мысли отличались оригинальностью. Очень любил поэзию Востока, сказки народов мира. Говорил, в них собрана вся мудрость человечества,

*Х. Дударов в мастерской скульптора
Михаила Тхакумашева*

и в то же время они рожают фантазию, творческий посыл.

Папа был интересным собеседником. С ним можно было часами рассуждать о литературе, о жизни. Он рассказывал разные истории – грустные и смешные, многое знал об обычаях и традициях адыгов. Мой отец остро ощущал вкус жизни, любил розыгрыши. Какое бы ни было пессимистическое настроение,

папа умел поднять его, и жизнь снова сияла яркими красками.

Последние годы он тяжело болел. Когда ему было особенно худо, папа начинал еще больше шутить. И врачам, серьезно опасавшимся за его жизнь, едва удавалось сдерживать себя, чтобы не улыбнуться или не засмеяться. Как-то к нам домой пришла медсестра, она должна была снять электрокардиограмму. Пока прибор на ленте выдавал зигзаги, она задумчиво посмотрела в окно на тоскливое пасмурное небо и вздохнула: «Солнышка давно не видно». Как раз в это время поднимались расценки на электроэнергию, а папа ей в ответ: «Энергия же дорожает». Я смеялась, а медсестра, так ничего и не поняв, ушла.

Когда я и моя младшая сестра Зарема были детьми, папа рассказывал нам сказки собственного сочинения, которые потом вошли в книгу «Таурыхьхэр» («Сказки»). Мы их слушали по утрам, да-да, не удивляйтесь. Проснувшись, мы еще нежились в теплой постели. А в печке весело потрескивали дрова, и пахло смолой. И нам это очень нравилось.

Помню, какой огромный успех имела его первая пьеса, комедия «Нэчыхьгьтхь» («Тайная свадьба»). Вдохновил отца заняться драматургией и оказал ему неоценимую помощь известный талантливый актер и режиссер Мухамед Тубаев.

Папа был журналистом и писателем, но немногие знают, что он имел и другие способности. Он обладал редким голосом – красивым, сочным басом (три года учился в Ленинградской консерватории) и хорошо рисовал. Некоторые из его рисунков находятся в архиве.

В нашей семье мы храним светлую память об отце и дедушке. Нас не покидает ощущение, как будто из иного мира он посылает бесконечные творческие импульсы, словно частицы своей души он дарит нам – детям и единственному внуку Аслану.

Я пишу этот материал, и все новые и новые воспоминания набегают, как волны прибоя. А папа смотрит на меня с портрета с легкой полуулыбкой. Он всегда рядом, и как его не хватает, трудно передать словами.

ГОТОВЫЙ К УСЛУГАМ

Юмористический рассказ

Моя мама трудится на благородном поприще искусства: она – бухгалтер Дворца культуры. И сегодня к нам в гости пришли ее коллеги – директор Озроков, администратор Задумкин и гармонист Бацежев. За столом вместе с ними сидит, конечно, и мой папа – ведь он ба-а-альшой ценитель... искусства.

Пока мужчины произносят возвышенные тосты, мама, разумеется, хлопочет на кухне, дабы не иссяк поток горячих и холодных закусок, энергично поглощаемый четырьмя поклонниками муз.

Я выступаю в качестве мальчика на побегушках. У кабардинцев младший в доме, где принимают гостей, называется «бгошас». На русский язык это всеобъемлющее понятие перевести трудно. И сказать «мальчик на побегушках» – значит, все-таки оказаться неточным. Бгошас – это человек, стоящий наготове. Он должен угадывать желание каждого гостя и мгновенно его выполнять (подать, принести, отнести, налить, подлить и т. д. и т. п.). Я осуществляю связь между кухней и столом. Я молча несу службу у дверей гостиной, и мой вид выражает восторженную готовность ко всем услугам. Вот так, наверное, будет правильно: готовый к услугам.

Пока я размышлял над переводом, почтенная компания уже прикончила первую бутылку традиционного напитка, разогревающего кровь и будоражающего творческую мысль. Под звон бокалов взыграли тонкие струны поэтической души директора Озрокова.

– Ну-ка, сыграй нашу песню! – обратился он к гармонисту.

Бацежев вынул орудие своего искусства из облезлого чехла. Гармошка нервно взвизгнула, и три кита, на которых держится Дворец культуры, дружно грянули что-то отдаленно похожее на песню.

Если бы еще у гармошки не западали некоторые клавиши, а другие не хрипели, как от простуды, я бы, может, и получил представление о мелодии. Что же касается слов, то пели по-русски, и пели так громко, что в люстре мигали лампочки. Я бы, может, и уловил содержание песни, если б Задумкин не забегал вперед, Озроков не отставал, а Бацежев кое-где не вставлял бы по ходу кабардинские слова.

Я уверен, что отцу моему тоже не понравилась песня, сочиненная нашими гостями, но он, тем не менее, бурно им аплодировал и так расчувствовался, что даже вытирал слезы.

– Молодец, Бацежев, – говорил он. – Какую мелодию написал! Талантище!

Бацежев скромно потупился:

– Спасибо нашему директору. Он сочинил прекрасные слова...

– А Задумкин сделал отличный перевод на русский, – подхватил Озроков.

– Ну что вы! Моя заслуга невелика. Давайте выпьем за здоровье нашего замечательного поэта Озрокова.

Я быстренько открыл новую бутылку и наполнил рюмки.

Потом Озроков предложил тост за Бацежева. Выпили.

Потом Бацежев предложил выпить за «чистой души человека и талантливого поэта-переводчика Задумкина!». Выпили.

Я наполнял рюмки и откупоривал новые бутылки.

Пили за хозяина дома и за хозяйку, пили за дружбу, за литературу, за искусство. Даже за муху, которая случайно оказалась в рюмке Озрокова.

Я устал и проголодался. У меня подкашивались колени. Выбрав минутку, я ускользнул на кухню, чтобы хоть немножко перекусить.

Там я спросил у матери:

– И много они таких песен насочиняли?

– Нет, сынок! Это первая. Думаю, что успеют сочинить и вторую, ведь младшему из них не больше пятидесяти лет.

Я решил не возвращаться в комнату. А чтобы меня не могли найти, сбежал в кино.

Пришел домой поздно, когда гостей уже не было. Родители накинулись на меня за мою недисциплинированность. Слыханное ли дело: бгошас покинул свой пост!

Особенно возмущался отец:

– Ты опозорил нас, невежа! Как не стыдно! Из-за тебя специально устраивается вечер, приглашаются гости, а ты, ради которого они собрались, сбежал!

И тут я хлопнул себя по лбу. Ах, чёрт! Как же это я забыл, ведь сегодня мой день рождения, и мне исполнилось ровно восемнадцать лет!

Перевод М. Эльберда

БУХУТА

Сатирическая миниатюра

В одном селе жил мужчина, крайне неприятный тип. Был он маленького роста, но природа-матушка на этом не успокоилась и еще сделала его раздавшимся в ширину, поэтому сельчане и дали ему прозвище «Бухута». Опытный скандалист и склочник, мужчина являлся постоянным возмутителем спокойствия, за это его земляки недолюбливали, а он получал огромное удовольствие.

Однажды утром краешком уха Бухута услышал, что в сельском магазине со вчерашнего дня работает новая продавщица. Не мешкая, он отправился туда на «разведку».

В магазине за прилавком Бухута увидел Нальжан, односельчанку да к тому же свою дальнюю родственницу. Сначала он сделал вид, что очень обрадовался такому стечению обстоятельств. Даже при честном народе поздравил... на словах. Зато в душе у него была лишь одна грязь. «Сколько я инфарктом одарил, краса-ави-ица. И тебя непременно постигнет та же участь», – размышлял он с ухмылкой на квадратном лице.

И... начался диалог. Бухута с издевкой обратился к Нальжан:

– Голубушка моя, нет ли у тебя шампуров, на которых жарят сливочное масло?

А Нальжан его «штучки» отлично знала.

– Тха, Бухута, полно было, – «на полном серьезе» ответила девушка, – но они были очень некачественные: масло оставалось, а шампуры горели на огне. Шутка ли? Списали мы их, Бухута, и выбросили.

– Да ну?! – Бухута начал злиться. – А где их делали? Дай мне адрес.

– Они, Бухута, были местного производства, – спокойно ответила Нальжан. – Наш завод «Металлист» их выпускает.

– Ну, тогда, быть может, у тебя найдется сито для хранения воды? – спросил, нервно почесывая затылок, Бухута.

– Вай-вай, Бухута, дорогой! Какой же ты невезучий! – артистично всплеснула руками Нальжан. – Зашел бы чуточку пораньше и пошел бы домой с таким ситом. Буквально, перед твоим носом зашел контролер и забрал последнее, сказав: «Как обрадуется моя любимая женушка. А то наше сито прохудилось, вода из него вытекает».

– Ах, вот оно что?! – Бухута стал раздражаться сильнее. – Все решается по благу-свату. – И, не сводя глаз с девушки, продолжал: – А может, ты тогда мне взвесишь пять килограммов жаренных на оленьем жире гвоздей?

– Очень жаль, не могу тебя обрадовать, – Нальжан сделала грустное лицо. – Мы их еще не получили, Бухута. Гвозди в пути. Получим – сообщу. А пока перехвати у кого-нибудь взаймы.

Бухуту аж перекосило. Первый раз в жизни его так ловко обводят вокруг пальца. Неужели эта негодная девчонка сможет одурачить его?

Деланно испустив вздох сожаления, он произнёс:

– Ну что ж, Нальжан, лето началось. Пожалуй, я куплю пару сандалий на чугунных подошвах.

– Кого-кого, Бухута, но тебя я бы обязательно выручила! – мило улыбнулась продавщица. – Сожалею, дорогой родственничек, только что они закончились. Последнюю пару, буквально, перед твоим приходом надел наш директор и вышел по делам.

Бухута задергал плечами:

– Какое неслыханное хамство, еще директор называется. Может, драгоценнейшая, тогда я куплю в вашем магазине золотую шапку, в которой кипятят молоко?

– Вах-вах, Бухута, где же ты был до сих пор? – вроде как расстроилась Нальжан. – Вчера таких шапок у нас была целая дюжина, а сегодня ни одной. Вмиг разобрали. Ты же знаешь, какой это дефицит.

– Тоже мне дефицит! – с перекошенным от злобы лицом возмутился Бухута. – Это ты во всем виновата, продала близким родственникам, друзьям. Я... я... я... – все больше гневаясь, начал заикаться Бухута, – я буду жаловаться на тебя.

– Как тебе будет угодно, Бухута, – как ни в чем не бывало, продолжала улыбаться Нальжан. – Делай, что твоей душе угодно. Твои козни сельчанам давно известны.

Мужчина так сильно разгневался, что ничего не слышал:

– Тогда, – решительно сказал он, сжимая кулаки и размахивая руками, – попробуй не найди мне пять литров керосина на молочной сыворотке! По-про-буй! Я тебя в порошок...

– Зачем тебе такой керосин, Бухута? – возмутилась Нальжан. – Сыворотка дала брожение, и магазин чуть было не разнесло в клочья. Слава Богу, мы вовремя заметили неладное.

Бухута представлял собой жалкое зрелище. Он дрожал от сильного нервного напряжения, словно его било током.

– Тогда... тогда продай мне сапетку, в которой жарят лягушек, – еле выговорил он, стуча зубами.

– Ах, Бухута, Бухута, – продолжала искушать его Нальжан, оглядывая терпеливых покупателей, не без интереса наблюдавших за схваткой. – К-а-а-акие у нас красивые сапетки продавались, ну просто загляденье, а толку от них никакого. На огне сапетки горели, а лягушки живыми оставались и горланили знаменитую «Эй, ухнем!». А куда это годится? Разумеется, мы их заактировали и отправили обратно производителю.

– А-а-а-а!.. Тогда птичье молоко! – зарычал побагровевший Бухута и стал сильно заикаться. – Нет-нет-нет! Лучше дай жалобную книгу. Я тебе покажу, где раки зимуют!.. Нет-нет-нет! – зарычал он пуще прежнего, тараща глаза и прижав руки к груди. – И она мне не нужна. «Скорую»... Быстрее вызови «Скорую помощь». Сердце!.. Сердце!.. Ужасно плохо!.. «Ско-о-орую»!

И Бухута с рёвом рухнул на пол.

ОТРЕКЛИСЬ

Сатирическая миниатюра

Мы с Хачефом Хакаровым были давними друзьями. Но так сложилось, что наши семьи не были знакомы. И нами было решено исправить эту ситуацию. Первым инициативу проявил Хачеф.

В один из воскресных вечеров меня и мою жену Венеру Хакаровы пригласили в гости. В честь нашего визита была принесена в жертву курица. Гедлибже из нее получилось отменным. Стол ломился и от вкуснейших горячих и холодных закусок. Вдоволь наевшись, мы от всей души повеселились. Мажорным было настроение нашей компании при прощании. Договорились о посиделках в следующее воскресенье уже у нас.

Повторяться не стали, поэтому коронным блюдом у нас был закончивший жизненный путь с моей помощью гусь по-терски, с цыртом, как положено. Мы с женой лезли из кожи вон, чтобы нашим гостям было хорошо. А когда прощались, у обеих сторон вроде было мажорное настроение.

В третье воскресенье Хакаровы вновь нас пригласили в гости. Ставки росли. В нашу честь уже был зарезан огромный жирный индюк. Мы с женой наелись до отвала. Но, правда, когда мы прощались, мне почему-то показалось, что у жены Хачефа какое-то минорное настроение. С чего бы это?

Пусть даже так! Мы с Венерой по этому поводу не больно переживали, а думали о том, как в очередное воскресенье теперь уже нам не ударить в грязь лицом. На четвертом застолье Хакаровы угощались многочисленными блюдами, приготовленными из огромного жирного барана, зарезанного накануне. Обе стороны, не постесняюсь этого слова, так нажрались, что еле дышали. Но, когда прощались, у Зулифы, уже, без всякого сомнения, было минорное настроение, будто она находилась на похоронах близкого человека.

Меня мучил вопрос: «Почему Зулифа недовольна?». Наши взгляды встретились, и она будто прочла мои мысли. «Эй, хлопцы, – обратилась, гневаясь, к нам с женой Зулифа, словно перед ней стояли одни мужики, – вы хоть замечаете, что в последнее время мы только и тратим выходные на посещения друг друга и жратву. Мы настолько опустили, что уже позабыли про кино, театр, концерты. Да вдобавок ко всему перестали заботиться о своих семьях и детях».

– Болтай, что хочешь, Зулифа, – пытался я отшутиться, тем самым сглаживая углы. – Знай, что мы от вас не отстанем до тех пор, пока вы нас не пригласите в следующее воскресенье, зарезав по этому поводу бычка.

Моя жена поддержала меня, засмеявшись, и весело сказала вслед уходящей парочке: «Ждём приглашения! И ждём с нетерпением!»

Гостей мы проводили, и, заходя в дом, я вздохнул и с печалью в голосе промолвил: «После слов Зулифы вряд ли мы теперь дождёмся приглашения от Хакаровых».

И всё-таки в глубине души мы надеялись. Ждём пятое воскресенье. Осечка. Ждём шестое. То же самое. Плохо же нас знали Хакаровы, ой

плохо. Они что думают: мы лыком шиты?! Мы, значит, их бараном угостили, а в ответ что? Ни-че-го. В седьмой воскресный вечер мы с женой, как ни в чём не бывало, спокойно оделись и пошли к ним в гости.

Хакаровы, увидев нас на пороге, онемели от неожиданности. Недовольства нашим визитом скрывать не стали и даже не пригласили нас сесть. «Ну и пусть, – думаю я, – особого радушия не проявляют, но мы что не в состоянии сами «приземлиться». Не говоря ни слова, мы с Венерой уселись на диван. В глазах Хакаровых стоял немой вопрос: «Кто вас приглашал? Уходите немедленно!».

Сидим и сидим. Тем временем хозяева стоят над душой и молча бурвят нас глазами. Мы грустны, они чуть не плачут.

После короткого шушуканья Хакаровы удалились на кухню. Тут же до нас донёлся громкий звук разбиваемой посуды. Что это значит, мы поняли сразу, не носом воду пьём. Уходите, мол, пока не поздно. Но мы с женой с места не сдвинулись.

– Кажется, мы им жутко надоели, – шепнула мне жена на ухо. – Но пока они не вернут наш должок, я никуда не уйду.

Слышим, опять Хакаровы зашушукались. Наконец вернулись в зал.

– Хотела вам стол накрыть, – насупив брови и отводя взгляд в сторону, протараторила Зулифа, – да воду перекрыли. Но вы особо не расстраивайтесь, будет весело. Мы покажем вам неплохой концерт, приготовленный специально для вас.

И мгновенно, как по команде, хозяева включили на всю мощь телевизор, радиоприёмник и магнитофон. Но это ещё не все. На задрипанном аккордеоне Хачеф извлекал какие-то жуткие звуки, а жена брэнчала на рояле.

От этой какофонии у нас разболелись уши и голова. В довершение всего зарыдал ребёнок, замыкала кошка и залаяла собачка Жучка. В квартире стоял невообразимый шум, словно рушился белый свет. Мы с женой перепугались не на шутку, вскочили и давай убегать. Когда мы уносили ноги, вслед нам бросилась Жучка и покусала их.

Прошло много времени. Ноги свои мы подлечили, спасибо милым докторам. Но с тех пор мы с Венерой не переступили порог Хакаровых ни разу. Отреклись.

МАЛЕНЬКИЙ ДАДА И НАНА-С-НОГОТОК

Сказка

Как вы поняли из названия, так прозвали старика и старуху. Дед был маленького роста, а бабка и того меньше. Односельчане даже обращались к ним так. И они никогда не обижались. Эти прозвища к ним настолько приклеились, что даже дома, когда старик хотел позвать

старуху, то кричал: «Эй, Нана-с-Ноготок!», а она ему в ответ: «Что, Маленький Дада?»

Всю жизнь Маленький Дада был ужасно ленив, поэтому и беден. Он со старухой имел только перекосившийся дом, да и тот ему достался от родителей. Каждый день Нана-с-Ноготок бранила его. Но ругань старухи Маленький Дада будто не слышал. Даже был спокойнее медведя, на которого лает собака. Как только солнце начинало всходить и до самых сумерек Маленький Дада сидел, подпирая плетень, и чтобы чем-то занять себя, стругал палочку.

В один из дней, похожих, словно близнецы, Нана-с-Ноготок посмотрела на сидящего Маленького Даду, вечно стругающего палочку, и разошлась не на шутку:

– Бестолковый, несносный, Маленький Дада! За какие грехи мне достался этот лентяй! всю жизнь мы живём в нищете! Что ты за мужчина!

Услышав это, Маленький Дада разозлился еще больше, чем Нана-с-Ноготок: «Скоро ты узнаешь, что я за мужчина!». Он швырнул в сторону палочку и нож, вскочил и побежал со двора. Откуда только прыть взялась? Старик бежал очень быстро, словно лошадь, которой подпалили хвост. Старуха стояла, смотрела ему вслед и радовалась: «Наверное, мой дед не так уж и плох, как мне до сих пор казалось. Он обязательно что-то придумает, и мы разбогатеем».

Маленький Дада вернулся тоже очень быстро, словно и не уходил никуда, держа в руках плоский камень.

– Как быстро ты вернулся! Ну и где был? – спросила с удивлением Нана-с-Ноготок.

– На берегу реки.

– А что за камень у тебя?

– Как будто не видишь. Точильный, – ответил Маленький Дада.

– Зачем тебе точильный камень? – не унималась Нана-с-Ноготок.

– Чтобы наточить ржавый топор.

– Для чего тебе он острый?

– Пойду в лес и срублю кусты облепихи.

– Ну и что с ними будешь делать? – не успокаивалась Нана-с-Ноготок.

– Я посажу эти кусты по обоим склонам узкого оврага, по дну которого пастухи гонят отары овец нашего старого князя.

– Зачем?

– Овечья шерсть будет цепляться за кусты облепихи и застревать в их колочках.

– Ну и что дальше? – всё продолжала спрашивать и удивляться Нана-с-Ноготок.

– Как что? Ты свалешь из этой шерсти бурки.

– А потом?

– Бурки я понесу на базар и продам, – сказал Маленький Дада. – А на вырученные деньги куплю двух здоровенных бурых волов.

– О-о-о, кто бы мог подумать, – обрадовалась Нана-с-Ноготок. – Оказывается, ты – настоящий мужчина. Как хорошо ты придумал!

– Это еще не все, – начал хорохориться Маленький Дада.

Вдруг Нана-с-Ноготок перебила его и начала умолять:

– Очень прошу тебя. Позволь мне на арбе, запряженной волами, съездить к моим родным в соседнее село. Я так давно их не видела и очень сильно соскучилась.

Разгневался Маленький Дада:

– Клянусь небом, не позволю! Ты что, решила волов уморить?!

Сказав это, он выбросил точило, вздохнул с облегчением и, довольный собой, опять уселся стругать палочку.

ДУКА И МУКА

Сказка

Что может быть крепче дружбы? Любые расстояния ей не преграда. В противоположных концах села жили два старика – Дука и Мука. Дружили они чуть ли не с детства, и много лет ходили по проторенной дорожке друг к другу в гости. Дука был высокий – голова его пряталась в облаках, а Мука – низенький – еле доходил до пояса Дуке. Но, несмотря на это, они были закадычными друзьями и, если не виделись хотя бы день, очень скучали друг без друга. То Дука ходил в гости к Муке, то Мука – к Дуке. А занимались они вот чем: с утра садились за круглый треногий столик и пили чай с чуреками до тех пор, пока солнце не начинало прятаться за горизонт. Тогда гость вставал и уходил, а хозяин с семьей оставался дома. Так было всегда.

Как вы думаете, почему у Дуки и Муки была такая привычка? Очень тихо, чтобы никто не слышал, скажу вам по секрету: оба они были трусливы и боялись темноты. Но никогда не признавались в своей слабости. «Дука не подает вида, но я-то знаю, что он труслив», – думал Мука. «Мука, хотя и скрывает, по-моему, ещё трусливее меня», – думал Дука.

Однажды Дука гостил у Муки. Мука решил испытать друга. Но как же это сделать? И тут Муку осенило: «Я начну рассказывать длинную быль, Дука заслушается, тем временем настанет ночь».

Мука стал рассказывать, а солнце потихоньку садилось. Дука ёрзал на месте, а потом и вовсе вскочил.

«Я еще не закончил рассказ, а ты уже встал? – Мука удивленно поднял брови. – Разве есть такой обычай?» Дука смутился и сел. Мука продолжал рассказывать. Дука с трудом дождался конца были. И вот он отправился домой, а Мука пошел его провожать.

Осенней тёмной ночью старики медленно брели сквозь густой туман. Если бы даже им кто-то ткнул в глаз пальцем, они бы так и не узнали, кто обидчик.

Дука перепугался: «Как теперь я дойду до дома? Что теперь со мной будет? Вдруг меня волки разорвут». И не решаясь идти дальше, стоял и дрожал от страха. А рядом Мука, довольный, ухмылялся: «А Дука-то – трус».

Но Дука оказался хитрее. «Нет, Мука, не дам я тебе над собой издеваться», – подумал он.

– Мой старый друг! – начал Дука торжественно. – Бедный покойный отец знал быль, похожую на ту, которую ты мне сегодня рассказал.

– Правда? – спросил Мука.

– Пойдём, дружище. Ещё немного проводи меня, – сказал Мука, – а за это время я тебе расскажу.

И они пошли дальше. Когда Дука закончил рассказ, они оказались у ворот его дома. Теперь Дука радовался тому, что обманул приятеля. А Мука стал переживать и бояться возвращаться домой. Мука и вправду был трусом, но очень хитрым.

– Мой старый друг, – сказал он, – мой бедный покойный дедушка знал одну похожую быль.

– Правда? – спросил Дука.

– Пойдём, проводи и ты меня, – сказал Мука, – а тем временем я расскажу.

И они пошли в обратную сторону. Теперь Мука радовался, Дука переживал. Мука доволен, что обманул Дуку и заставил его идти назад. Дука снова начал волноваться: «Как я вернусь домой один?».

Когда Мука рассказал быль до конца, он оказался у своего дома. Что оставалось делать Дуке? Он опять пошёл на хитрость.

– Мой друг, – сказал он. – А мой покойный дедушка знал ещё одну быль.

– Правда? – спросил Мука.

– Идём же! Проводи меня, – попросил Дука. – За это время я тебе расскажу.

Пока Дука рассказывал четвертую быль, они дошли до его дома.

Так Мука провожал Дуку, а Дука провожал Муку, и встретили они рассвет посреди села. Мука рассказывал уже седьмую басенку, которую знал его покойный прадедушка. Но Дука перебил:

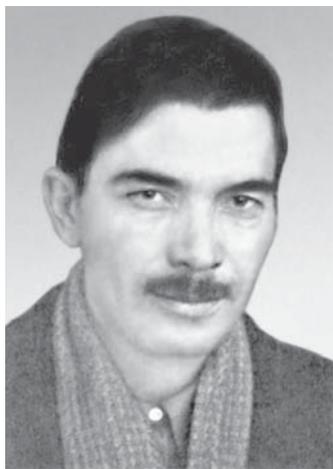
– Твоя седьмая быль уже не нужна, Мука, – сказал он. – Рассвело. Иди домой без боязни.

– Ты прав, солнце всходит, ты тоже не бойся, Дука, иди домой, – ответил Мука. Им было очень стыдно. Так, Дука узнал, что Мука – трус, а Мука узнал, что Дука – трус. Что оставалось делать Муке и Дуке? Они попрощались и разошлись в разные стороны.

Рассказы «Бухута», «Отреклись», «Маленький Дада и Нана-с-ноготок», «Дука и мука» перевела Фатима Дударова

КОЛЫБЕЛЬ МОЛНИИ

К 85-летию Ибрагима Бабаева

Ибрагим Бабаев

С каждым годом всё дальше и дальше от нас день ухода выдающегося поэта Кабардино-Балкарии Ибрагима Хизировича Бабаева. Его имя всегда будет ассоциироваться с любовью к родному краю, его природе, а самое главное, к его людям. Он остро чувствовал свою причастность к человеческой радости и печали, ко всему, чем жил и живёт его народ. И тогда, и сегодня потеря личности и творца такого уровня, такого масштаба – это тяжёлая, невосполнимая утрата для всех нас. Его яркий, добрый, человеческий образ, его незабываемые творения, обогатившие нашу культуру, останутся в нашей памяти, в памяти его благодарного народа и его взыскательных читателей. Перу Ибрагима

Бабаева принадлежат такие книги, как «Выхожу на дорогу», «Балкарская баллада», «Продолжение весны», «Родной камень», «Колыбель молнии» и многие другие. И в этих книгах перед нами в полный рост встаёт поэт, совершивший переворот в балкарском стихосложении. Ибрагим Бабаев пришёл в балкарскую словесность колоритно, ярко и с удивительно выразительным голосом. Не потому ли Кайсын Кулиев сказал ему:

*Стихи мои могли бы быть и краше,
Тобою восхищенья нет предела:
Ты – тот, с кем золотое слово наше
Ещё один барьер преодолело.*

Это строфа из стихотворения «Говорю Ибрагиму». И далее:

*В Чегеме дождь. В Холаме, верно, тоже.
Как дождь, твои слова свежи и новы.
Они с листвой, дождём омытой, схожи,
Но есть в них отсвет огненной основы.*

Как говорится, комментарии излишни. Новых книг Ибрагима Бабаева ждали, ждали нетерпеливо, и каждая из них становилась событием в литературной жизни республики. Кстати, читателя интересовали не

только авторские сборники Бабаева, но и его переводы – Ибрагим Хизирович занимался переводами системно, в профессиональном формате. С его лёгкой руки на балкарском языке заговорили Шекспир, Лорка, Лермонтов, Пушкин, Лопе де Вега, Шогенцуков, Кешоков, Есенин и многие-многие другие светила мировой и отечественной литературы.

Невольно приходит на память:

*Шагане, сен мени Шагане,
Шималдан болгъаным ючюннге,
Хапарын айтайым ёзенни,
Айттийген будайлы жерими,
Тюзлени айы жержюзюнде,
Шагане, сен мени Шаганем!*

Сохраняя образность и неповторимый вкус стиха, Ибрагим, словно на ладонях, преподносит своим землякам то или иное божественное творение, созданное на другом языке, другим поэтом, и оно становилось истинно родным, балкарским. Это именно та дорога, что ведёт в людские сердца, откуда и начинается бессмертие.

Ибрагим Бабаев – известный поэт, неоспоримое достояние современной балкарской литературы. Давно пришло время сказать во весь голос об удивительно скромном и искреннем человеке, человеке, душой и сердцем преданном поэзии и её идеалам.

Вопреки всем испытаниям судьбы, Ибрагим оставался неутомимым романтиком, влюблённым в жизнь и в людей. Около него невозможно было быть сухим и чёрствым, безразличным к окружающему миру. Все великое и бесконечно малое в груди Бабаева имело свою арену и достойно сочеталось с болью каждого живущего на этой земле.

Более тридцати лет тому назад Кайсын сказал в своей книге «Так растёт дерево»: «Я не раз писал, что считаю Ибрагима Бабаева лучшим из балкарских поэтов; начав печататься лет десять назад, он сразу же обратил на себя внимание, и вскоре мы убедились в том, что дарование его – явление незаурядное. Казалось, что у него ученического периода и не было, что первые же опубликованные вещи написал зрелый мастер – в чем же секрет? Только в таланте, который всегда в ближайшем родстве с мастерством. Только лишь талант всегда полон жизни и может применять приобретённое мастерство с истинной пользой.

Отсюда и содержательность стихов, их новизна, точный язык, свежая образность, неожиданные, впервые применяемые рифмы. Да, талант и мастерство гармонически слились в его стихах. И это даёт прекрасные результаты – в литературу пришёл ещё один большой поэт. Я вовсе не думаю преувеличить его значение в нашей поэзии, а пытаюсь точно определить его место в ней. Могу с полной уверенностью сказать, что ему уготовано одно из первых мест среди поэтов балкарского языка».

Слова Кулиева оказались пророческими. Да, Ибрагим Бабаев – один из самых лучших среди литераторов, пишущих на балкарском языке. По-отечески бережное обращение со словом, незабываемые образы, неповторимая музыка стиха, современная и вместе с тем отчужденная вековой традицией рифма, глубина мысли – это те компоненты, которые делали поэзию Бабаева уникальной:

*Так пусть же и ветер не дует мне вслед,
А дует в лицо, но не прежде,
Чем сам я, встречающий тысячи бед,
Пойду к освещённой надежде.
Я знаю: по тысячам разных дорог
Шагают идущие рядом.
Я камень и облако, снег и цветок
Окину внимательным взглядом.
Присяду на камень, достану перо,
Начну колдовать над словами...
Быть может, все то, что я видел, старо,
Но видел своими глазами.*

Блеск таланта Ибрагима Бабаева не ослепляет, а мягко освещает мглу нашего непростого времени. Глубоко мыслящий и чувствующий поэт всегда остаётся востребованным. Ибо его поэзия опирается на три столпа: любовь к родине, народу и отдельно взятому человеку, что определяет широту пространства его философии. А чувство времени придаёт всему этому объем в его эстетическом понимании.

*Моё слово должно до любого дойти:
Солнце светит для каждого склона,
А река, хоть и знает про горечь пути,
Все же к морю течёт неуклонно.*

Камни, скалы, тропа на склоне, трава в долине, снег вершин, колос в поле – всё для поэта Бабаева становится источником вдохновения – за каждым явлением природы стоит чья-то судьба и жизнь, чья-то боль и радость. Стихи Ибрагима, как и всякое настоящее искусство, умножают радость и смягчают боль. Они друзья читателя – надёжные, открытые, мужественные, как сам Бабаев:

*В этой жизни я лёгких дорог не искал.
Кто сказал бы: нет духа в парнишке?
Ведь войны с малолетства кровавый оскал
Стал мне ведом – и не понаслышке.
Этот огненный смерч, этот голод степной
Сиротой меня сделали круглым:*

*Ни отца и ни матери рядом со мной...
Жизнь пыталась загнать меня в угол!
Но я жив, и та память навеки со мной:
Рвут мне душу страданья ребёнка,
Что замёрз беспросветной военной зимой –
Только очи подёрнула плёнка.*

Ещё в далёкие шестидесятые годы Кулиев заметил: «Бабаев вырос не на пустом месте – он явился новым поэтом со своим образным миром, интонацией, стилем. У него и с самого начала редко, очень редко встречаются даже языковые промахи, что кажется почти невозможным для молодого литератора. О чем бы он ни писал, любая тема, любое жизненное явление, предмет, вещь в его стихах находит только одному ему присущее решение, отражение, краски, образное преломление, во всем сказывается его индивидуальность. Это и есть талант.

Талант – достояние не только того, кому дан. Он принадлежит всем, является национальным богатством. Об этом необходимо помнить, чтобы быть достойным своего дарования, чувствовать ответственность перед народом, который вскормил тебя, дал тебе язык – главное своё сокровище – вдохнул в тебя свои силы, мудрость, опыт. Талант, как горы и моря, как все большое, должен быть виден далеко».

*О небо! Ты всегда мне было близким,
Всечасно я с тобою говорю...
Вода судьбы иссякнет – ты хоть бликом
Вбери меня в вечернюю зарю.
Мне кажется она осенним полем,
Куда когда-то мать вошла с серпом,
Поэтому сложить стихи я волен
В вечернем свете поля золотом...
Поэтому Луну, что лишь восходит,
Скирдой я сделал, чтоб селу помочь;
Поэтому и голос мой походит
На тихий шелест поля в эту ночь.*

Исключительную самобытность и неизмеримый талант Ибрагим Бабаев пронёс через всё своё творчество. Он не искажил своего дарования ни фальшью, ни подражательностью. Бабаев, как великий художник, впитал в себя всю культуру своего народа – повторимся, сохраняя свою яркую индивидуальность творца и мыслителя. Каждое великое событие сравнимо лишь с себе подобным. Поэзия Ибрагима Бабаева, словно море, чем дальше мы от его берегов, тем больше пленяет его глубина. Не потому ли, посвящение Кайсына Кулиева Ибрагиму Бабаеву звучит как завещание:

*Гордись народ, гордись своим поэтом,
Чей тяжёлый труд, но истинно почётен:
Своим ты озаряешь его светом –
И смотришь на себя с его полотен.
Поэт, в твоей душе не тесно людям.
И звезды их – достойная награда:
Мы большего просить у них не будем,
Нам большего, по сути, и не надо.
Сегодня, отправляясь в путь-дорогу
Последнюю, тебе я молвлю слово:
Поэзии одной служу, как Богу,
Она – души нетленная основа
Я ныне её всю тебе вручаю,
Готовясь в путь, откуда нет возврата.
Поэзию тебе я завещаю –
Её мне завещал Кязим когда то...*

Сквозь пламя времён, словно младенца, Ибрагим Бабаев вынес самую чистую совесть, что, несомненно, является плодом только родной земли, и вынес он её на ту планку, на уровне которой все мы остаёмся людьми. Остаёмся терпимыми друг к другу. Человек жив, пока живёт его дело, стихотворец – пока читают его строки. В личности – социальной и творческой – Бабаева высокое достоинство и настоящий, природный гуманизм органично сочетались с высоким талантом, даром Божьим. И поэтому Ибрагим Хизирович остаётся для нас живым – как честь его и как совесть его:

*В теснинах гор и средь равнинной шири
Одну судьбу имеет человек:
Уходит он из мира, но навек
И честь, и совесть остаются в мире.
Не потому ли старый козерог,
Над бездной стоя, страха не питает,
А горные улары возле ног,
Посвистывая, камешки глотают?
Не потому ли небеса ясны,
И скалы высоки – не потому ли,
И на снега безгрешной белизны
Глядят спокойноглазые косули?*

МОЙ ПУТЬ

Не знаю, насколько он длинен, тот путь,
Которым пройти мне досталось.
Но это меня не тревожит ничуть –
Шагаю, забыв про усталость.

Пусть никого я не встречу в пути –
И мысли не будет вернуться.
Я верю: идушему надо идти,
А спутники сами найдутся.

Так пусть же и камень на тверди земной
Мне служит столом, но не прежде,
Чем будут стихи мои пахнуть землей,
Подобно рабочей одежде.

Так пусть же и ветер не дует мне вслед,
А дует в лицо, но не прежде,
Чем сам я, встречающий тысячи бед,
Пойду к освященной надежде.

Я знаю: по тысячам разных дорог
Шагают идущие рядом.
Я камень и облако, снег и цветок
Окину внимательным взглядом.

Присяду на камень, достану перо,
Начну колдовать над словами...
Быть может, все то, что я видел, старо,
Но видел своими глазами.

Всем тем, что я прожил, что сам испытал,
Делюсь я с читателем честно,
Стараясь всегда, чтоб другой не плутал
Дорогой, что мне уж известна.

Мой путь не из легких, но тяге назад
Я не поддавался донныне,

А люди порой мои строки твердят,
Не зная меня и в помине.

И все же я тверд, как чегемский гранит:
Уж если сверкнула зарница –
И молния вспыхнет, и гром загремит,
И дождь непременно случится!

Перевод О. Чухонцева

ЧТО ОСТАЕТСЯ?

1. Дыхание

В теснинах гор и средь равнинной шири
Одну судьбу имеет человек:
Уходит он из мира, но навек
Тепло дыханья остается в мире.

Не потому ли – тает снег весной
И веет ветер, влажный и могучий,
И плещут реки медленной волной,
И светит солнце, разгоняя тучи?

Не потому ли – зеленой земля,
Шумят дожди по пажитям прогретым
И расцветает, душу веселя,
Кизил благословенным белым светом?

2. Честь и совесть

В теснинах гор и средь равнинной шири
Одну судьбу имеет человек:
Уходит он из мира, но навек
И честь, и совесть остаются в мире.

Не потому ли старый козерог,
Над бездной стоя, страха не питает,
А горные улары возле ног,
Посвистывая, камешки глотают?

Не потому ли небеса ясны,
И скалы высоки – не потому ли,

И на снега безгрешной белизны
Глядят спокойноглазые косули?

3. Душевный трепет

В теснинах гор и среди равнинной шири
Одну судьбу имеет человек:
Уходит он из мира, но навек
Душевный трепет остается в мире.

Не потому ли – море глубоко,
Так высоки и так красивы горы,
И так в дубравах дышится легко,
И так степей размашисты просторы?

Не потому ль – прислушайся, замри! –
Так свищет соловей, не потому ли
Нежнейшим соком утренней зари
Так полнится река в моем ауле?

4. Отвага

В теснинах гор и среди равнинной шири
Одну судьбу имеет человек:
Уходит он из мира, но навек
Его отвага остается в мире.

Не потому ли – грозная скала
Идущих вверх остановить не может,
А тень едва заметного орла
Гладь ледника зеркального тревожит?

Не потому ль, когда среди костров
Спят путники, устав от перехода,
Для каждого из них как отчий кров
Со всех сторон стоящая природа?!

5. Печали

В теснинах гор и среди равнинной шири
Одну судьбу имеет человек:
Уходит он из мира, но навек
Его печали остаются в мире.

Не потому ли – так задумчив снег,
И так ветра осенние шумливы,

И так плакучи ивы возле рек –
О чем-то вечно плачущие ивы?

Не потому ли – полночь так густа
И так темнеет лес, не потому ли –
Летит и меркнет тихая звезда,
Как будто бы огарок там задули?

6. Стремленья

В теснинах гор и среди равнинной шири
Одну судьбу имеет человек:
Уходит он из мира, но навек
Его стремленья остаются в мире.

Не потому ли – нет покоя нам,
Всегда в дороге мы, всегда в тревоге –
Нет времени дать отдых скакунам,
Мы и пасем их тут же, у дороги?

Не потому ль – хоть далеко до звезд
И путь грядущий нам еще неведом –
Нам кажется, что небо – сенокос,
Где выпала роса перед рассветом?

Перевод Гл. Семенова

ПОЛНОЧНЫЙ ПУТЬ

О время, я тебе не изменю,
Хотя, быть может, безымянно кану.
Неважно, коль тебя я обгоню,
Но страшно, если от тебя отстану.

Я путник поздний и во тьме ночной
Иду один усталыми шагами
И думаю: «Не лучше ли домой,
Чем по тропе, не видной под ногами?»

Я слышу в тишине свои шаги
И знаю: позади лишь тьма клубится.
Смотрю вперед – там не видать ни зги,
Но я смотрю, чтобы с пути не сбиться.

Огни домов погасли вдалеке,
И только звезды светят издалека,
Но и они, висят на волоске,
Как чьи-то души, светят одиноко.

Признаться, мне далекий свет их мил,
Но мне милее темнота земная:
Я оступаюсь, выбившись из сил,
Но я иду, земли не проклиная.

Я выбрал путь полночный для того,
Чтоб встретиться в дороге с новым годом,
Чтоб не бокал я поднял в честь его,
А сердце, устремленное к высотам.

И в эту полночь перед новым днем,
И в эту темень перед новым светом,
Прислушиваясь, думаю о нем:
Куда идет он? Не за мной ли следом?

Или на грани будущего дня
Я сам иду за годом восходящим,
И знать не знаю – он ли сквозь меня,
Я ль сквозь него – идем за новым счастьем!

Перевод О. Чухонцева

БАЛЛАДА ОБ ОДИНОКОМ ДЕРЕВЕ

1. Смерть дерева

Над родиной Кязима, над Шики ¹,
На Иллячи ², что дружит с облаками,
Где туры, грациозны и легки,
Взбегают ввысь, роняя в пропасть камни, –

Там одиноко дерево росло,
Небесным светом крону омывая.
Чтоб было среди льдов ему тепло,
Заря его ласкала огневая.

¹ Шики – село в Холамском ущелье, в котором родился Кязим Мечиев, ныне необитаемое.

² Иллячи – скала в окрестностях Шики.

Под ним туренок пасся и играл
Среди цветов и радуг, словно в сказке, —
Он мать свою спокойно поджидал,
На белый свет взирая без опаски.

Но вот однажды лютая беда,
Кривые зубы яростно ощеря,
Ни жалости не зная, ни стыда,
Завыла среди мирного ущелья.

Крошился камень, словно кто толок
Его в огромной выморочной ступе...
Под ветром сжалось дерево в комок —
Вдвоем не уместиться на уступе!

Оно пружинит, гнется и кружит,
Борясь впотьмах с бескрайней пеленою, —
Туренок же от страха весь дрожит,
Решив, что это он всему виною.

А дикий ветер зверем выть горазд —
Вовек не слышать этакого свиста б!
Как льнет к скале отвесной скалолаз,
Так дерево цепляется за выступ.

Бьет град, ярятся буря и гроза,
И дерево все мечется, как птица...
Туренок озирается, дрожа, —
Среди листвы ему угроза мнится.

Рвет дерево лохматой кроной тьму
И, словно саблей, каждой веткой машет.
Туренок жметя — кажется ему,
Что дерево вот-вот его накажет.

Взбухает небо огненным бугром,
Что сгинет вмиг в хлопке, до боли звонком.
В Холаме не смолкает страшный гром,
Он словно бы хохочет над туренком.

Вдруг — дерево огнем поражено!
В него вонзилась молния внезапно.

Пылает жарким пламенем оно,
Как человек, утратив веру в завтра...

Туренок же по склону мчится вниз,
Спасаясь от огня и от разгула...
О, этот скальный выступ, что навис
Над скорбными руинами аула!

Он облакам и ныне шлет привет
От некогда здесь жившего Кязима,
Но дерева давно уже здесь нет –
Его до срока молнией сразило.

Оно не моет крону в синеве,
Не знает ветерка летучей ласки...
Вернется ли туренок, чтоб в траве
Резвиться среди радуг, словно в сказке?

2. Исповедь дереву

О дерево, сгоревшее дотла!
Всю жизнь свою ты было одиноко...
Хотел я оградить тебя от зла,
Да где мальчишке спорить против рока!

Я был тогда туренка не взрослей,
И мне скалой дорогу преградило.
Немало бед на памяти моей,
Дверь выбив, нагло в жизнь мою входило,

Одна из них изгнанием звалась
И всем казалась непреодолимой,
С тем временем навек разрушив связь,
Когда ты зеленело над долиной.

О дерево на выступе скалы!
Врагов и мне немало повстречалось –
Нахраписты, задиристы и злы,
Не ведали они про стыд и жалость.

Я, как и ты, лишался высоты,
Меня, клонили, гнули и ломали...
Те времена, когда шумело ты,
Уже давно, к несчастью, миновали.

Тебя хлестало градом и дождем...
Моя судьба легла с твоею рядом –
Я тоже был дождями осажден,
Меня хлестало тем же самым градом.

Под рокот бурь зеленую листву
Роняло ты – до осени, до срока...
Когда с трудом держался на плаву,
Я понял, как ты было одиноко.

Когда гремели грозные бои
И за утратой снова шла утрата,
Ронял я слезы детские свои,
Как ты листву зеленую когда-то.

Все вспоминаю: вспучившись бугром,
Огнем лиловым небо расколосось.
О, этот насмехающийся гром, –
Мне не забыть его надменный голос.

О дерево! Я дожил до седин,
Но о тебе все думаю поныне:
Ведь я и сам когда-то был один,
Чуть не сгорев дотла в чужой пустыне.

3. *Опасность высоты*

Я поднял ветвь сгоревшую твою,
В нее взгляделся с горечью и болью.
Погибло ты, о дерево, в бою,
И, кажется, – я тоже был с тобою.

Смотрю – моя обуглена ладонь,
Как будто ее молнией спалило...
Но нет, не мог всего пожрать огонь –
Не безгранична эта злая сила!

За что буран скрутил тебя тогда?
Среди камней защиты ты искало.
Взрастало ты у самой кромки льда,
Но этим не печалилось нимало.

Так почему ж ты стало горевать,
Что выросло других деревьев выше?

Я ветвь твою беру с земли опять...
О сердце, ради Бога, бейся тише!

Я думаю: ведь семя на скалу
Твое занес не кто иной, как ветер,
Но он же разметал твою золу...
Расти ты ниже – он бы не заметил.

Я думаю: ведь жажду утолял
Твою тот самый дождь, который вскоре,
Став ливнем, твою крону грубо смял,
Нещадно подмывая твои корни...

Когда б ты не росло так высоко,
То ветер не ярился бы так сильно,
И ливень перенесся бы легко,
И почва напиталась бы обильно...

Как больно было видеть твою смерть!
Когда дымилась крона голубая,
Я сам готов был в пламени сгореть,
Сочувствием к судьбе твоей пылая.

Когда летели искры в темноте,
Навек в ней исчезая, словно в яме,
Казалось, ты оплакивало те
Дома, что будут рушиться в Холаме.

С моими слезы смешаны твои...
Тебя сожгло предчувствие несчастья:
Был тот закат настоян на крови,
Что сделался предвестником ненастья.

Хоть ты на мир взирало с вышины,
А я был брошен в край тоски и жажды,
Своей земле остались мы верны,
И я сумел вернуться к ней однажды...

4. Потребность в высоте

Когда огонь не мог уже гореть,
Отчаянье душою овладело.
Как молния, моя сверкнула плеть,
И конь помчал сквозь полночь очумело...

Да, дерево сгубила высота.
Зачем же было так уж к ней стремиться?
Зачем расти, где рядом – ни куста,
Там, где нечасто встретится и птица?

Но если б не воздвигся гордый склон
Так высоко, на ветви б не садился
Величественный житель гор – орел,
Туренок под ветвями б не резвился.

Когда бы это дерево росло
Не на уступе скальном средь теснины,
Скорбеть о нем так чисто и светло
Сегодня просто не было б причины!

Перевод Г. Яропольского

РЕКВИЕМ

Светлой памяти отца

1-й голос

«Я вижу только сердцем. Сердце –
Глаза мои... Я вижу только ими», –
Так говорил отец мой перед смертью.

Уже почти слепой, он узнавал входящих.
Он так сказал, и вот в его глазах
Одна слеза возникла и исчезла,
Чтоб появиться на небе звездой,
Моей звездой,
Моей звездой Полярной.

И с этих пор его слеза стекает
С заката до рассвета по щекам
Ночного неба.
Катится слеза –
Моя звезда...

2-й голос

Я – обелиск!
Стою над землею, как тополь,

И в космос уходит вершина.
Небо – крона моя,
Небо – крона моя
С ночными листьями звезд...

1-й голос

Имеющий зреньё – да видит!
Да слышит имеющий слух!
А ты, обладающий речью,
Безмолвствуй,
Молчи!
Не слеп,
Не глух –
И разве нем я,
Когда молчу?..

2-й голос

Я – обелиск!
Стою над землею, как тополь,
И в космос уходит вершина.
Небо – крона моя,
Небо – крона моя
С ночными листьями звезд.
Жжет их скорбь матерей,
И они опадают к рассвету...

1-й голос

Когда обрывается жизнь
И возникает слеза,
При виде ее паденья
Седая осина дрожит.
Отвори свои веки, зрячий,
И промолчи...

Пронзительный бег слезы
Травы ночные колышет,
А камни все это слышат,
Но камень всегда
Молчит.

Когда обрывается жизнь
И возникает звезда,
При виде ее паденья,

Роня прозрачные слезы,
Безмолвные плачут березы,
И капли их сока
Тогда обращаются в звезды...

Когда обрывается жизнь,
Звезды и слезы на травы
Падают, словно росы,
А на пшеничных колосьях
Играют лучи.

Да видит имеющий зренье!
Да слышит имеющий слух!
А ты, обладающий речью,
Безмолвствуй,
Молчи!

2-й голос

У Вечного огня...
Есть в памяти
Незаживающие раны.
Здесь, как невесты в платьях траурных,
Печальны черные тюльпаны,
И пламенеют маки алые,
И не погасят их дожди.
И скорби музыка немолчная
В моей рождается груди.

1-й голос

О нет, я не глухонемой.
Но слышите ли голос мой?
Кровью сердца кропя,
Множатся сгустки боли.
Я сдерживаю себя
Усилием воли...

Я вслушиваюсь глазами
В мир, наполненный голосами.
Я новый язык творю,
Когда с тобой говорю,
Когда говорю, мой друг,
На языке своих рук.

Так дерево голыми ветками
Беседует с небом и ветрами...

О нет, я не глухонемой,
Но только с тобой, с тобой
Беседует голос мой.
Да не прикоснуться к тайнам,
Да не прикоснуться к тайнам
Слушателям случайным!
Да будет не тронута ими
Любимой моей имя!..

2-й голос

Я – обелиск!
Весною ранней
Однажды заживают раны,
И птицами цветов прекрасными
Тогда усеяны каштаны...

О птицы! Прилетите к людям,
Несите радостные вести,
И на проснувшихся деревьях
Фонарики любви развесьте:
Пусть пройдут по нашим улицам,
Как розы белые, невесты.

1-й голос

«Я вижу только сердцем. Сердце – Глаза мои.
Я вижу только ими...»

Так говорил отец мой перед смертью.
Так разве глух и нем он, если просто
Молчит?

Быть может, невыразимо
В слове его страданье...
Смотрите,
Но не видите.
Слушаете,
Но не слышите.
И называете даром речи
Этот пронзительный крик...

«Я вижу только сердцем. Сердце –
Глаза мои...»

Так говорил отец мой перед смертью...
Отец ушел. Так зимняя звезда
Во мрак ночей, в небытие уходит.
Но до сих пор еще дрожат осины,
Которых ты коснулась при паденье,
Звезда отца...
Слеза отца...

И если я когда-то позабуду
След той звезды, прочерченный в пространстве,
Я протяну свои большие руки
Туда, к воспоминаньям, и застыну,
Как дерево, которое ветвями
Пытается достать, отнять у ветра
Последние пылающие листья...

И вот тогда моя слеза блеснет.

Перевод М. Битокова

ЧЕРЕЗ СЕБЯ К СЕБЕ

Памяти художника и поэта Михаила Горлова

Тихо и совершенно незаметно для внешнего мира (появился только некролог в РИА КБР, написанный товарищами) завершил свой жизненный путь Михаил Горлов – народный художник Кабардино-Балкарии, уникальный мастер и оригинальный поэт. Жестокий трагизм его ухода еще больше подчеркнул ту драматическую ноту, которая неоднократно звучала на протяжении его короткой (всего 66 лет) жизни.

Мы знакомы были с 80-х годов прошлого века, но тесно сблизились летом 1994 года, когда был создан издательско-торговый центр «Эль-Фа». Автор этих строк долгие годы мечтал о собственном издательстве, но приблизиться к воплощению желания в реальность удалось только при помощи руководства республиканского полиграфического комбината имени Революции 1905 года. Была разработана огромная программа по изданию книг, составлен план, включивший в себя всяческую литературу: коммерческую, заказную, собственную.

Вышли первые книги, оформленные привлеченными художниками. И сразу стало ясно: издательству нужен профессионал, которому по силам разработать концепцию серий (именно в них предполагалось аккумулировать самые разнообразные произведения), серий оригинально оформленных, бросающихся в глаза, имеющих в силу сказанного перспективу долговременного издательского процесса и соответственно читательского спроса. Ведь как человека встречают по одежке, так и книжку по обложке.

Вышли первые книги, оформленные привлеченными художниками. И сразу стало ясно: издательству нужен профессионал, которому по силам разработать концепцию серий (именно в них предполагалось аккумулировать самые разнообразные произведения), серий оригинально оформленных, бросающихся в глаза, имеющих в силу сказанного перспективу долговременного издательского процесса и соответственно читательского спроса. Ведь как человека встречают по одежке, так и книжку по обложке.

Но где взять такого специалиста? Вспомнил про Мишу, предложил ему оформить многотомный сериал «Фатум», включавший в себя разделы «Детектив», «Фантастика», «Мистика», «Приключения», «Романтика». Не сразу все получилось, но ведь получилось! Миша втянулся в работу, смог внести в нее авторское видение, и через короткое время стало ясно: лучшего главного художника издательству не найти.

*М. Горлов.
Рисунок М. Кипова*

Семь лет (по 1999 год) мы работали вместе. За это время через руки Миши прошли практически все выпущенные «Эль-Фа» книги: более 40 томов сериала «Фатум», собрания сочинений А. Губина, Ш. Бронте, Ж. Бенцони; пятитомная «Энциклопедия здоровья», сотни заказных изданий...

Но, пожалуй, главным из них стала межнациональная серия «КЛИО» – «Кавказский литературно-исторический Олимп», призванная раскрыть глубокий творческий пласт как исторического, так и собственно литературного наследия коренных народов республики.

Удачно найденная аббревиатура серии нуждалась в соответствующем оформлении. Мы долго размышляли, каким оно должно быть – каждый предлагал свое видение. С чьим-то мнением Миша соглашался, с чьим-то нет. Спустя неделю он принес в издательство свои наработки. И стало ясно: серия должна быть такой и никакой другой. Обложка, решенная в темных тонах, с применением национальных орнаментов, выполненных в серебре и бронзе, рисованные форзацы, шмуцтитутлы, текстовые иллюстрации, заставки к главам, знак серии и рамки в полосе набора (большинство книг печаталось в два цвета) подготовлены были столь досконально, тщательно, что замечаний не последовало. А то, что книги оказались наполнены разножанровыми материалами, отразившими взгляд авторов прошлых веков на современную им историю, нравы, духовную культуру народов Кавказа, материалами, знакомыми лишь узкому кругу исследователей, сделала серию поистине событием общекавказского, а по большому счету – российского масштаба. Более 30 томов вышло в пяти разделах («История», «Литература», «Этнография», «Архив», «Библиография»), и каждый из них оформлен руками Миши.

Плодотворным было и наше сотрудничество в подготовке и выпуске независимого журнала «Эльбрус», который я стал выпускать в начале 1990-х годов. Его обложка, внутреннее оформление – видение Миши. Более того, к номеру за 1994 год (журнал стал ежегодным альманахом) прилагалась подготовленная им 32-страничная вкладка «Ретроспектива Ивана Шаповалова», в которой он в соответствии с темой емко прокомментировал знаменитые шаржи нальчикского художника. «Мысленно, – писал Миша, – я давно уже написал об Иване Шаповалове – человеке из времен, когда птицу в небо заставляли подниматься по лестнице. Художнике, рожденном с карнавальным восприятием мира. Ветеране подглядывания за карнавалом, которого он (как всякий художник, зарабатывающий своим мастерством), если не творец и соавтор, то, во всяком случае, чернорабочий».

Кстати, в этом же номере была опубликована статья Олега Борщаговского «...И книжному искусству вразумил. Графика визуальной поэзии Михаила Горлова».

Но в эти годы я узнал не только Горлова оформителя, но и уникального, самобытного поэта. Узнавание это началось с его книги «Человек-аэроплан», книги графической поэзии, издания, не имеющего, говорю это без всякого преувеличения, аналогов в современной российской поэзии. Сам Миша писал о ней так: «Мою книгу следует рассматривать как непрерывный поэтический текст, поскольку на сегодня поэтическим является такой текст, который автор считает поэтическим. Мою книгу следует рассматривать как музыкальное произведение, построенное на движении времени. Развороты страниц следует рассматривать как произведения живописи, где автор ограничивается оттенками черного и белого. Мою книгу следует рассматривать как отдельный жанр – первая книга».

Перед нами манифест автора, уверенного, что он творит нечто оригинальное. И книга репродукций авторских каллиграмм действительно получилась настолько оригинальной, будоражащей, что после ее прочтения (проглядывания?) рождается целый сонм эмоций – от восхищения тех, кто понял и принял, до неприятия тех, кто так и не разобрался в этом графическом хитросплетении букв и звуков.

А вот что писал о книге уже упоминаемый выше Олег Борщаговский: «Запись собственно поэтического текста становится у Горлова экспрессивным знаком самовыражения, знаком воздействия на адресата и реже – знаком, несущим информацию о предмете. Тем не менее, мы склонны определять эти тексты как каллиграммы, что, по определению Гийома Аполлинера, есть всеобъемлющая художественность. Каллиграмма у Горлова – один из инструментов воплощения режиссерского замысла в барочную архитектуру книги, композиция которой также строится по принципу каллиграммы. Знак каллиграммы побуждает читателя в какой-то мере к сотворчеству, выводит его из состояния пассивного восприятия. Нельзя не заметить приверженность художника опыту мастеров русского авангарда начала прошлого века. Здесь мы видим не скоропостижно, по внешним приметам, сработанный стиль, но именно тип художественного мышления, сформированный этим опытом. Эта в многолетних поисках отвоеванная свобода от какой-то одной традиции и направленность через себя, причастного ко многим культурным пластам, к себе, не помнящему никакого опыта, и оказались заявкой на подлинность художественного открытия».

Первое издание «Человека-аэроплана» вышло в 1990 году в количестве пяти сделанных вручную экземпляров, один из которых (четвертый) автор подарил мне. Второе (тиражом 2000 экземпляров), в 1993 году – уже в ИТЦ «Эль-Фа». Спустя несколько лет, в двухтысячных, в наше издательство зашли два немца, которые приехали в республику в поисках... снежного человека. И один из них – Вольдемар, увидел книгу Горлова, раскрыл и не мог оторваться. Что это, как это, почему так – то и дело спрашивал он. Его недостаточное владение русским языком не

позволяло понять глубинный смысл визуальных текстов, и, уходя, получив книгу в подарок, Вольдемар сказал: «Я обязательно прочитаю эту книгу. Я хочу понять, кто есть человек-аэроплан Горлов».

Где, в каких дальних германских краях сегодня эта книга – не знаю. Но знаю твердо одно: творчество Миши Горлова зовет к размышлениям, к работе ума, к пониманию, что визуальная поэзия может творить чудеса.

Именно как необыкновенное явление я рассматриваю выпущенную в 2004 году книгу Миши, которую он озаглавил «Рисунки и стихи». Перед нами потрясающие карандашные рисунки, сделанные на протяжении десятилетий, иллюстрирующие глубокие, тонкие, затрагивающие струны сердца строчки. В моем дарственном экземпляре книжки почти на каждой странице закладки: «Я с этой мыслью давно «на ты», / Время пришло, и она меня кормит, / Вот она: юность крадет цветы, / Зрелость выписывает по почте корни». Или еще: «А как посмотришь мир на поверку, / Судьба человека сплошной каприз: / Чем он упорнее лезет кверху, / Тем безнадежней спадает вниз». Или это четверостишие: «Как держаться на этой грани? / Это трудное ремесло: / Жить, когда ты все время ранен, / И считать, что тебе повезло!».

А вот и предчувствие своего конца: «Больницы – смесь казармы и вокзала, / Дождь переходит в первый снегопад. / От разгильдяйства их медперсонала / Во мне растет шукшинский «Психопат». Напомню, что речь в рассказе «Психопат» идет о непрофессионализме врачей, едва не сгубивших пациента. Герой Шукшина остался жив, а вот Миша, попавший в больницу с переломом ноги, заразился ковидом и умер.

Михаил Горлов был и потрясающим каллиграфом. В 1992 году прошла его персональная выставка, которая так и называлась «Каллиграфия», свидетельствующая об удивительном владении этим письмом, которое, как писал сам автор, является «материализованным свидетельством заложенного в человеческой природе когнитивного дуализма с его неустанным стремлением к истине и красоте».

К слову говоря, в декабре 2006 года в Москве в выставочном зале «Ходынка» состоялась Мишина выставка «Тексты», на которой были представлены «графические работы в жанре леттризма и графемной живописи – каллиграммы, шрифтовые композиции, рекламная графика». Для меня многие из этих понятий и сейчас непонятны, но знаю одно: это был поиск, поиск себя и своего места в искусстве, поиск, родивший большого художника.

А в 2013 году в Чебоксарах (в этом городе Горлов окончил художественное училище), в государственном художественном музее прошла еще одна его выставка. На которой был представлен, цитирую, «авторский проект «Апология белого» – открытое размышление на тему поэзии Геннадия Айги. Именно она для художника является причиной и следствием его творчества. Поэзия Айги представлена художником в

квадратных по форме белых композициях с абстрактными едва уловимыми человеческим глазом рельефами. Белые рельефы используются М. Горловым в качестве языка, которым пересказан индивидуальный поэтический почерк великого поэта. В последние годы жизни Геннадий Айги принимал непосредственное участие в разработке Михаилом Горловым будущего проекта «КНИГИ» поэта».

Свое каллиграфическое кредо Миша выразил в следующих строчках: «С чернильницей на шнурке и пером Рондо / Не думал, что доживу там до... / Опробовал – от шприца до швабры / Хотел храбрые жабры: / Между вдохом и выдохом линией дыша, / Лелею из перьев в себе ежа. / Такая трусость живет в отваге / Руки к перу и пера к бумаге. / От первой анкеты до эпитафии / Жить – урок каллиграфии».

Как ни печально, но именно до эпитафии... Михаил Горлов успешно выдержал этот урок. Он был удивительным мастером – многогранным, глубоким, оригинальным. Стоит взглянуть хотя бы на его живописные полотна, хранящиеся в Национальном музее КБР. Полотна, потрясающие своей глубиной, пронзительностью, ясновидением.

...Он тихо и незаметно ушел из жизни, которая мало его радовала, которая принесла ему множество горестных мгновений: в младенчестве умерли его мальчишки-двойняшки, трагически погиб взрослый сын.

Он ушел недооцененный, не услышанный; со своими бедами, печалью, тревогами, проблемами, которые никто за исключением супруги Надежды не разделил, не помог решить. Ушел со всеми своими болями, копя их в себе и не делаясь ими с другими.

Он ушел, оставив самобытное творчество, которое обязательно сохранит его имя в истории, культуре Кабардино-Балкарии. Ибо Михаил Горлов, как писал великий мастер Мухамед Кипов, «разноплодотворец; он в постоянном изнурительном труде. К чему он ни прикоснется – это важно, это ответственно. А прикасается Горлов ко многому: живопись и поэзия, скульптура и каллиграфия, книга и графика. И всеядность эта не от неразборчивости. Продиктована она богатством, многознанием и многоумием. Старатель он надежный. Он художник с особым славянским подвижничеством, требовательной любовью и сердитостью, но без беснования. У него искусство занимает такое место, как у Достоевского ошибка, у Толстого Бог, у некоторых власть, женщина или деньги».

Цитата (она из предисловия к книге «Рисунки и стихи») приводится в настоящем времени, а о мастере, как это ни больно, теперь мы можем говорить только в прошедшем.

Прости нас Миша, что мы это все не увидели, не поняли, не разгадали, не оценили...

Галина ТЕМИРЖАНОВА-ЕМЫКОВА,
филолог, автор 22 книг

Любая утрата вызывает чувство скорби у близких людей. Когда же уходят люди высокого интеллекта, она становится более осязаемой, масштабной и затрагивает чувства не только родных и соседей. Особое чувство боли и невосполнимости утраты вызвал уход Нурби Рашидовича Иванокова. Хотя он прожил достаточно долгую жизнь (92 года), его смерть ударила по сердцу всех, кто знал его.

В подростковом возрасте он попал на фронт, где познал ценность человеческой жизни и несоизмеримость ее с ценой Родины. После войны продолжил учебу в школе, Адыгейском учительском институте и затем – в КБГУ, который окончил с отличием. Окончив аспирантуру МГУ по русской филологии и защитив диссертацию, Н. Р. Иваноков посвятил себя преподавательской работе и науке. Его «Избранные труды», опубликованные в 2015 году, открыли новую страницу в этимологии не только адыгских языков, но и большой науки. Он владел не только русским и адыгейским языками, но также кабардинским, балкарским, немецким и польским.

Нурби Рашидович был безотказным по отношению ко всем – к нему шли с разными просьбами совершенно незнакомые люди, и никто из них не получал отказа. Его обаяние снискало ему любовь со стороны и коллег и студентов. Это был человек мудрый, сдержанный, высококультурный, ко всем доброжелательный и скромнейший. Каждый индивид обладает своими достоинствами, но в таком сочетании всего позитивного, как это было у Нурби Рашидовича, встречаются люди чрезвычайно редко. Поэтому неизбежна тоска от ухода из жизни таких Личностей.

Памяти Нурбия Иванокова

Я знаю: ты услышишь эти строки,
Хоть за тобой судьбы закрылась дверь.
Для этого кричать не надо громко.
Мы можем молча говорить теперь.

Исчерпаны для жизни этой сроки,
И в доме поселились грусть и тишь.
Мне б о тебе сказать высоким слогом.
Но и оттуда ты мне запретишь.

За этим дольным призрачным порогом
Течет иная истинная жизнь.
Туда идем по разным мы дорогам.
Кто в небо устремлен, а кто-то – вниз.

Как результат высокого прозренья
При поиске правдивого пути
Ты положил конец бесплодным преньям,
На родину ты нартов возвратил.

Остался навсегда в исканьях этих
След твоего пытливого пера.
Ты путь в этимологию разметил,
Постичь который не пришла пора.

Носители глубокого познания
Уходят, но возводятся дворцы.
И в этом новом многошумном стане
Нет интеллекта, только – простецы.

Вернется царство книг, воспрянут снова
Наука и культура, и тогда
Твои работы станут им основой
Полета мысли, творчества, труда.

Не уступая жизненным невздам
И памятуя про войну и дым.
Прожил ты все отпущенные годы,
Душою оставаясь молодым.

Всегда с тобой общаться были рады.
Ты был доступен каждому и всем.
Не ставил ты перед людьми преграды
И удалился ты не насовсем.

Родной для всех, приветливый и скромный.
Как будто ты и вовсе не ушел.
Настолько твой душевный свет огромен,
Что и оттуда греешь нас еще.

Мы все подвластны Божьей высшей воле,
Кто жизнь нам дал, назад к Себе зовет.
Сегодня как бы ни было нам больно,
Нас тоже ждет подобный перелет.

С таким охотно ходят на разведку.
И нам с тобою знаться повезло.
Жаль, что таких людей встречаем редко,
И потому терять вас тяжело.

7-8/2-2021

ЮБИЛЕЙНЫЕ «ЛИПКИ» В ЗВЕНИГОРОДЕ

За пандемический 2020-й мы привыкли к тому, что львиная доля мероприятий переехала в онлайн-пространство. Так случилось со Школой писательского мастерства – её провели для молодых литераторов Северного Кавказа на платформе Zoom в сентябре. А вот юбилейные 20-е «Липки», то есть Форум молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья, планировали делать в октябре того же 2020 года «по старинке» в оффлайне, то есть живьём. Вирус, конечно, вмешался, но Форум не увели в виртуальное пространство (этого боялись и не хотели и участники, и организаторы), а отложили до лучших времён. И лучшие времена настали в марте 2021-го.

Открылся Форум символично 21 марта, во Всемирный день поэзии. В конференц-зале пансионата «Звенигородский», в очередной раз ставшего домом для встречи поэтов, прозаиков, драматургов и критиков, организаторы и участники произнесли много важных и нужных слов, рассуждали о прошлом, настоящем и будущем русской литературы. Было традиционно зачитано приветствие президента Российской Федерации В. В. Путина, а также приветствия руководителя Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям М. В. Сеславинского, президента Российского книжного союза С. В. Степашина и председателя Российского исторического общества С. Е. Нарышкина.

Как бы пафосно это ни звучало, но Фонд социально-экономических и интеллектуальных программ во главе с Сергеем Александровичем Филатовым, в самом деле, вот уже два десятка лет не просто собирает молодых авторов и знакомит их с главными редакторами толстых литературных журналов, а даёт отличную стартовую площадку. Форумы для многих стали путёвкой в большую литературную жизнь.

В рамках юбилейного Форума работало 16 мастер-классов, в том числе несколько групп в формате онлайн для тех, у кого по разным причинам не получилось приехать в Звенигород.

В работе Форума приняли участие три представительницы Кабардино-Балкарии – Марина Мазуренко (Веда Вереск) и Елена Кодзокова с поэтическими подборками и Дарья Шомахова с рассказами. Елена Кодзокова стала одной из тех, кто принял участие в мастер-классах в режиме онлайн.

Дарья ШОМАХОВА

ВИНОВАТЫ НЕ ЗВЕЗДЫ

Рассказ

Вчера я случайно разглядела в небе Пояс Ориона вместе с Мечом и была безмерно счастлива. В этом крошечном городе ещё лет двадцать назад летними ночами Млечный путь можно было различить невооружённым глазом, а сейчас в безлунные ночи видно только крупные созвездия да Марс, Юпитер или Венеру, в зависимости от того, кто из них «подлетел» поближе, или оказался менее ретроградным, или от чего там это зависит.

Я, довольно дурной ребёнок, особенно для отличницы, всегда принимала Млечный путь за какие-то странные облака. И даже тот факт, что они каждую ночь одинаковые, меня не смущал. Тут ещё стоило бы сделать скидку на астигматизм, о котором я тогда знать не знала, но он был, и куриную слепоту, обеспечивающую меня зрением с эффектом цифрового шума в любое время суток, особенно в тёмное.

Тем не менее, звёзд было много. А в горах, как я выяснила в свое одиннадцатое лето, ещё больше. Казалось, в районе турбазы Чегем, куда мы с тренером отправились на восемнадцать дней, небо даже не лежит на зубастой вершине Тихтенгена, а серьёзно провисает почти до самой земли. Млечный путь, фалдами спадающий с одной стороны ущелья и прикрепленный грубыми стежками пролетающих самолётов к другой, только усиливал этот эффект.

Михалыч – наш тренер – учил находить ковшик Большой медведицы и кривоватую дабл-ю Кассиопеи. Прочие созвездия никак не задерживались в наших немытых головах (немытых потому, что мыть их на турбазе негде, в душ пускали группой раз в неделю, а мы ещё и стеснялись друг друга).

Когда я повзрослела, звезды стали интересовать меня исключительно с точки зрения резкости, iso и выдержки, а знания в области их имён, все эти годы топтавшиеся на месте, подросли и расширились. Позапрошлым летом мы впервые решились на ночёвку на плато Канжол ради фотографирования персеид. Эта самая первая поездка ознаменовалась разбитым телефоном – моим, двумя парами почти сгоревших в костре кроссовок – не моих, открытой зубами – не моими – фляжкой с коньяком. И рассказом Тимура, одного из членов экспедиции, о том, как его воруют пришельцы.

– Я тебе говорю, с самого детства так: прилетают, воруют, а потом возвращают обратно, – говорил мне Тима в третий раз.

– Это они зря, – я уже и фыркала, и хмыкала, и спрашивала, какой модели была последняя тарелка, но на эту фразу недопохищенный наконец-то обиделся.

Мне стало немного стыдно. Ясно же, человек шутит (наверное), а я вечно ворчливая и нетерпимая.

Вторая поездка пришлась на пик потока персеид и крайне неудачную фазу луны. Млечный путь не прошел и половины пути от горизонта к вершинам Эльбруса, когда огромный кусок светового мусора выскочил как будто прямо из-под плато Инал, и создал такой засвет, что из центра Нальчика мы бы, возможно, увидели больше звёзд.

– Да и фиг с ним, с вашим звёздным извержением Эля, – бурчала я. – В прошлый раз оно у меня вполне получилось. А то, что шума на фото много, так это разрешение не вывозит такие уровни iso. Машинка у меня та же, ничего не поменяется.

– Да что ты опять, как баба Даша, – бурчал в ответ Кантемир, друг и коллега по астрофотографии. – Лунный пейзаж тоже интересен.

– Да. Только он на Луне. А у нас просто засветка! Ладно, пойду переоденусь, может, в тёплой одежде мне будет легче смириться с этой белой гадостью.

В ходе поисков штанов с начесом я совершенно неожиданно для себя отключилась прямо на заднем сидении буханки. Практически не приходя в сознание, проложила между своей спиной и спинками сидений каремат, пригrelась и спала бы до самого утра, но когда в машину залезла жена Кантемира Карина, проснулась. Сон больше не шел. По раздражённому сопению Карины я поняла, что не одна не могу уснуть.

– Дует! – громко объявила она.

– Ага, люк днем открыли, чтобы мотор остыл, да так и забыли закрыть, – я прекрасно понимала, что мои логические выкладки ей до лампочки. Потому что мужчины, судя по храпу, благополучно дрыхли в палатке, а мы в неверном лунном свете и без отвертки всё равно не смогли бы водрузить крышку люка на место.

– А что это за звук?

Я прислушалась.

– Народу на Канжоле сегодня много. Может, опять музыку кто включил?

– Нет, как будто вой. Или гул.

Мы помолчали. Это, и правда, было похоже на какой-то гул, производимый крупной техникой.

– Как будто завод где-то.

– Ну на фиг, завод... тут до ближайшего жилья километров... – я замыкалась, пытаюсь припомнить. – Много, короче.

– Жутко.

– Ага.

Стараясь отвлечься, мы перешли на чисто женские темы – детские сопли, цвет содержимого подгузников моего годовалого сына, цены на эти самые подгузники. Минут через пятнадцать мы громко и увлеченно обсуждали схватки, проблемы лактации и послеродовую депрессию.

– Мне надо наружу, – посреди разговора объявила я.

– Зачем? Там холодно.

– Мать-природа.

Очки я решила не надевать, всё равно в таком освещении пользы от них никакой, но телефон вместо фонаря прихватила. Неизящно вывалившись из машины, я огляделась. В лунном свете поблескивали наши штативы и фотоаппараты, а прямо вдоль обрыва ходил кто-то в белом. Я помахала светящимся экраном телефона, подумав, что это Наталья Петровна, одна из наших попутчиц в этой поездке.

– Аккуратно, там обрыв, – сказала я.

То, что я приняла за Наталью Петровну, замерло, приобрело форму шара и поднялось чуть выше над землей. В таких случаях обычно говорят, я смотрела на него, оно смотрело на меня. Но объективно, хоть я и смотрела, толком ничего не видела. Физиология напомнила о цели моей вылазки. Я пожала плечами, повернулась к непонятной круглой штуке спиной и отошла метра на три. Когда я обернулась, никаких светящихся шаров (кроме Луны высоко в небе) видно не было.

– Да и шут с тобой, – сказала я вслух и потащила обратно к машине.

– Ты там чего так долго? – настороженно спросила Карина.

– НЛО голым задом пугала, – ответила я и вдруг начала ржать – с чувством и долго.

Успокоившись, я пересказала Карине, что произошло. До утра мы то хихикали над этой историей, полагая, что кто-нибудь из наших попутчиков признается, что это был он, то вспоминали байки Тимура и предполагали, что это его инопланетная команда прилетала провести со мной профилактическую беседу, чтобы я не обижала их товарища. А я умудрилась проявить вопиющее неуважение и к ним тоже.

С первыми лучами солнца мы выползли фотографировать Эль и рассказывать о моих ночных приключениях.

– А вот нечего было над Тимохой издеваться, – серьезно и крайне категорично объявил Кантемир, но потом не выдержал и сложился пополам от хохота. – Ты прям сорвала межцивилизационный контакт!

ДЮЙМОВОЧКА

Сказка

«Напишу книгу о своих путешествиях, – рассуждала Дюймовочка, глядя в окно на порхающих от цветка к цветку гигантских бабочек. – Наверняка, получится бестселлер. Чокнутая мамаша, укладывающая ребёнка-аллергика спать на ложе из цветочных лепестков. Жабы и жуки, одержимые желанием затащить несовершеннолетнюю девушку под венец. Полевая мышь, мечтающая сбыть её с рук, выдав замуж за старого слепого уроды. Прекрасная раненая птица, спасающая её от этого ужасного брака. И чудесная страна, где она встретила свою любовь. Потому что кому нужна правда?..»

Она встала и медленно направилась в комнату мужа. Бывший прекрасный принц лежал на низком топчане и, ковыряясь в носу, чиркал карандашом по потрёпанному листу бумаги с желтоватыми пятнами. Его некогда яркие крылышки выцвели и обвисли, левый усик, сломанный в пьяной потасовке, некрасиво торчал вбок, а блестящая лысина то краснела, то бледнела – горе-художник старательно тёр ластиком копытообразную загогулину, очевидно, неудавшуюся ногу. У стены стояла тощая грязная девица и стыдливо поглядывала поверх подрагивающего цветастого крыла.

Увидев жену, художник жестом указал ей на кресло, мол, садись и подожди. Дюймовочка послушно уселась. Кресло жалобно скрипнуло.

– Ладно, иди! – снисходительно махнул дрожащей рукой принц. – Дopiшу картину без тебя.

Девица облегченно вздохнула и выпорхнула из комнаты, пока мастер, не дай бог, не передумал. А Дюймовочка сидела и смотрела на того, кто когда-то казался ей самым прекрасным существом в мире.

– Знаешь, дорогой, я решила съездить в гости к маме. Ты ведь не против? – Дюймовочка заговорила быстро, не давая мужу первым завести разговор – того и гляди снова станет просить денег на вдохновение.

– Но я ведь не могу никуда ездить! – испуганно заблеял «дорогой». – У меня тут творческий процесс!

– А я разве говорила что-то о тебе? – можно подумать, этот его процесс крепко-накрепко приклеен к одной комнате. – Я еду одна.

Он даже не потрудился припомнить, что она не имеет ни малейшего понятия о том, где живет ее мать.

– Э... ну, поезжай.

Она брезгливо оглядела комнату, не останавливая взгляда на муже, и тяжело поднялась. Что делать с домом она уже давно решила. Если вдуматься, в пропахшей хозяйкой норе полевой мыши ей жилось гораздо лучше, чем здесь и сейчас с этим алкоголиком. Был ли крот тем

принцем, о котором она на самом деле мечтала? Может, тогда она зря так стремилась убежать? Она тряхнула сидящей шевелюрой, чтобы отогнать эти мысли. Что толку сейчас сокрушаться?

Она зашла в свою комнату, подхватила ещё вчера собранный чемодан и ушла. Закрыв за собой дверь дома, почувствовала такое облегчение, будто сразу превратилась в себя до замужества – маленькую, тонкую, изящную. До этого, конечно, было далеко. Но пока она не смотрелась в зеркало, вполне могла воображать, что сбросила лишние килограммы и годы вместе с грузом домашних проблем.

Вдруг солнце закрыла тень, поднялся ветер. Дюймовочка чихнула – с годами аллергия только усилилась. Пыльца, шерсть, перья, пыль, цитрусовые. А как ужасно она реагировала на амброзию! И какой идиот назвал это мерзкое растение так же, как пищу богов?

– Здравствуй, Дюймовочка!

– Здравствуй, Ласточка!

Назойливая птица, которую она когда-то спасла, не давала ей спокойно жить вот уже лет двадцать. «Её оставлю в живых, если не начнет сейчас надоедать воспоминаниями о приключениях молодости...»

– Эх... – томно вздохнула Ласточка.

«Начинается... – подумала Дюймовочка. – Неужели?» Она даже обрадовалась. Зачем ей лишние болтливые свидетели?

– Я вдруг вспомнила... – начала Ласточка.

В глазах Дюймовочки зажглись дьявольские огоньки.

– Что ты вспомнила, Ласточка? – опасно ласковым голосом спросила она, потирая руки.

Ласточка хмурилась, не замечая угрозы.

– Я? А что я вспомнила? О чем я говорила?

– Ты что-то вспомнила! – последовал раздраженный ответ. – Окончательно из ума выжила? Безмозглая куча перьев!

– А ты кто? – искренне удивилась Ласточка. – Кем бы ты ни была, мне пора домой. Я, кажется, забыла выключить газ на плите.

– Какой, к бабочкиной матери, газ? Какая плита? Ты живешь в гнезде!

– А тебе почём знать? – склеротичная птица смерила Дюймовочку высокомерным взглядом и гордо зашагала куда-то в сторону ручья.

«И дом у неё в другой стороне, и летать она почти не может...» – Дюймовочка тяжело вздохнула, опустила плечи и надолго задумалась. Затем, бросив чемодан, быстрым шагом направилась к пристройке, в которой жила прислуга.

– Эти несчастные люди ни при чём, – бормотала она.

Через минуту ничего не понимающие слуги, заваленные кухонной утварью, сундуками с драгоценностями и прочим, стояли ровной шеренгой перед нетерпеливо кусающей губы хозяйкой.

– Ребята, с сегодняшнего дня вы свободны. Живите, как хотите и где хотите. Забирайте весь этот мусор себе и проваливайте сейчас же. Никаких вопросов, возражений, предложений слушать не намерена.

Но спрашивать, возражать или предлагать никто ничего и не собирался. Радостные слуги бросились бежать врассыпную.

Выждав минут двадцать, Дюймовочка обогнула дом и подошла к окнам мужа. Тот громогласно храпел. Она с радостной улыбкой подобрала канистру с керосином, очень кстати оброненную кем-то из бывших слуг, и принялась тщательно поливать собственный дом горячим. Одной канистры не хватило, и в ход пошло спиртное из домашнего бара.

– Хорошо-то как! – воскликнула Дюймовочка и щёлкнула зажигалкой. – Теперь навещу старушку-мышь.

Зарево пожара было видно издалека. Утром пошёл дождь. Но к тому времени тушить стало нечего. Над мокрыми углями, бывшими когда-то жилищем Дюймовочки и её Прекрасного Принца, всё ещё поднимался дым. А худенькое создание с пёстрыми крылышками, всхлипывая, рылось в тлеющем мусоре, тщетно пытаясь отыскать обещанный великим художником портрет.

Марина МАЗУРЕНКО

Не забудь меня, сохрани меня:
В черноте смолы или под стеклом,
С железной иглой в позвоночнике,
Куклу Вуду.

Сохрани меня, чтобы выменять
На спокойный быт, на здоровый сон –
Превращать друзей в полночников
Я не буду,

Не осмелюсь выть, безобразно раззявив рот
Харей с картины Мунка в рамочной тесноте.
Поганый вывод – кто-то всегда умрёт,
А жить, по традиции, станут совсем не те.

Архивируй то, что считаешь мной –
Неприметный жест, тонкий голосок,
Чтобы пиксели не осыпались
Сухой побелкой.

Отряхнувшись, ты возвратишься в строй
Невпопад молчать и тянуть носок –
Черере простых неприметных лиц
Нужна переделка,

Переплавка/переработка –
В общем, что-то с приставкой пере.
Песня рвёт заражённые глотки
Оглушительным гимном зверю,

Но этому фарсу уже написали коду.
Если вязкие ноты обрушат над нами своды,
Если дрогнут все укрепления и мосты,
Исполняя чудовищный вальс без имени,
Я тебя сберегу, а ты –
Не забудь меня, сохрани меня.

Они уходят безвозвратно, в темноту,
Забыв закрыть чуть скрипнувшую дверь.
Упавших в пропасть не воротишь на лету.
Ты выживешь ценою полумер,
Вдыхая дым и выдыхая плач,
Отложишь на день свой поход к врачу.
Оденется в дешёвенький кумач,
Сползая вниз, подобное мячу
Скупое солнце штормового ноября,
Даря цвета увядшему лицу.
Фрегаты туч поднимут якоря,
И отплывут к последнему крыльцу,
Неся на спинах нерождённые слова –
Последний зов, твой бесполезный зов,
Всё, что не сказано, подумалось едва,
Врастает в небо металлической лозой.

Сквозь гнев и радость, немоту и суету,
Пылинок взвесь,
Уходит кто-то в ледяную темноту.
А ты всё здесь.

Река говорлива, тропа под ногой – узка,
Горная мать, меня не пойдут искать –
Могилой стал отчий дом,
Острогом – безликий дол,
Пора покидать гнездо.
Золу моего костра
Прочь унесут ветра,
Пурга заметёт следы,
Останется только дым.

Твой голос – обвал, камни – твоя броня,
Горная мать, ты сможешь меня принять?
Омыть ключевой водой,
Красной одеть рудой,
Сделать чужой бедой?
Отзвуки древних скал –
Воющая тоска –
Засели в моей груди.
Горная мать, веди.

У тебя всегда остаёшься ты.
Спасательный круг, страховочный трос, опора.
Если позволишь – в тебе прорастут цветы,
Или, быть может, снегом накроет горы.

Всё, что в тебе – список больших побед,
Не менее длинный перечень поражений,
То, что лечит тебя, то, что приносит вред,
Крепкий доспех, яркий значок мишени.

Миллиарды частиц сложили твои черты –
Ты появилась, без выкройки, без лекала.
У тебя всегда остаёшься ты.
Это не много, но и совсем не мало.

Узнавши профиль, ты изменишься в лице,
Любуясь на рубцы моих порезов.
Сквозь дымку на заплёванном крыльце
Входя в объятия вонючего подъезда,

Коснёшься старой, треснувшей стены –
Проверить нашу скучную реальность.
Есть вечер, холод, есть зачем-то мы.
Всё тошнотворно, скучно и нормально.

Враги? Знакомые? Забытые друзья?
Любимые? Любившие? Едва ли.
Нас обожгло, и сделать вид нельзя,
Что, как всегда, друг друга не признали.

Что не сбылось? О чём болит душа?
Неважно. Слишком поздно плакать.
Я отвернусь, ускорю нервный шаг,
А под ногой утробно чавкнет слякоть.

Грядёт ли буря? Всё решается теперь.
Позволь уйти, пока не тлеет порох.
Войди в подъезд, скорей захлопни дверь,
И отсеки возможность разговора.

Дом – лес

Загадаю на падающую звезду,
Чтоб дом мой был почти лес –
Зелен, огромен и свеж.
Коридоры – широкие тропы,
Меж тёмных стен –
Стволов ив и старых берёз,
Потолок весь, чтоб хмелем зарос,
Пропуская сквозь ветви вьюна

Редкий свет луча преломленного,
Цвета травы и распущенных васильков
От пола до потолка,
Переходя в стены арками
Закруглённых завитков,
Продолжая движение
Бесконечной спирали,
Перетекающей в лестницу,
Ведущую бог весть куда,
С окном-розой в самом центре,
Откуда будет видна
Новая падающая,
Но окрыляющая меня,
Звезда.

Чёрной плетью традесканции
повиснуть с треснувшего горшка.
высохшая,
замёрзшая,
неподвижная,
без твоего тепла,
безнадёжно немая,
почти мёртвая.

Белых солнечных зайчиков,
таких редких,
на листьях своих –
слов твоих из далекой Сибири
(на удивление солнечной,
когда у нас, на юге, всюю снег),
всем телом чувствовать,
ловить их ещё в полёте,
подсознанием и всем нутром,

и неожиданно для себя
ранним утром
оживать.

Печатает...

Как мало нужно человеку,
Всего лишь снова
Мельканье на экране слова
«Печатает...».
Как это трепетно и вдохновенно,
И нескончаемо заветно –
Мельканье одного лишь слова,
Не обещающего ничего.
Всего лишь действие. Однозначно.
Что человек живой,
И дышит так, как ты,
И думает, и, созерцая, внемлет.
И набирает текст.
Тебе.

Вино

Стоя на самом верху
шатающейся лестницы
(словно жизни своей
с тридцатой осенью),
в попытках дотянуться
до грозди винограда
(понимания тебя),
хочется верить,
что я не упаду.
И завтрашний новый день
будет без этой высоты,
неустойчивости и страха,
без лишних вьющихся побегов
(запутанности твоего ума и моего),
и без винограда,
который вот-вот начнёт портиться.

Только вино
(не то, что кислит от нехватки солнца,
и не то, что уксит, от избытка тепла),
зрелое, как наша жизнь,
красное полусладкое.

МУЗЫКАЛКА, МАМА И Я

Рассказ

Почему свои нереализованные мечты родители стараются воплотить в своем ребенке? А потом сами себя убеждают, что это только для их обоюдного блага и что живут они только и ради своих чад и их светлого, высоко и разносторонне образованного будущего. И, в основном, на этом попроще жертвоприношений искусству и науки преуспевают мамы и бабушки.

Я была жертвой такой нереализованной мечты своей мамы. И сначала это было испытание балетом.

При Доме культуры завода Севкавэлектрприбор, который в народе именовался проще – ДК при СКЭПе, открылась балетная студия, руководимая известной личностью в городе Нальчике – Пашетой Васильевной. Она воспитала немало талантливых балерин и танцоров для нашего республиканского театра и российской сцены.

Студия укомплектовалась очень быстро, и когда наша мама привела туда моего старшего брата, условия приема уже изменились, принимали только пары. Пашета Васильевна оценила данные брата: толстоват, но пластичен, и хотя мальчики всегда были в танцевальных коллективах в дефиците, вынесла вердикт:

– Будет пара – приводите!

– Пара есть! – поспешила заверить Пашету мама, имея в виду мою персону.

Меня никто, конечно же, не спросил, хочу ли я заниматься танцами, мамина незабвенная любовь к хореографии не допускала возражений и не требовала согласования, она просто сказала, что мы с братом будем ходить в балетную студию. И сначала мне все это понравилось, потому что мама сшила мне наряды для занятий – пачки со множеством слоев накрахмаленной марли (о фатине мы тогда могли только мечтать), белые тапочки с атласными лентами, которые обвивали ногу вокруг щиколотки, купила газовые банты, почему-то так назывались тогда капроновые ленты для волос. Позже, ближе к зиме, из Ленинграда пришли посылки с настоящими балетными туфлями и пуантами. Балетная обувь в то время была в дефиците, и то, что мы получили возможность её купить, стало радостным событием. Это, конечно же, получилось, благодаря обширным связям Пашеты Васильевны в балетных кругах Ленинграда. На занятия я ходила с желанием, и у меня всё получалось довольно неплохо, кроме парных танцев.

Приближался Новый год, и мы разучивали польку для утренника. Трам-тата-там-та-грам-там-там, до сих пор временами звучит мелодия в голове. Пары выстраивались за кулисами и с первыми аккордами в танце появлялись по очереди на сцене. С братом у нас пять лет разницы, он был высокий, крупный и, как уже упоминалось, упитанный мальчик, а

я – тощая маленькая бледная пигалица. В общем, пара еще та. В танце партнеры держат руки наперекрест, у нас, из-за значительной разницы в росте, получалась еще и диагональ сверху вниз, что создавало неудобство в движении. Синхронности тоже не выходило, мы наступали друг другу на ноги, причем мою оплошность брат и мало кто из зрителей замечал. Зато, когда брат наступал мне на ступню, обутую в тряпочный тапок, это было очень больно, сбивало ритм танца и портило настроение.

Занятия проходили на сцене ДК, в зале было холодно, отопление, если и было, то недостаточное для такого большого помещения, мы мерзли в своих тренировочных костюмах, а разогреться в танце получалось не сразу. Родители же сидели в зале в верхней одежде на протяжении всей репетиции, любовались своими чадами и были нашими первыми зрителями. Бывало, после репетиции мама подходила к нам с заплаканными глазами, а на наш вопрос, что случилось, объясняла, что вспоминала своё детство и занятия танцами в детском доме и во дворце пионеров до войны. И мне было сложно представить, как моя пышногрудая мама, с широкими бедрами, правда, с очень узкой талией, скачет в польке с каким-нибудь тщедушным мальчиком. Дома она давала нам советы, показывала те танцевальные движения, которые у нас не получались на занятиях. Но в квартире трудно было танцевать парные танцы, хотя наши два коридора можно было сравнить по площади с однокомнатной «хрущевкой», мы в них не помещались. Налетая в танце на стену, мы чуть ли не хором, смеясь, цитировали мачеху из старого советского фильма «Золушка»:

– Эх, королевство маловато, развернуться негде!

Оттанцевали мы в балетном кружке первый наш учебный год и ушли на летние каникулы. А в сентябре в нашу четвертую школу пришли тренеры отбирать ребят в секцию пятиборья и моего брата записали одним из первых. Обрадованный мальчик пришел домой и объявил родителям, что балетом он больше заниматься не будет, а будет заниматься конным спортом, стрельбой и бегом. Удивительно, но с ним никто и никогда не спорил и все его решения принимались и поддерживались. Мне же так не везло. Но в этом случае, рикошетом от брата, «повезло» и сестре.

Мои занятия танцами закончились. Меня не спросили, буду ли я ходить одна, просто тема была закрыта, так как сын решил прекратить занятия, дочь водить на СКЭП и тратить на это время никто и не собирался.

Но тут на первый план вышла следующая нереализованная мечта и желание нашей мамы: каждый советский ребенок должен заниматься музыкой и, желательно, играть на скрипке. И тут жертвой могла быть только я, потому что сынок перерос, да и не горел желанием заниматься музыкой, у него был в приоритете спорт.

Фиаско с устройством меня в английскую спецшколу, которое не так давно потерпела мама, должно было быть преодолено только путем

реализации следующей мечты, и этой мечтой стало определение меня в музыкальную школу.

Опять же, моего мнения не спросили, просто отвели в первую музыкальную школу на прослушивание. По заключению приемной комиссии, музыкальные способности у меня были: я точно воспроизводила мелодию на слух, выстукивала ритм, длинные пальцы имели хорошую растяжку, педагогам я понравилась. Но на скрипку и фортепиано набор был уже окончен, мы немного опоздали. Мама отправила меня гулять на улицу, а сама пошла вести переговоры, из которых ничего не вышло. Через какое-то время, а его я провела с пользой, обнаружив интересное помещение в цокольном этаже медицинского факультета университета, который располагался рядом со школой, вышла мама, взяла меня за руку и повела домой. По дороге она мне сказала, что я буду учиться играть на баяне, на что я выказала бурю возмущения. Я уже была настроена на фортепиано, представляла, как мне купят черный с бронзовыми подсвечниками инструмент, который я видела в комиссионке на базаре, и как я буду играть и петь романсы, а с горящих свечей будут стекать восковые струйки, образуя фантастические фигурки или струйки замерзшего водопада в горах, куда мы ездили на экскурсию...

Мы шли по улице Кабардинской, и мама рассказывала мне про то, как мечтала в детстве учиться музыке, представляла, как играет восхитительный своей зажигательностью «Чардаш» итальянского композитора Витторио Монти на сцене, но сиротство и война этого ей не позволили. Рассказала, что Монти стажировался у педагога, который был единственным учеником Никколо Паганини. Говорила, что умение играть на музыкальном инструменте открывает двери в мир прекрасного, представляет множество возможностей, делает человека умнее и подарит мне совсем другой круг общения. Правда, занятия музыкой – это большой труд, но он оправдается и вернется мне подарком во взрослой жизни. Я, конечно же, слушала, но была уверена (как и многие дети в этом возрасте), что это пустые уговоры взрослых людей, которые совсем не понимают, чего хотят дети. Не знаю, почему, но такие речи мне не очень нравились, я называла их «плести кружева». Наверное, потому, что они не превращались в мои мечты и были с весьма отдаленной перспективой.

Конечно, можно было попробовать пройти еще собеседование по классу фортепиано во второй музыкальной школе, которая располагалась гораздо ближе к нашему дому, но детские годы, проведенные мамой во Дворце пионеров рядом с первой школой, не допускали такого варианта.

На занятия я пошла, что называется, из-под палки. Инструмент мне еще не купили и уроки по специальности ограничивались занятиями в школе. Учитель мне достался молодой, это был первый год его преподавательской деятельности, он очень старался, но опыта еще не было, и я, учуяв его неуверенность, на уроках вела себя необразцово. Влюбить в

инструмент, увлечь своим примером, зажечь желание стать настоящим музыкантом у него не получилось, хотя он уделял очень много внимания и дополнительного времени каждому ученику, но, наверное, нужны были еще какие-то педагогические приемы.

С сольфеджио, хором, музлитературой и общим фортепиано у меня было много лучше, чем со специальностью. Я с удовольствием ходила на занятия, наклеивала в тетрадку портреты композиторов, записывала биографии, выискивала в энциклопедиях интересные факты из их жизни, пела в хоре. С музыкальным слухом и памятью у меня сразу сложилось все благополучно, так что по сольфеджио я получала хорошие отметки.

Общее фортепиано у меня преподавал директор школы, мягкий, спокойный человек с рябинками на лице, никогда не повышающий голос. Высокой требовательностью он не отличался и часто отвлекался административными делами во время урока, после чего долго настраивался на продолжение занятия. Так как расписание занятий было плотным, компенсировать пропущенное время не удавалось, и мой урок длился всего 15–20 минут.

Я шла на этот урок через весь город, я могла бы доехать до школы на автобусе, но мама этот способ передвижения почему-то не рассматривала. Кроме фоно, других предметов в этот день не было, и я проводила много времени, до и после занятий, заглядывая в окна цокольного этажа медфака, где располагалась анатомичка. Это таинственное помещение я открыла для себя еще тогда, когда мама, оставив меня одну у школы, пыталась выхлопотать мне место в классе скрипки. Запах формалина, правда, из открытых форточек шел малоприятный, но когда плотный круг студентов, стоящих вокруг стола, размыкался, можно было увидеть тело мертвого человека или его конечности.

Наверное, интерес к медицине был обусловлен постоянными разговорами и навязчивой идеей моей тети Раи, которая видела во мне только врача. Она всегда с сожалением говорила, что в семье нет доктора, никто из её детей и племянников не связал свою жизнь с медициной и я – её последняя надежда. Во времена дефицита литературы зарубежных авторов по самолечению и нетрадиционной медицине она аккуратно переписывала целые книги, делилась со всеми родственниками рецептами, все её письма были похожи на назначения врача, а в посылках она присылала разные настойки и сборы трав. Все эти записи потом были завещаны мне. Знала бы она, что в девяностые книги подобной тематики заполонят нашу страну и утратят ту сакральную ценность, которую она в них видела. Врачом я по многим объективным причинам не стала, но базу навыков в народном целительстве от своей тетки получила основательную.

Зачастую время урока уже подходило, а я все еще продолжала стоять на четвереньках и заглядывать в окно анатомички. Уже зная, где

я могу быть, директор выходил на крыльцо школы и молча наблюдал эту картину. Почувствовав на себе взгляд, я оглядывалась, вскакивала и, подняв с асфальта папку с нотами, опрометью взлетала по ступенькам и моментально оказывалась за инструментом. Кабинет директора располагался на первом этаже. На занятиях передо мной вместо нот вырисовывались картины увиденного в подвале медфака, впечатления были сильны, мешали сосредоточиться, и как только урок заканчивался, я отправлялась опять на свое место наблюдения. Или на развалины дома, разрушенного во время войны, остов которого находился сразу за музыкалкой и служил местом игры в войнушку местной ребятни. В итоге, из музыкальной школы я приходила домой всегда с опозданием.

Уже не помню причину, по которой баян мне купили только спустя месяца три после начала занятий. То ли денег не было, то ли были сложности, именно в поиске инструмента, не знаю. В выходные мы ходили в магазин «Мелодия», который был на углу проспекта Ленина и улицы Лермонтова, и присматривали баян, наконец, купили, но не в этом магазине. Он был хорошей фабрики, черный и немного на вырост. Я уже свыклась с мыслью, что пианино мне не видать, и с нетерпением ожидала свой инструмент. Почему-то он представлялся мне бордовым и перламутровым, но и тот, что купили, мне тоже понравился.

Мама подошла к делу со всей ответственностью, работала она в Горпромкомбинате Еврейской колонки швей и мастерски сшила на баян отменный чехол из темно-синей вельветовой ткани, все швы которого были отделаны рантом из косой бейки, с пуговицами в тон. Чехол выглядел лучше магазинного, что тогда было весомым критерием в оценке. Многие носили свои инструменты в абалаковских рюкзаках – символ туризма 50-х – 70-х годов, и, редко, – в специальных чехлах для баяна, которые достать у нас в городе было практически невозможно. Время было трудное, народ испытывал дефицит буквально во всем и старался восполнить его своим мастерством: женщины шили, вязали на спицах и крючком, перелицовывали изношенные вещи, перешивали из взрослого детского, дотачивали, украшали, как могли.

Но всё это – чехол, баян, красиво выглядело только со стороны. Тащить девочке на плечах этот груз было нелегкой и малоэстетичной задачей.

Собиралась в музыкалку я задолго до занятий, надевала новое платье, которое мама мне сшила специально для этого случая. Платье было очень красивое, темно-бордовое с длинным рукавом и удлинненной талией, юбка в мелкую складку, круглый вырез впереди украшали три крупные пуговицы. На эту красоту я водружала баян в чехле индпошива и отправлялась по заданному маршруту.

– Пойдешь через скверик, Крупскую (так называли в народе республиканскую библиотеку им. Надежды Константиновны Крупской), и дальше по Почтовой до Кабардинской, – говорила мне утром мама, уходя на работу.

– Какую Почтовую?! Мама! Это улица Ногмова! – с возмущением восклицала я.

– Ну и что, что Ногмова, для меня она – Почтовая, – спокойно говорила она.

– Ну и ходи по своей Почтовой, а я пойду по Ногмова, – воинственно заявляла я, уверенная в своей правоте.

Категоричность суждений уже стала чертой характера и правду-матку я рубила по любому поводу, что мне впоследствии добавляло в жизни проблем.

Мой путь в музыкальную школу начинался с поворота на улицу Толстого, потом – через сквер, расположенный между базаром и библиотекой. В сквере на центральной клумбе (это еще до того, как там установили монумент) росли потрясающей красоты чайные и бордовые розы, а по большому кругу были высажены розовые кустовые розы, похожие на вьющиеся, с густым дурманящим запахом, с порхающими над ними бабочками, пчелами и «бомбовозиками». Аромат от них заполнял все пространство, витал в воздухе и сопровождал тебя до самой Марии. Памятник царице Марии Темрюковне (дочь кабардинского князя, вторая жена Ивана Грозного) стоял на проспекте Ленина и украшал главную площадь старого центра Нальчика, был и визитной карточкой города, и местом встречи, а еще определением – «мы с Марии», всех живущих в этом районе ребят, и еще открыт он в год моего рождения.

Затем пересекала проспект Ленина, необыкновенно ровной линией упирающийся в снежные шапки горных вершин. Меня всегда поражали ровные, правильные, четко параллельные и перпендикулярные улицы нашего города, в котором нельзя заблудиться. Позже, блуждая в своих путешествиях по проспектам и улочкам разных городов, я всегда воздавала хвалу тем, кто распланировал наш Нальчик.

Минуя площадь, я выходила на улицу Ногмова и шла, заглядывая в окна домов, ставни которых были раскрыты и прикреплены к стене металлическими петлями. Если ставни на окне были закрыты, то я представляла, как они сейчас распахнутся и в окне появится бабушка-сказочница из фильма «Морозко» в причудливо закрепленном у подбородка платке. По Ногмова я шла почти без остановки, разве что задерживалась на углу Октябрьской возле сберкасы. Под ней, в цокольном этаже, жили люди, и было очень интересно мысленно проникнуть и в их жилище. Потом до улицы Кабардинской я уже шла, не останавливаясь, заворачивала направо, и тут начинались мои камни преткновения: детский парк с качелями и крошечным домиком, в котором был кружок «Умелые руки». Там учили делать искусственные цветы из бумаги и шелковых лоскутков, и даже ягодные корзинки из папье-маше; киоск, где пекли чебуреки; фотоателье и книжный магазин; потом – библиотека, кинотеатр Победа, павильон от ресторана Кавказ и ювелирный магазин.

Чебурек я покупала себе нечасто, так как карманных денег мне не давали (тратила все до копейки на ерунду, как говорил папа), но если была возможность съесть чебурек, то я подходила с ним к витринам фотоателье, ела и рассматривала каждую фотографию, размещенную за стеклом. Я знала все детали в одежде, каждый завиток в прическе, фон и антураж выставленных фото. Процесс изучения фотографий всегда растягивался до тех пор, пока на руках не удалялись следы масла, на котором жарили чебуреки. В народе его называли дизельным, так как заливали его в казаны утром и, не меняя, жарили на нем чебуреки весь день, иногда доливали. Цвет у масла становился черным, а вкус прогорклым, но на продажу и спрос это никак не влияло, соответственно менять технологию приготовления чебуреков никто и не собирался, а уж про канцерогены тогда никто и понятия не имел.

Избавиться от следов чебурека на руках было проблематично, так как подавали его в крафтовой бумаге, которая плохо впитывала и не была даже дальней родственницей традиционной или влажной салфетке. В ход шли все возможные средства, вплоть до поглаживания кустов буксуса и жасмина, росших вдоль ограды детского парка. Все старания привести руки в порядок предпринимались для того, чтобы зайти в книжный магазин. Это была сказка, и там работал настоящий волшебник.

Если карусель с деревянными животными в детском парке и работу мастериц кружка «Умелые руки» я могла пропустить, то визит в книжный – никогда. Я подолгу стояла у прилавка, рассматривала книги на полках, слушала интересные разговоры директора магазина с завсегдатаями. Иногда я до конца не понимала, о чем речь, а иногда было так интересно, что, заслушавшись, опаздывала на занятия. Бежала по Кабардинской, а баян больно бил по спине, как будто наказывал меня за несобранность и неуважительное отношение к инструменту. После занятий я опять заходила в книжный магазин, разглядывала корешки книг, пока не раздавался сдержанный голос директора:

– Иди уже домой, деточка.

Как-то, накопив денег, по пути в музыкалку я зашла в книжный магазин и купила книгу Фрэнсиса Бэкона из серии «Философское наследие». Она была в бордовом переплете с золотым тиснением, получив книгу, я гордо покинула магазин. Я была довольна собой, считала, что оправдала перед взрослыми своё долгое нахождение у полок. Единственное, что огорчало меня, это то, что заведующего магазином не было в тот момент в торговом зале, и он не видел, какую солидную книгу я купила. А то, что она серьезная и солидная, я поняла из его беседы с покупателем. Они говорили, что выход этой книги – событие, и что есть гипотеза о том, что Бэкон писал под псевдонимом Шекспир. Вот я и решила купить – для утверждения себя в качестве серьезного завсегдатая книжного магазина – именно Бэкона.

Прочитала её я примерно лет через десять, и такие мудрые мысли, как «Странное желание – стремиться к власти, чтобы утратить свободу», «На высокую башню можно подняться лишь по винтовой лестнице», «Человека лучше всего узнать в трех ситуациях: в уединении, так как здесь он снимает с себя все показное; в порыве страсти – ибо тогда он забывает все свои правила; в новых обстоятельствах, так как здесь он покидает свои привычки», во многом определили моё мировоззрение.

Занимаясь музыкой, я все больше и больше ощущала свою неудовлетворенность. Баян относился к отделению «народников» и как-то был менее авторитетным инструментом по сравнению даже с аккордеоном. Скрипачи же и пианисты считались элитой и занимались, репетировали, концертничали отдельно от нас. Я им завидовала и всегда помнила, что меня не приняли на отделение по классу скрипки, однако продолжала осваивать мастерство игры на ненавистном баяне. Вы представляете, что должна испытывать девочка, ежедневно пиликающая и растягивающая меха мужского, как я считала, инструмента? Когда подходило время домашних занятий, я пряталась в дальний угол под кроватью. Однако мой брат, добросовестно выполняя наказы мамы, строго следя за моим расписанием, ремнем выбивал меня из-под кровати. Педагоги музыкальной школы говорили, что надо пережить кризис третьего года обучения и все наладится, и музыка станет образом и смыслом жизни. Наверное, я ждала этого перелома больше, чем моя мама, но он не случился.

А случилось со мной то же, что и с моим братом: в школу пришла тренер по волейболу Тамара Миншуровна и отобрала рослых девочек для занятий в секции. Меня – в первых рядах. Прыжок у меня был слабый, но кисть сильная, размах рук и реакция хорошие, посмотрели и решили, что буду работать в защите.

Дома я ничего не сказала о забрезжившей перспективе занятий спортом, потому что отчетливо понимала, что музыка и спорт плохо совместимы. Но, то ли через брата, то ли еще как-то, об этом узнала мама. Придя с работы, она посадила меня на венский стул, который её стараниями приукрасить наш быт, как и старинный комод, был испорчен – окрашен голубой краской, и сказала:

– Ты понимаешь, что руки музыканта – это его достояние, их надо беречь, а ты будешь колотить музыкальными пальцами по мячу. Ты видела, что у волейболисток все пальцы обмотаны лейкопластырями и бинтами?! Я категорически против занятий волейболом! – сказала мама, поворачиваясь за поддержкой к отцу, который, махнув рукой, вышел из комнаты. Дескать, решайте сами, девочки.

Пока тренировки проходили в нашей школе, я тайно их посещала. По возвращении домой мокрую, хоть выжимай, футболку сразу прятала, а других явных следов «вероотступничества» не было.

Не знаю, сколько бы продолжалась моя жизнь двуликого Януса, если бы не отчетный концерт в музыкальной школе, на котором меня решили

обрядить в украинский веночек с бумажными цветами и разноцветными атласными лентами. Как только я увидела себя в зеркале с баяном и в этом венке, во мне что-то взбунтовалось. Тут на ум пришли известные слова Пушкина: «Не приведи бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный».

Да пусть лучше я буду девочкой из Еврейской колонки (так меня называли в школе, потому что в коричневом форменном платье, с коричневыми лентами в косах я была копией мамы и теряла всю русскость от отца), чем дурочкой с переулочка в венке с лентами! Буя протеста вылетела наружу, я сорвала с себя веночек, отставила баян на стуле – и на этом моя музыкальная история закончилась.

Меня очень долго уговаривали преподаватели из школы, предлагали взять паузу и продолжить занятия с нового года. Дома было бесконечное брюзжание на тему: «Как жаль потраченного труда и лет», но решение было принято.

Наступило раскрепощение, но оно было каким-то половинчатым. Мне не хватало, уже приобретенного мною, того культурного общения, о котором говорила мама в тот день, когда меня приняли в музыкальную школу. Мне не хватало симфонических концертов в музыкальном училище и посещения филармонии, с её скрипучими деревянными ступеньками, старинными резными попитрами, большим роялем, который у меня в памяти остался почему-то эстонским, и торжественной обстановки, которая была сродни Венской опере. Здесь спина выравнивалась сама собой, появлялась горделивая осанка, вдохновенное выражение лица, а броши, банты, кружева были уместны и ничуть не вычурны.

Я не знаю, куда делся баян, я никогда больше не испытывала желания взять его в руки. Но моё отношение к инструменту не имело ничего общего с отношением к музыке. Занятия музыкой оказали немаловажное влияние на формирование меня как личности: обогатили, расширили кругозор, подарили умение слышать каждый инструмент в оркестре, любить оперу, узнавать произведения композиторов на слух и получать истинное наслаждение именно от классической музыки, пробудили эстетический вкус и воображение. Даровали умиротворение и возможность взлетать и кружить в этом космическом водовороте, полностью отрешаясь от действительности. В какой-то степени мне стал доступен этот потрясающий и трогательный мир волшебных звуков, который и сегодня помогает достичь гармоничного состояния моего сознания.

Музыканта из меня не вышло, но когда у меня родилась дочь, она еще в колыбели была обречена на весь комплект дополнительных занятий, предназначенных для любимой внучки: логопед, чтобы убрать картавость, танцы, чтобы дать осанку, и, конечно же, с-к-р-и-п-о-ч-к-а с самым лучшим преподавателем в республике и репетитором в довесок!

И тут уж моя мама, теперь уже бабушка, взяла реванш и победила!

*Залимгери МИРЗОЕВ,
член президиума Совета ветеранов органов внутренних дел КБР,
полковник милиции в отставке, заместитель председателя
Совета ветеранов комсомола КБР, член Союза писателей России*

Я ПОМНЮ!

Я помню всё о той большой войне,
Хоть и рождён лишь за год до Победы.
Как будто вся она прошла во мне,
Прошла, но не смогла уйти бесследно.

Я помню лето, сорок первый год.
«Броня крепка, – мы пели, сдвинув брови, –
И если враг, – мы пели, – нападёт –
Победа будет скорой, малой кровью!»

Но как далёк к победе той был путь!
И кто всю кровь пролитую измерит,
И кто посмеет мёртвых упрекнуть,
И выживших кто укорить посмеет?

Я помню день и час большой беды,
Бомбёжек полыхающие грозы,
И тех солдат, что не в атаку шли,
А отступали, утирая слёзы.

Я вижу каждый страшный бой войны
И каждого убитого солдата.
Терзаюсь ощущением вины,
Что для рожденья поздно выбрал дату.

Ведь окажись тогда я в нужный час
С отцом своим в атаке жаркой рядом, –
От пули роковой его бы спас,
Собою заслонив под Ленинградом!

И всех погибших в страшной той войне
Я б воскресил, чтоб с нами они жили,
И женщины в печали и тоске
Слёз на могилы б братские не лили.

Но не успел попасть я на войну!
И всё случилось так, как всё случилось.
Но я сегодня горд и тем живу,
Что та война Победой завершилась!

*Юрий ТХАГАЗИТОВ,
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
сектора кабардино-черкесской литературы КБИГИ*

ПАНОРАМА РАЗВИТИЯ

На современном этапе развития национального литературоведения и культурологии наблюдается острая необходимость изучения закономерностей развития национально-художественного сознания в контексте исторического развития этноса, а также в уточнении роли и функций традиционных ценностей в формировании современного понимания духовного единства народов России.

Важность издания Х. В. Туркаевым «Истории чеченской литературы»¹ определяется, прежде всего, этими актуальными требованиями к адаптивным возможностям национальных литератур, задачами осмысления и интерпретации литературного наследия 20-х–40-х годов XX века, эстетические параметры которого формировались в сложной политической, социально-экономической и культурной жизни народов России.

Диалектически понимаемая взаимосвязь общего и особенного позволяет автору «Истории чеченской литературы» раскрыть как индивидуальную и национальные особенности художественного мышления, так и закономерности русско-российского литературного процесса.

На фоне разрозненных, описательных устремлений ряда северокавказских литературоведов и культурологов, надолго замкнувшихся в «светлом прошлом», «История чеченской литературы» Х. В. Туркаева является в этом смысле своевременным образцом для подражания учёным, которые, не отрицая прошлое, акцентируют своё внимание на будущем традиционных культур в условиях глобализации.

«История» вносит вклад не только в развитие чеченского эстетического сознания в общем и литературы в частности, но и формирует чёткую экстраполяционную картину общей проблематики целостного восприятия народного бытия в контексте эволюции художественного сознания.

Исследовательский подход Х. В. Туркаева оправданно традиционен, панорама развития художественного слова чеченского народа формируется автором в естественно-детерминативной последовательности. В первом разделе исследования – «Художественно-идеологические предпосылки зарождения литературы в дооктябрьский период» – че-

¹ Туркаев Х. В. История чеченской литературы. Т.1. М., Наука, 2019 г. 375 с.

чеченская словесность рассматривается учёным с древнейших времён: от героического эпоса, через историко-героические песни к социальной лирике. И, кстати, здесь автору удалось также выявить связь и направление влияния арабоязычной культуры и русскоязычного просветительства на формирование и становление чеченской литературы.

Во втором разделе «Идейно-эстетические особенности литературы 20-х–40-х годов XX века» Х. В. Туркаев анализирует эволюцию творческой индивидуальности, литературных форм и жанров в чеченской литературе, а также характеризует процессы трансформации фольклорных структур в аспекте функционирования в общественном сознании нового идеологического содержания.

Убедительны выводы автора и о взаимосвязях чеченской литературы первой половины XX века с русской советской литературой, с её идейными и художественными особенностями. Примечательно, что исследователь в изучении своеобразия чеченской литературы, её эволюции в рамках аутентичного и инокультурного художественного опыта, утверждает новое понимание единства северокавказского (общероссийского) историко-культурного процесса. Отметим и редкую независимость исследователя от целого ряда устоявшихся местечковых и этнических обобщений. А потому, в перспективе назревшей идеи создания «Истории северокавказских литератур», осознаётся особая актуальность и новизна исследования Х. В. Туркаева.

Авторская интерпретация «Истории чеченской литературы» Х. В. Туркаева ориентирована на общечеловеческие ценности. Именно последнее, на наш взгляд, и позволяет учёному зримо высветить специфику развития национально-художественного сознания в его устойчивых и трансформирующихся составляющих. В реконструкции и коррекции художественного наследия народа литературой 20-х – 40-х годов XX века Х. В. Туркаев видит особенный потенциал для дальнейшего развития чеченской литературы.

В целом, работа представляется весьма и весьма серьёзным исследованием, позволяющим уточнить прежние и закрепить новые методологические ориентиры взаимодействия дохудожественного и художественного типов сознания в структуре литературного произведения – не только в границах конкретной этнической системы, но и в общетеоретическом понимании. Книга Х. В. Туркаева являет собой результат масштабного анализа историко-культурного процесса 20-х – 40-х годов XX века, и вполне достойна занять нишу методологического ориентира в дальнейшем изучении чеченской литературы как второй половины XX века, так и в нынешнем пространстве культурной универсализации.

Суфьян ХАЧЕТЛОВ,
заслуженный работник образования КБР,
отличник народного просвещения РФ,
кандидат педагогических наук

ОСУЩЕСТВИТЬ СВОИ МЕЧТЫ

Очерк

*Истинное назначение человека –
жить, а не существовать.*

Джек Лондон

Обычно жизнь человека принято делить на личную и общественную, которая проходит в трудовом коллективе. Да только как знать, где эта граница, когда работа становится домом, а дом – продолжением работы.

В институте физики и математики Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова работает много талантливых, прекрасных, умных, справедливых и творческих педагогов-преподавателей, настоящих мастеров своего дела. Но одним из лучших я считаю, педагога по призванию души, наставника молодежи – директора института Бориса Иналовича Кунижева.

За сорок семь лет работы в КБГУ им. Х. М. Бербекова Борис Иналович вложил много сил и энергии в развитие физико-математической науки. Внешне он кажется человеком суровым, недоступным, не располагающим к общению, замкнутым. Я много лет его знаю, общаюсь с ним. Могу однозначно сказать, что он является очень требовательным, но справедливым в оценках. Его слова никогда не расходятся с делом. Он не допускал и не допускает ни малейшего проявления синдрома начальственного тона в отношениях с коллегами.

Борис Иналович Кунижев родился 11 июля 1951 г. в большом кабардинском селении Нартан Чегемского района КБР. Отец Бориса, Инал Тагуевич, 1906 года рождения, родом из дворянского сословия уэркъ. Когда свершилась октябрьская революция, Иналу было всего одиннадцать лет, и на его глазах прошли все революционные преобразования в стране и родном селе: НЭП, первые ТОЗы (товарищества по совместной обработке земли) и колхозы, раскулачивание крестьян. К тому времени семья Кунижевых относилась к наиболее материально обеспеченным семьям. Члены семьи Инала занимались сельскохозяйственным производством, выращивали высокие для своего времени урожаи кукурузы, проса, пшеницы и т.д., заготавливали достаточно кормов для содержания крупного рогатого скота, птиц, овец, имели достаточное количество тяглового скота для обработки своего участка земли. Все это Кунижевы нажили своим трудолюбием, настойчивостью, бережливостью, на вполне законных основаниях. При этом, как и многие жители села, честно ис-

полняли свой долг перед государством, которому своевременно платили все установленные налоги.

Когда в стране началось раскулачивание крестьянства, в разряд кулаков была зачислена и семья Инала Татуевича.

В 1932 году Инала, без суда и следствия, выслали на далёкую чужбину как кулака, где два года его «перевоспитывали» тяжёлым каторжным трудом.

После освобождения он женился, у него родились двое сыновей – Таукан и Леонид. Однако радость длилась недолго: в 1937 году Инала снова арестовали по «политическим мотивам» как врага народа и держали в неволе целых десять лет. Супруга оказалась бездушным, безвольным человеком, бросила детей и исчезла. Сыновья до возвращения Инала росли в Прохладненском детском доме.

Вернувшись после освобождения в 1947 году Иналу Татуевичу, чей дух и стремление к жизни не смогли сломать тяжёлые испытания в неволе, пришлось всё начинать с нуля. Сначала надо было обзавестись новой семьёй, найти и привести в дом женщину, которая стала бы маленьким детям матерью. И судьба подарила ему именно такую подругу – он встретил очень добрую, симпатичную, работающую молодую женщину – Жанаф Хакяшевну Ивазову.

Взаимная поддержка и любовь, забота друг о друге помогли Иналу и Жанаф преодолеть все трудности и невзгоды жизни. В новой счастливой семье, без большого интервала, у Инала родились две девочки и два сына: Асият, Борис (будущий учёный, доктор наук, профессор), Валера, Майя.

Борис Иналович Кунижев, без преувеличения можно сказать, – гордость всего рода Кунижевых. Ещё маленьким мальчиком, в школьные годы, Борис выделялся среди сверстников своей любознательностью, своими познаниями. Учился в школе на отлично, особенно любил физику. Любовь к этому предмету в школе Борису привил очень известный в то время не только в Кабардино-Балкарии, но и за её пределами заслуженный учитель школы РСФСР Лялю Хаджиевич Туков. Борис Иналович с очень большой теплотой по сегодняшний день отзывается об этом замечательном, талантливом человеке, который дал ему дорогу в жизнь.

После окончания школы перед Борисом не стоял вопрос, кем стать, куда идти учиться. Поступил в КБГУ и успешно окончил его в 1974 году по специальности «физика». Обладающего большой перспективой выпускника оставили работать в научно-исследовательском секторе университета.

Он с 1974 года работает в нем, поражая своей тактичностью, умением привлечь интерес к институту. Это открытый и искренний человек. Повезет человеку, если на его жизненном пути встретится такой профессионал своего дела, способный зажечь в сердцах людей огонь познания, вовлечь их в водоворот интересной и неповторимой университетской жизни.

Почти сорок семь лет посвятил он университету. В 1975 году Борис Иналович поступает в аспирантуру Московского текстильного института им. А. Н. Косыгина и после её окончания защищает кандидатскую диссертацию на тему «Структурообразование и молекулярная подвижность в биаксиально растянутых полимерах».

Вошедший во вкус научных изысканий, Борис Иналович сразу начинает работать над докторской диссертацией по теме: «Исследования воздействия различной интенсивности энергии на полимерные материалы». Защитил эту диссертацию в институте химической физики Академии наук Российской Федерации. После защиты докторской диссертации Борис Иналович очень много времени, по сегодняшний день, посвятил научно-исследовательской и преподавательской деятельности в физике высоких плотностей энергии, сделал ряд существенных научных открытий. Профессором Кунижевым обнаружены и объяснены новые механизмы структурообразования в деформированных полимерных материалах, смоделированы и исследованы процессы кратерообразования и разрушения в хрупких средах при динамическом нагружении. Результаты исследований докладывались на ежегодных международных, всероссийских и региональных конференциях. Им подготовлено и издано пять учебных пособий, написано и опубликовано более 200 научных статей в ведущих рецензируемых научных журналах ВАК (Высшая аттестационная комиссия при Министерстве науки и высшего образования РФ), Scopus (крупнейшая в мире реферативная база данных с возможностями отслеживания научной цитируемости публикаций), WoS (Web of Science – интернет-платформа, объединяющая реферативные базы данных публикаций в научных журналах и патентов). Под его руководством защищены семь кандидатских диссертаций, он является научным консультантом ещё двух докторских диссертаций. Работы Б. И. Кунижева имеют большое значение в научной среде всей страны.

Огромный вклад Бориса Иналовича Кунижева в развитие физической науки и воспитание молодых талантливых учёных получил высокую оценку. В 2011 году ему было присвоено высокое звание «Почётный работник науки и техники Российской Федерации».

В плане сотрудничества с Ингушским государственным университетом Б. И. Кунижев проводит очень большую работу. Под его руководством три сотрудника Ингушского государственного университета защитили кандидатские диссертации по физико-математическим и техническим наукам в КБГУ им. Х. М. Бербекова. Борис Иналович является научным руководителем сотрудника этого же вуза на соискание учёной степени доктора физико-математических наук. Совместно с преподавателями единственного в Республике Ингушетия государственного вуза, профессором Б. И. Кунижевым написаны два учебных пособия: по физике полимеров и теоретической механике.

За вклад в подготовку научных кадров Ингушского государственного университета указом главы Ингушетии Б. И. Куниеву присвоено высокое почётное звание. В указе главы Ингушетии сказано:

«Почётного звания “Заслуженный деятель науки Республики Ингушетия” удостоен Борис Иналович Куниев – директор института физики и математики Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова, профессор кафедры теоретической и экспериментальной физики, доктор физико-математических наук, Почётный работник науки и техники Российской Федерации, почётный житель с.п. Нартан».

Борис Иналович Куниев – профессиональный управленец и новатор. Он работал деканом физического факультета семь лет (с 1991 по 1997 гг.), более 20 лет является членом диссертационного Совета при КБГУ им. Х. М. Бербекова по специальности «Высокомолекулярные соединения».

Помимо научно-исследовательской деятельности Борис Иналович погружён и в учебные дела вуза. Он читает лекционные курсы «Теоретическая механика», «Уравнения состояния вещества в экстремальных условиях» и ведёт по этим курсам практические занятия.

Участвует в организации и проведении республиканских, университетских северокавказских, всероссийских олимпиад по математике, информатике, физике среди школьников и студентов. Проводит учебно-методические занятия с учителями и одарёнными детьми средних общеобразовательных учреждений всех муниципальных районов республики. Разрабатывает образовательные программы и рабочие учебные планы новых направлений и профилей подготовки бакалавров и магистров на кафедрах института физики и математики по дистанционному обучению студентов и сетевому взаимодействию с другими вузами страны.

Его уважают и ценят коллеги-ученые. Рассказывает заслуженный деятель науки КБР, заведующий кафедрой теоретической физики КБГУ им. Х. М. Бербекова М. Х. Хоконов: «Был период, когда Российская система образования только начинала переход на многоуровневую систему. Тогда это делалось в порядке эксперимента. В нашем университете система бакалавр-магистр была внедрена одной из первых в РФ именно на физическом факультете и факультете микроэлектроники. В этом большая заслуга Бориса Иналовича. Спустя много лет, уже точно можно сказать, что время показало, насколько правильной была стратегия, которая в то время в большой степени содержала в себе элемент риска».

«Борис Куниев – прекрасный учитель, педагог от Бога», – говорит заведующий отделом стихийных явлений ВГИ профессор Анатолий Аджиев, в прежние годы трудившийся с Б. И. Куниевым и сейчас ведущий с ним совместные научные разработки.

Коллеги Бориса Иналовича отмечают его разносторонность и эрудицию. Его отличает увлечённость исследовательской деятельностью и активная научная позиция.

Б. И. Кунижев – до предела занятой человек, у которого не должно быть, на наш взгляд, никакой передышки, и, тем не менее, он находит возможность писать на родном и русском языках очень талантливые стихи, которые неоднократно публиковались на страницах газет КБР. Стихи он посвящал родным, друзьям, коллегам. Их благожелательные отзывы придавали уверенность в своих силах, подтолкнули к попытке отразить в стихах своё видение мира, изложить философские размышления. Цикл стихотворений он посвятил истории адыгов. На русском пишет стихи лирические и юмористические, о личных переживаниях, басни, о родном селе, о жизни говорит на родном кабардинском языке. В 2013 году выпустил сборник стихов под названием «Мысли вслух».

Шахматы для него – увлечение на всю жизнь. Выполнил норматив мастера спорта. Больше всего ему нравится играть блиц – он входит в десятку лучших шахматистов республики. Руководит секцией и тренирует сборную команду КБГУ по шахматам.

У Бориса Иналовича одно давнее хобби – нумизматика. В коллекции, начало которой было положено в 1988 году, когда во главе студенческого строительного отряда побывал в Германии, представлены денежные знаки более 100 стран мира.

Он хорошо знает немецкий язык. Языку его научил старший брат отца, который ещё до революции получил высшее инженерное образование в Греции. Его аристократизм, умение быть выше бытовых трудностей, оказали большое влияние на будущего учёного, именно благодаря этому Борис Кунижев был уверен, что станет профессором, поэтом. Ему удалось осуществить свои мечты.

11 июля 2021 года профессору Б. И. Кунижеву исполняется 70 лет, в связи с этим его поздравляют коллеги:

Уважаемый Борис Иналович!

Коллектив Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова поздравляет Вас с днем рождения! Примите от нас самые добрые и душевные пожелания!

Выражаем благодарность за Вашу плодотворную преподавательскую и научную деятельность на благо университета. Как автор научных работ и опытный педагог, вы обладаете огромным кругом научных интересов, и мы, коллеги и студенты, это очень ценим. Пусть Ваша профессиональная деятельность приносит Вам истинное удовольствие и желание двигаться дальше, а каждый новый день будет наполнен радостью от новых побед и достижений!

От всей души желаем Вам счастья, осуществления задуманных планов и успехов в профессиональной деятельности. Счастья, добра и благополучия Вам и Вашим близким!

ОЧАГ МИРА

14–15 мая в Нальчике прошла II Северо-Кавказская модель ООН «Очаг мира». Модель ООН – это деловая игра, которая призвана реализовать национальные черты публичной дипломатии молодежи. Изначально в Модель ООН играли студенты Гарварда, более двадцати лет играют студенты МГИМО и других российских вузов, а в последнее время она набирает всё больше популярности среди школьников. Так Модель ООН дошла и до Северного Кавказа, и это благодаря инициативе гимназии № 4. Впервые учащиеся дипломатического класса приняли участие в этой игре в МГИМО, а вернувшись в Нальчик, сыграли со студентами КБГУ.

В этом году прошла уже вторая игра. В Модели приняли участие около 60 студентов КБГУ, КБГАУ, учащиеся дипломатического класса гимназии № 4 и ученики других школ г. Нальчика. Все участники – делегаты, наблюдатели, эксперты и председатели – выступили в роли официальных представителей стран ООН, обсуждая повестки их комитетов.

Программа Модели включала в себя заседание Генеральной Ассамблеи на русском и английском языках по вопросу «Права коренных народов на сохранение родного языка», а также – заседание комитета ЮНЕП, повесткой которого являлось «Решение проблемы загрязнения окружающей среды пластмассовыми изделиями одноразового пользования».

Эти два дня прошли максимально насыщенно. Для юных дипломатов подготовили интересный образовательный блок. В первый день для делегатов Генеральной Ассамблеи провели мастер-классы по

проблеме сохранения родных языков. На русском языке – кандидат филологических наук, преподаватель Мадина Езаова, на английском языке – редактор инстаграм-страницы «Нальчик» Аслан Мазукабзов.

Для делегатов ЮНЕП выступил старший методист управления по молодежной политике и воспитательной работе КБГУ Аскер Шибзухов. Тема мастер-класса звучала, как и сама повестка комитета, – «Проблема загрязнения окружающей среды пластмассовыми изделиями одноразового пользования».

По завершении первого дня Модели делегаты устроили флешмоб «Очаг мира».

Второй день Модели начался с увлекательных мастер-классов, которые провели преподаватели КБГУ: с «Гастрономической дипломатией» выступила Алена Александровна Анищенко, внимательно слушали мастер-класс Аксаны Георгиевны Карашевой «Туризм и дипломатия», и «Зачем уметь писать хорошие тексты?» рассказала Марина Владимировна Битокова.

Сразу после мастер-классов участники Модели ООН направились в свои комитеты, где продолжили свою работу по вопросам повестки. А результатом двухдневных жарких споров и дискуссий стали резолюции. День завершился балом, где, разучив движения, делегаты станцевали вальс и удж.

В наше время важно находить компромисс по тому или иному вопросу, уметь дипломатично разрешать проблемы. Модель ООН является той самой дипломатической площадкой, которая поможет молодому поколению задаваться важными вопросами и научиться находить ответы на них.

В номере:

К юбилею Ахмата Созаева. Свои дороги. <i>Статьи, стихи</i>	2
<i>Ахмат Созаев. Стихи</i>	19
<i>Кашиф Унежев. Дети Солнца. Главы из романа</i>	27
<i>Бурхан Берберов. Крик камня. Повесть</i>	49
<i>Амир Макоев. Последнее оружие. Спаси меня, мой ангел. Рассказы</i>	86
<i>Алим Алафаев. Посвящения. Стихи</i>	106
<i>Мухамед Карданов. Сила кафы. Рассказ</i>	112
К 100-летию Хаути Дударова. Классик сагиры и юмора. <i>Очерки</i> .	118
<i>Хаути Дударов. Готовый к услугам. Бухута. Отреклись... Рассказы</i>	125
<i>Аскер Додуев. Колыбель молнии. Статья</i>	134
<i>Ибрагим Бабаев. Стихи</i>	139
<i>Виктор Котляров. Через себя к себе. Очерк</i>	153
<i>Галина Темиржанова-Емыкова. Стихи</i>	158
Юбилейные «Липки» в Звенигороде	160
<i>Дарья Шомахова. Винаваты не звезды. Дюймовочка. Рассказы</i> . .	161
<i>Марина Мазуренко. Стихи</i>	167
<i>Елена Кодзокова. Стихи</i>	170
<i>Наталья Шинкарева. Музыкалка, мама и я. Рассказ</i>	172
<i>Залимгери Мирзоев. Я помню! Стихи</i>	181
<i>Юрий Тхагазитов. Панорама развития. Статья</i>	182
<i>Суфьян Хачетлов. Осуществить свои мечты. Очерк</i>	184
<i>Жанна Кандорова. Очаг мира. Статья</i>	189

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов

В номере использованы фотографии А. Елканова, Ф. Дударовой, Ж. Кандоровой

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

*Литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации.
Управление Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
по Кабардино-Балкарской Республике
ПИ № ТУ 07-00126 от 11.01.2018 г.
Подписной индекс П5892

Компьютерная верстка *Е. Г. Бит-Сава*
Дизайн первой страницы обложки *Юрия Сабанчиева*

Сдано в набор 30.04.2021. Подписано к печати 11.05.2021.
Выход в свет 30.06.2021. Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Усл. п. л. 12,0.
Тираж 550 экз. Заказ №1237. Стоимость одного номера по подписке
через ФГУП «Почта России» – 35,03 руб., за 6 мес. – 105,09 руб.,
за год – 210,18 руб.

В розницу – цена свободная.
Адрес редакции, издателя: 360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5.
Тел.: главный редактор – 40-03-24,
редакторы, бухгалтерия – 42-75-22,
сайт: pressa.smikbr.ru,
e-mail: literaturnayakb@mail.ru

Отпечатано в ООО «Издательство «Южный регион»,
357600, Ставропольский край, г. Ессентуки, ул. Никольская, 5а

Материалы для журнала принимаются в распечатанном виде с электронной версией.

Редакция не вступает в переписку с авторами. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Мнение авторов публицистических статей может не совпадать с точкой зрения редколлегии. Авторы сами несут ответственность за достоверность своих материалов. Редакция не принимает рукописи ранее опубликованных материалов на русском языке. При перепечатке материалов ссылка на «Литературную Кабардино-Балкарию» обязательна. Статьи принимаются в объеме, не превышающем 5-ти стандартных страниц (А4), с приложением личных данных (ИНН, страховое пенсионное свидетельство, паспортные данные, номер контактного телефона).

Продолжается подписка на журнал «Литературная Кабардино-Балкария» —

единственное литературно-художественное и общественно-политическое издание на русском языке, охватывающее и поддерживающее единое культурное пространство, создаваемое усилиями деятелей искусства и культуры нашей республики.

На страницах «Литературной Кабардино-Балкарии» читатель всегда найдет современную прозу и поэтические подборки как известных мастеров литературы, так и тех, кому еще только предстоит обрести популярность.

Журнал стремится освещать широкий круг вопросов общественно-политической жизни, проблемы и достижения во всех отраслях народного хозяйства КБР.

В журнале печатаются как оригинальные произведения, так и переводные тексты авторов нашей республики, а также литераторов и журналистов братских республик Северного Кавказа, ближнего и дальнего зарубежья, ранее не издававшиеся на русском языке.

Аудиторию «Литературной Кабардино-Балкарии» составляют все категории читателей, объединенных любовью к литературе и неравнодушных к событиям общественной жизни.

Журнал выходит шесть раз в год, каждые два месяца.
Стоимость одного номера по подписке в отделениях ФГУП
«Почта России» — 35,03 руб., за 6 месяцев — 105,09 руб.,
за год — 210,18 руб.

В розницу — цена свободная.

Адрес редакции: КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5, «Дом печати».

Телефоны редакции: 40-03-24; 42-75-22.

Сайт: pressa.smikbr.ru,
e-mail: literaturnayakb@mail.ru.

Подписной индекс П5892

21 МАЯ: ДЕНЬ ПАМЯТИ АДЫГОВ – ЖЕРТВ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ

